

Каникулы вне зоны доступа

Сон Егора

Тиранозавр ломился через древний влажный чужой лес, как массивный чудовищный бульдозер, лишь иногда сворачивая, чтобы обогнуть огромные секвойи, оплетённые странными седыми водорослями. Мелкие, но опасные велоцерапторы выскакивали перед ним, разбегаясь в разные стороны с оглушительным противным визгом.

Егор бежал по чуть заметной тропе, уворачиваясь от колючих лиан, норовивших впиться в пластик униформы разведчика департамента времени. Механический голос в наушнике направлял: «обогни скалу справа!», «влево через мангровый кустарник!», «беги вдоль ручья!» Тиранозавр повторял манёвры беглеца, как будто тоже был направляем из какого-то своего динозаврового центра экстренной связи.

Наручный дисплей показывал пульсирующую спасительную точку всё ярче и ярче, но земля под ногами дрожала от ног наступающего Тиранозауруса Рекса совсем уже оглушающе. И когда на открытой поляне впереди показался наконец ударный экзострайдер «Кобра», тиранозавр обдал Егора жарким выдохом из огромной пасти. «Не успеть», — мелькнула усталая мысль. Разведчик Токарев обернулся и выхватил из ножен слаборазрядный плазменный меч. Последний заряд срезал переднюю лапу Т-Рекса, но страшный ряд громадных острых зубов уже навис над головой Егора.

Вдруг раздался удар, зубы громко схлопнулись левее двуногой добычи, тиранозавр чуть завалился набок, удивлённо оглядываясь (да-да, во сне динозавры могут удивляться, это обычное дело). Удивился и Егор: откуда тут взялся экзопокет «Паучок», отвлекший на себя разъярённого динозавра?

Понятно — мелкоформатным роботом управлял непослушный неугомонный Кирюха, опять влезший во взрослые дела.

«Беги, я побохгюсь с ним!» — прокричал в форточку стеклоброникабины Кирилл, цепляя динозавра за хвост металлическими паучьими лапами биоробота. «Сколько ты там с ним сумеешь побороться? Минуту?» — успел подумать Егор, прежде чем броситься к своей мощной «Кобре». Только она могла сейчас спасти Кирюшку, только она.

Егор ворвался в кабину, мгновенно натянул экзобраслеты, осталось лишь набрать на дисплее код активации. «Код! Номер кода!» — панически заставлял себя вспомнить главные сейчас цифры Егор. Они наконец вспыхнули на экране, и разведчик Токарев прыгнул к месту схватки, обрушил на голову тиранозавра бронированный кулак экзострайдера, перевернул обмякшую тушу.

Из лежащего на боку «Паучка» спокойно выбрался Кирилл и спросил: «Ты почему циффгы всегда забываешь? Вставай уже, хватит спать».

Часть первая. Всё начиналось так

Глава 1. Нескучный день

«2318» — заветный набор цифр первым пришёл в голову рано проснувшемуся Егорке Токареву. Потом догнала вторая радостная мысль: «Каникулы! Сегодня уже каникулы!» И наконец вспомнилось тоже себе неплохое: 1 июня — День защиты детей. Кто и от кого должен сегодня защищать его и Кирюху, Егор понимал не очень, просто знал, что это единственный официальный детский

праздник, который предполагал что-нибудь подарочное от мамы с папой. Нет, не специальные подарки к календарной дате (что тоже было бы неплохо), а какое-нибудь совместное сюрпризное развлечение, как прошлогоднее посещение зоопарка, где Кирилл пытался кормить сладкой ватой дикобраза, а тот обиженно фыркал и топорщил иголки. «Такой большой, а такой духгак!» — пришёл к выводу насчёт дикобраза до сих пор картавящий, несмотря на усилия логопеда Ольги Валентиновны, брат Кирюшка. Всем было весело и смешно. Даже дикобразу, наверное.

Но главным сейчас, конечно же, были цифры. Егор опустил голову: Кирилл спал на своей нижней кровати в обнимку с плюшевым удавом Горынычем. Горыныч существовал в семье Токаревых почти всю Егоркину жизнь, был любимцем Кирюхи с додетсадовских времён, давно облез до проплешин, потерял оба пуговичных глаза, но всё равно оставался главным снотворным средством для младшего брата, сопевшего сейчас, уткнувшись в подушку головой со встрёпанной во сне причёской.

Светлым цветом волос Егор и Кирилл пошли в папу, но у папы-блондина Игоря Алексеевича существовала тёмная борода и намечающаяся лысина. Папина борода удалась цветом в маму братьев Нину Андреевну, красивую голубоглазую шатенку. Кирюшку отличали ярко-голубые мамины глаза, а Егора — смешливая одинокая ямочка на левой щеке.

В доме этим ранним утром было тихо и уютно. Егор бесшумно спустился по деревянной лестнице на пол и прошмыгнул мимо спальни родителей в большую комнату, к папиному ноутбуку, высмотренный пароль от которого второй день не давал Егору спать спокойно: вот и сегодня разбудил ни свет, ни заря.

Раскодировав доступ к компьютеру, Егор подключил наушники и набрал в поиске «техногерой играть». Сеть выложила перед пятиклассником (интересно, окончивший пятый класс ещё пятиклассник или уже шестиклассник?) несколько страниц ссылок на популярный подростковый шутер. Нет, скачивать его Егор не собирался, это папа в момент обнаружит, а вот погонять игру можно успеть, пока родители спят. Они не разрешают, а в школе только и разговоров о «Техногерое» — нужно же соответствовать запросам своего поколения, почему родители не понимают таких простых вещей? Вначале самому потихоньку в шутере освоиться, а потом как-нибудь при случае с Валеркой Погодиным сыграть он-лайн, когда с Кирюшкой одни в доме останутся.

Эх, был бы свой ноут, как у Валерки, вот было бы дело. Но мама говорит, что я тогда учёбу заброшу, а папа объясняет, что лучше лишний раз на улицу выйти, в лес сходить, на речку, чем в монитор пялиться. «Успеешь ещё поработаться с компьютером в своей жизни, — говорит. — Пользуйся возможностью быть свободным от интернета, пока молодой. Потом поздно будет».

Ну да, хорошо им, взрослым, у них у каждого по компьютеру и смартфону, когда хотят, тогда и пользуются сетью, а мне запрещают. Неправильно это, несправедливо. Даже на телефон Егора папа поставил ограничитель доступа к интернету, там теперь ничего интересного, кроме детских сказок, найти невозможно. Скорей бы уже вырасти, что ли...

Пока в голове роились мысли о несправедливом устройстве современного взрослого общества, в «Техногерое» прокрутилась обязательная заставка с объяснением правил, введением в историю Техномира и предложением выбора персонажа. Егору приглянулся блондин в тёмных очках и белозубой улыбке. Теперь Егор Токарев станет этим самым Риком Болтом в большой и запутанной

вселенной игры. И тогда держись, Валерка Погодин или как там тебя называют в Техномире...

Рик Болт вышел на свет божий из тёмного пространства метро со снующими там крысами, вооружённый для начала почему-то большой шестерёнкой. Ага, вот и патруль Технократии требует предъявить допуск на свободное перемещение по поверхности. Ну-ка, выручай, шестерёночка! Вжик, раз-два! Вот так этим патрульным, подберём-ка их простой лучевой пистолет, пригодится.

С пистолетом Рик чувствовал себя уже немножко ковбоем из любимых папиных вестернов. Наручный идентификатор показал приближение легковооружённого монстра. Егор, то есть, Рик укрылся за бетонной трансформаторной будкой, направил ствол на угол дома, из-за которого должен был выдвинуться враг...

— Там на крыше ещё один, — Кирилл сдвинул один наушник на голове брата, ткнул пальцем в левый угол монитора.

— Сам вижу, — недовольно буркнул не заметивший ранее указанного монстра Егор. — Тебя тут не хватало.

Кирюха промолчал, болтая ногами на придвинутом рядом стуле: какой смысл ругаться, если можно понаблюдать за чем-то новым и запретным, пока родители спят? Потом Егору надоест, он поделится кодом доступа к папиному ноутбуку, а там можно будет хоть в «Техногероя» рубиться, хоть другое что интересное в интернете искать.

— А как ты код узнал? — поинтересовался у брата Кирюшка, пока убитый пятилапым монстром Рик Болт восстанавливал сохранённую жизнь.

— Селфи сделал, когда папа компьютер включал, чтобы экран на снимок попал. Мама смотрела, как я кривляюсь за его спиной, себя фотографируя. Ничего не поняла.

— Ух ты, ловко придумал, — оценил находчивость старшего брата Кирилл. — Скинешь мне потом фото?

— Скину, скину, только отвянь сейчас, — Егор поправил наушники, монстры начали обходить Рика справа.

И когда Егор уже обзавёлся штурмовой винтовкой убитого в честном виртуальном бою командира патруля Технократии, на макушку геймера легла большая ладонь. Папа стоял сзади в трусах и футболке, положив руки на головы братьев.

— Как успехи? — ровным голосом спросил папа. — На каком уровне воюем?

— На первом, — виновато признался Егор. — Мы только начали.

— Не мы, а он, — сразу открестился от родного брата Кирилл. — Я только проснулся, а Егор уже здесь был.

— Некрасиво себя ведёшь, Киря, — папина рука отвесила лёгкий ласковый подзатыльник младшему. — Ладно, он пока ещё малой, но ты-то, Егор, должен понимать слово «нельзя»?

— Всем в классе можно, только мне нельзя, — к горлу старшего брата подкатывали обидные слёзы и на папу, и на предателя Кирюху, но плакать было нельзя, потому что... потому что нельзя — и всё. Такое уж это слово.

— Что за споры с утра? — в комнату вошла мама, отодвинула папу, поцеловала по очереди братьев. — Доброе утро, мальчики. Все трое.

— И ты тоже мальчик, — ткнув в папу пальцем, развеселился Кирилл.

— А что я вам, девочка, что ли? — удивился папа и пожаловался. — Вот, добрались до сетевых игр.

— Они больше не будут, — беспечно отмахнулась мама. — Не будете же, верно?

Кирюха усиленно закивал, а Егор промолчал — больше от обиды, чем из вредности.

— Нет, подожди, — не стал быстро сдаваться папа. — Мы же договаривались, что свободный доступ в интернет в нашей семье начинается с четырнадцати лет. А этим, одному — двенадцать, другому — вообще, десять. И они обещали. И потому должны быть наказаны.

— Сегодня нас нельзя наказывать, — вдруг спокойно сказал Кирилл.

— Это почему же ещё? — не понял папа, а Егор уже понял.

— Потому что сегодня День защиты детей! — восторжествовал старший брат и от полноты чувств прихватил в обнимку младшего, забыв о недавней обиде.

— Первое, значит, июня, — как-то даже растерянно согласился папа.

— Вот именно, — рассмеялась мама. — Никто никого наказывать не будет. А теперь всем умыться и чистить зубы. Я пошла завтрак готовить.

Кирюха запрыгнул на спину Егора и скомандовал: «Вези меня, мой конь буланый, в ванную!» Конь заскакал в указанном направлении, а папа вздохнул, выключил компьютер и отправился на кухню помогать маме.

Завтракали любимыми Кирюшкиными сосисками с кофе. Братья Токаревы ели молча, но быстро в ожидании общего подарка в столь значительный, общемировой, можно сказать, праздник. Папа за столом разговаривать не любил, он, как правило, смотрел новости по телевизору, а мама просто следила, чтобы дети вели себя хорошо, доедали всё до тарелочной чистоты и безнадёжно надеялась, что кто-нибудь попросит добавки.

Наконец папа узнал, что «Спартак» снова проиграл «Зениту» со счётом 0:2, вздохнул и выключил телевизор. Семейство уже допивало кофе: мама и Кирилл — с молоком, а Егор просто с сахаром, как папа.

— Ну что, Игорь Алексеевич, объявляй нам план действий на сегодня, — выразила общий запрос на семейную перспективу мама.

Егор и Кириллом усиленно закивали головами в радостном предвкушении грядущих событий.

— Даже не знаю, уважаемая Татьяна Андреевна, стоит ли? — сделал строгое лицо папа Игорь. — Кто-то сегодня пиратским образом проник в мой компьютер. Вы не знаете случайно, кто?

Мама, улыбаясь, пожала плечами. Папа заглянул под стол, спросил:

— Может быть, здесь прячется нарушитель установленных правил?

Братья тоже дружно свесили головы, высматривая нехорошего нарушителя.

Кирюха выпрямился, вздохнул:

— Нет никого.

Егор поддержал:

— Смылся, похоже.

А мама сказала:

— Ну, смылся и смылся, нам и без него хорошо. Выкладывай, куда мы сегодня.

Папа почесал свою пиратскую бороду, поменял строгое лицо на весёлое, уточнил:

— Не только сегодня. У меня план на лето: кто согласится, тот начнёт принимать участие в его осуществлении прямо сейчас.

Мама покачала головой, папа поправился:

— Хорошо, не сейчас, а через час, потому что некоторым нужно красоту себе навести.

— И посуду за вами помыть, — добавила мама.

Егор уже устал выдерживать этот несущественный, необязательный, скучный разговор и спросил папу прямо по-мужски, как он учил ещё в прошлом году:

— Я ничего не понял: мы пойдём сегодня куда-нибудь?

— Потому праздник, если вы забыли! — аргументировано добавил младший брат.

— Пойдём, — наконец папа высказался определённо. — И пойдём вы с вами в магазин рыболовного и туристического снаряжения.

— И что там интересного? — разочарованный Егор ожидал какого-то более привлекательного предложения от родителей.

— Там палатки, удочки, спиннинги и блёсны, — сообщил папа. — Там интересно.

Аргумент казался довольно спорным, но мама добавила:

— А потом пойдём в новый торговый центр «Планета», он рядом. Там будем есть пиццу и развлекаться в игровых зонах. Их там, говорят, несколько с какими-то интересными аттракционами.

— Ура! — закричал довольный Кирилл. — Давайте же собираться, поехали быстрее!

Егору финальное предложение тоже понравилось: с таким вариантом можно согласиться, нормальный получается праздник, нескучный.

— Тогда я пошла одеваться, — встала из-за стола мама. — И вам рекомендую, а то почему-то всегда получается, что мне наряжаться дольше, а на выходе приходится вас ждать, ребетня.

— Нет, мам, мы быстро-быстро! — заверил Егор и дёрнул за руку младшего брата. — Пошли скорей.

— А я гляжу, никому неинтересно, зачем нам палатка, спиннинги и блёсны, — отметил папа. — Ну, неинтересно так неинтересно.

— Зачем? — Кирюха задержался в дверях кухни, остановив и старшего брата. Папа деланно зевнул, скучно посмотрел в окно и сказал:

— Затем, что через два месяца мы все едем на Байкал. Будем жить в палатке на берегу, ловить рыбу, собирать грибы, купаться, ходить в горы. И так целых две недели. Такой вот план на лето.

— Ух ты! — Егор сразу представил всю предстоящую красоту необычного отдыха. — Здорово! Скажи, Кирка?

— Здорово, — охотно согласился младший.

Кирюха в силу возраста не очень помнил, как они всей семьёй ездили шесть лет назад отдыхать на озеро Линёво. А Егору хорошо запомнились и прохладные ночи у жаркого костра, и первые пойманные им на удочку караси, и огромные шумящие сосны под ярким синим небом. Даже вредные тамошние комары казались сегодня не настолько противными, как в те далёкие незапамятные времена. А тут целый Байкал впереди! Настоящий Байкал, надо же. Молодцы какие папа с мамой, пятёрка им за поведение.

Кирилл не так чтобы хорошо себе представлял, что это за Байкал такой и с чем его едят, но доверял восторгу старшего брата, потому оделся первым, натянул рюкзак, проверил телефон в кармане и уже сидел на стульчике в коридоре. Папа с мамой вышли из своей комнаты, нарядные по случаю праздника.

— Егорик, ты скоро? — спросила мама.

— Уже, — Егор вышел из детской, добывая какое-то сообщение на телефоне.

— Тогда пошли, — дал команду папа, и все они вышли на лестничную площадку, ожидая, пока глава семейства закроет на ключ входную дверь. — И

чтобы кое у кого не было ненужных иллюзий, код доступа на своём компьютере я поменял. Всё, вперёд.

Информация прозвучала не вполне празднично, но всех впереди ждало большое радостное летнее приключение. Грустить было не время и не место. День надвигался долгий, весёлый и интересный.

Глава 2. Поезд

Первый в жизни Кирилла и Егора тоннель накатил внезапно, когда папа пошёл мыть посуду после завтрака, а мама вытащила из-под полки свой рюкзак и начала складывать в него разнообразные семейные вещи. В плацкартном вагоне стало темно, за оконным стеклом замелькали фонари, коротко освещавшие стены с какими-то железными конструкциями, внутри которых продвигался поезд №92 Москва — Североозёрск. Но никто не успел испугаться, даже Кирилл, потому что в вагоне сразу включился свет, и проводница тётя Надя заглянула в их плацкартное купе с шваброй в руках.

— Что, малышня, страшно? — подмигнула она братьям Токаревым. — Не бойтесь, скоро опять выедем на свет божий.

— А через сколько выедем? — уточнил не испугавшийся, а только чуть встревожившийся Егор.

— Да минуты через три. Тапки с пола поднимайте, ребятки.

Мама прибрала на полку поездную обувь и спросила:

— Подъезжаем уже, Надя?

— Да вот как из тоннеля выедем, вниз покатым, а там уже скоро и Байкал откроется. Так что начинайте собираться потихонечку, как раз успеете.

Проводница забрала ведро со шваброй и переместила уборку вагона в соседний отсек. Тут и папа вернулся с помытой пластиковой, специально купленной в поход посудой, начал снимать с верхних багажных полок рюкзаки и сумки.

Так-то один тоннель они уже проехали ещё вчера, но случился он ночью и потому никто его не видел, кроме Ники Скворцовой из купе в начале их вагона, рядом с проводниками. Она заглянула утром, когда родители Токаревы ушли умываться, а Егор успел слезть со своей верхней полки и забраться под простыню к только что проснувшемуся младшему брату. Ника сказала «здрасьте» и уселась на соседнюю полку, независимо болтая ногами. Но долго молчать она не умела:

— Коршуниху проехали ночью.

— Ну и что? — спросил Егор. — Мало ли мы станций проехали за два дня.

— А вы всё проспали, — не согласилась Ника.

— Да что мы такого могли проспать? — удивился старший из братьев Токаревых.

— Ничего особенного, — сморщила конопатый нос рыжая попутчица. — Только тоннель.

— Тоннель?! — вскинулся Кирюха.

— Как тоннель? — растерялся Егор.

— Вот так, — пожала плечами Ника. — А вы всё проспали. Я проснулась воды попить, вижу — папа куртку надевает, значит станция скоро, покурить выйдет. И тут он мне говорит: «Погоди спать, сейчас тоннель будет». Я и погождала, нет, погождала. Как правильно?

— Подождала, — торопливо подсказал Егор. — Дождалась?

— Конечно, — мотнула рыжей головой Ника.

— И как там было, в тоннеле? — не терпелось узнать Кириллу.

— Офигительно, — сообщила Ника.

Егор выглянул в коридор, посмотреть не возвращаются ли родители, не одобрявшие нормальных, но не вполне приличных в их понимании слов, и переспросил:

— Понятно, что офигительно, а как офигительно?

— Вы не поймёте, потому что не видели, а словами тут не расскажешь. О-фи-ги-тель-но — и всё тут. Я даже Софи рассказать не сумела, она тоже проспала, ничего не видела.

Софи — так Ника называла одноклассницу Веру Калинчук, которая тоже ехала на Байкал из Перми. Только Вера ехала с мамой Анной Витальевной, а Ника — с папой Тимофеем Олеговичем. Обе подружки перешли в пятый класс и часто называли друг друга школьными прозвищами: Вера звала Нику понятным по беспокойному характеру подруги никнеймом Шило, а почему Вера откликалась на прозвище Софи, братья пока ещё не разобрались. Но это сейчас было неважно. Важно, что Шило видела тоннель, а они его проспали.

Ника достала телефон, открыла галерею:

— Вот, смотрите. Папа фотографировал, потом мне сбросил.

Смотреть, в общем, было не на что: чёрные снимки с размытыми светлыми пятнами. На тоннель совсем не похоже.

— Ну, не знаю, — пожал плечами Егор. — Ты видишь тут тоннель, Киря?

— Не вижу, — согласился младший и вздохнул. — А ты видела, тебе хорошо.

— Ничего, увидите ещё. Папа часто по БАМу ездил в свои водные походы, он говорит, что будет ещё длинный Байкальский тоннель завтра, когда уже подъезжать будем, — Ника-Шило перестала болтать ногами, слезла с полки. — Ладно, мы там завтракать сейчас собрались, потом договорим.

Вместо убежавшей Ники в купе вернулся папа, бросил на свою полку полотенце с зубной щёткой и пастой.

— Ночью, между прочим, тоннель проехали, — сообщил отцу Кирилл. — А завтра ещё один должен быть, большой, Никин папа сказал.

— Если сказал, значит будет, — большого интереса к прошлым и будущим тоннелям папа Игорь не проявил. — Тимофей человек опытный, бывалый, ему виднее. А я, как и вы, первый раз здесь еду.

Не обманул дядя Тимофей, вот он настоящий тоннель. Хороший, гулкий, обстоятельный.

Поезд вырвался из темноты внезапно, как электросамокатчик из-за угла навстречу. Стало ярко и весело. За окном вновь поплыл уже привычный пейзаж зелёной горной тайги с бурными речками, текущими то слева, то справа от железнодорожной магистрали.

— Ладно, давайте-ка, братцы, собираться, — скомандовал папа.

Кирилл послушно достал свой рюкзачок, задумался, вспоминая что в нём лежало изначально, пока семейство не погрузилось в вагон. Егор тоже задумался, но по другому поводу: он искал другую рифму к слову «братцы», которое так удачно у папы срифмовалось с «собираться». Это была давняя их с мамой игра, искать рифмы ко всяким словам. Мама её придумала, когда ещё братья Токаревы ходили в детский сад. Кирюшка рифмами не увлёкся, а Егору до сих пор нравилось.

— А на Байкале, братцы, будем мы купаться! — наконец сообщил озабоченному сборами семейству юный поэт.

— Хорошо, Егорик, — похвалила мама, а Кирилл встрял:

— Чесаться.

— Почему чесаться? — улыбнулась мама.

Младший пожал плечами, а папа объяснил за него:

— Потому что комары.

— Действительно, не поспоришь, — согласилась мама.

Грядущие комары никого не расстроили, поскольку папа вдруг показал на окно:

— А вот и Байкал.

И все прильнули к стеклу смотреть на открывшуюся сверху Байкальского хребта синюю гладь огромного озера, на берегу которого россыпью кубиков из конструктора смотрелись дома города Североозёрска, конечной точки длинного, увлекательного поездного путешествия.

Когда все рюкзаки были собраны, а папа достал телефон и стал что-то в нём изучать, к ним заглянули Ника Скворцова и Вера Калинчук, тоже уже переодетые из поездного полудомашнего в городское походное. За ними пришёл отец Ники Тимофей Олегович, тоже рыжий, только несуетливый, крепкий, выше на голову папы Егора и Кирилла. Он и Вера сели на два свободных места боковой полки через проход, а Ника по-хозяйски втиснулась между братьев Токаревых.

— Ну что, готовы к приключениям? — Тимофей Олегович, улыбаясь, смотрел на Егора и Кирилла, но ответила мама.

— Кажется, готовы, — окончательной уверенности в её голосе не слышалось.

— Почти, — добавил папа, не отрываясь от телефона. — Сейчас определюсь в дубль-гисе, где искать туристическую фирму «Баргузин», и тогда совсем будем готовы.

— Папа, скажи им, — вдруг потребовала Ника. — Они хорошие, ты же видишь. Да, Вера?

— Мне нравятся, — Вера подтвердила общую симпатичность семьи Токаревых. Отец Ники согласно кивнул головой, хлопнул огромными ручищами по своим коленям и спросил:

— Может, с нами поедете? Зачем вам эти Хатусы? Вы же всё равно собрались там в палатке жить, а не в кемпинге. Так лучше на диком берегу, без обязательных толп отдыхающих, съезжающихся на этот таёжный курорт со всей страны.

— А как же горячий источник? — папа заинтересовался неожиданным предложением, оторвался от телефона. — Там в Хатусах, говорят, исключительно полезные лечебные воды.

— Вы больные? — вежливо поинтересовалась Вера Калинчук.

— Сама ты больная, — невежливо ответил Егор.

А Кирилл уточнил:

— Мы здоровые, мы просто спорили, кто в самой горячей ванне там дольше сумеет продержаться.

— Ты точно не выдержишь, сколько я смогу, — опять выступил Егор.

— Я ещё больше смогу! — вернулся к старому спору Кирилл.

— Отставить разборки в Бронксе, — непонятно, но строго осадил братьев папа Игорь. — Сейчас нам дядя Тимофей всё разъяснит.

Дядя Тимофей вздохнул и начал разъяснять.

— Слушайте, вокруг Байкала природных источников, как одуванчиков на даче летом. Только одни, как в Хатусах, популярные, обустроенные, коммерческие, а у нас, в бухте Приютной, будет свой источник, про который мало кто знает,

поскольку место почти недоступное, туристически непопулярное. Ну, так нам рассказывали. Зато совершенная оторванность от цивилизации, отличная рыбалка, маленький песчаный пляж, отвесные скалы, грибы, ягоды — красота, в общем. Соглашайтесь.

— Мы согласны, — быстро ответил Егор, которому нравилась перспектива провести каникулы вместе с симпатичными Софи и Шилов, чем с незнакомыми курортными людьми.

Кирилл только кивнул, понимая резоны старшего брата. Но тут вмешалась мама:

— Подождите, подождите, что значит, согласны? Мы уже всё распланировали, как это — взять и поменять планы в одночасье? Нет, я так не умею. И потом, в Хатусах есть электричество, фонари на берегу, связь, интернет, какая-никакая, а цивилизация. А в этой вашей Приютной ничего же такого нет?

Поезд уже почти спустился с горного хребта к Байкалу. Кубики из конструктора превратились в реальные дома с разноцветными крышами. На глади славного моря отражались белые облака, разрезаемые редкими быстроходными катерами. Можно было бы не отрываясь смотреть на заоконную красоту чудесного пейзажа, но в споре взрослых рождалась ближайшая перспективная истина, и братья старались не пропустить ни одного нюанса в этом важном разговоре.

— Во-первых, нам там обещали завезти электрогенератор, так что без света не останемся. Связь и интернет тоже, говорят, будет — не очень устойчивый, но всё же. А главное, минимум цивилизационного набора услуг: только Байкал, только горы, только костёр для приготовления пищи. Ну? Не об этом ли вам мечталось в городских каменных джунглях?

— Об этом! — завопили в один голос Егор и Кирилл. — Мама, папа, соглашайтесь!

— Соглашайтесь, тётя Таня, — попросила и Ника, а Вера молитвенно сложила ладони.

— Интернет — это хорошо, — задумчиво сказал папа Игорь. — Ты как, Таня?

— Делайте что хотите, — почти не сердито махнула рукой мама. — Только у вас ведь там, Тимофей, своя довольно узкая компания собиралась, как мы в неё впишемся?

— Нормально впишетесь, — объяснил Тимофей Олегович. — Как раз вчера выяснилось, что у одной семьи из Красноярска в последний момент сорвалась эта поездка. Я созвонился с остальными, рассказал какие вы замечательные ребята, все согласились. Так что, считайте, что вы уже вписались в маленький походный коллектив. Ну как, решено?

— Решено, Тимофей, — подвёл черту папа и нажал пальцем на кнопку носа Ники. — Он у тебя не отец, а змей-искуситель какой-то.

— Он такой, он может, — не стала спорить Шило.

И гости-искусители ушли в своё купе готовится к выходу. Папа сказал:

— И дешевле выйдет, Таня. Значительно.

А мама, задумчиво глядя в окно, сообщила:

— На источнике Хатусы не увидим мы тунгусов.

— Что ещё за тунгусы? — заинтересовался Кирилл.

— Так раньше называли коренных здешних жителей, эвенков, — объяснил папа.

— Ещё у Пушкина было: «И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык». Впрочем, этим стихотворением вам ещё вынесут весь мозг чуть позже в школе.

— Игорь! — возмутилась мама. — Пушкиным нельзя вынести мозг. По крайней мере, тому, у кого он есть.

Папа только пожал плечами и скорчил смешную гримасу. А Егор завершил поэтическую дискуссию неожиданным экспромтом: «Пусть в Хатусы ездят трусы!» С ударением на первый слог в последнем слове, конечно. Кирюхе понравилось.

Поезд замедлял ход, за окном проплывали близкие вагоны товарняка, стоящего на станции Североозёрск.

Перрон здесь был вровень с полом вагонного тамбура. Удивительным образом для выхода из вагона нужно было просто сделать шаг на вокзальный асфальт, а не спускаться по крутой лестнице, а потом прыгать вниз на железнодорожный щебень, как было на всех предыдущих станциях. Да и сама привокзальная площадь оказалась частью красивого городка, с широкими улицами и необычными разноцветными пятиэтажками.

— На БАМе каждую станцию возводили специальные отдельные отряды строителей из разных республик СССР, потому любая из них воплощает уникальный проект с налётом национального колорита, — тоном официального экскурсовода объяснил Тимофей Олегович, когда рюкзаки и сумки путешественников были уже аккуратно сложены у входа в вокзал со стороны города. — Жаль, что дальше по магистрали не доведётся нынче проехать: там очень красиво — и сами станции Новый Уоян, Кюхельбекерская, Таксимо, и многочисленные тоннели, и окружающие горы Северо-Муйского и Южно-Муйского хребтов. Самая красивая железная дорога в стране, на мой вкус.

— А эту станцию кто строил? — спросила Вера-Софи.

— Весь город Североозёрск строили ленинградцы, или санкт-петербуржцы, по-нынешнему. Такой вот у них получился красивый городок с необычной архитектурой. Неофициально считается западной столицей БАМа.

— Значит, и восточная столица есть? — догадался Егор.

— Конечно, называется Тында, её москвичи строили. Тоже очень красивый город, намного больше Североозёрска... Ладно, обзорная лекция закончена, давайте потихоньку двигаться дальше, вперёд к приключениям.

— В какую сторону? — улыбнулась Анна Витальевна, мама Веры Калининчук.

— В сторону Деревянного причала, — ответил Тимофей Олегович. — Есть тут такой, говорят. Я тебя попрошу, Игорь, посмотри, далеко ли он от вокзала, а я пока пару звонков сделаю.

Папа достал свой телефон, и Егор попросил:

— Можно, мы пойдём с Кириллом памятник посмотреть?

— И мы тоже с Софи, и мы! — запросилась Ника Скворцова.

Мама переглянулась с мамой Веры, обе улыбнулись, а папа оторвался от телефона, окинул взглядом вроде бы безопасную привокзальную площадь с возвышавшимся в её центре внушительным памятником, кивнул. Младшее поколение путешественников наперегонки помчалось к скульптурной композиции.

Композиция включала в себя какой-то непонятный высокий столб, в котором странным образом помещалась мужская фигура, одной рукой придерживающая непонятный головной убор, а другой, поднятой вверх, как бы махала кому-то в сторону города. «Ленинградцам, строителям Североозёрска», — прочла надпись на скульптурном столбе Вера-Софи.

— Вот они какие, ленинградцы, — удивился вслух Кирилл, для которого неизвестные старинные ленинградцы мало чем отличались от каких-нибудь

неандертальцев или кроманьонцев из книжки по истории древних веков, откуда им с Егором когда-то папа читал про происхождение человечества.

— Несимпатичный, — сморщила нос Ника.

— А мне нравится, — не согласилась Вера. — Высокий, мужественный. Как Бельмондо.

— Что за бельмондо? — не понял Егор.

— Актёр такой французский, Жан-Поль Бельмондо.

— Ага, понял.

— Вера у нас просто помешана на французском кино, — сообщила братьям Ника Скворцова. — Буквально всех актёров знает и актрис.

— Здорово, — позавидовал Кирилл. — А я только Георгия Миллера знаю, потому что он Бабу-Ягу играл во всех фильмах, хоть и мужчина.

— Это всем известно, — снисходительно улыбнулась Ника. — А вот кто самая красивая актриса в мире, вы знаете?

— Нет, — подумав, покачал головой Егор.

Он тоже не очень запомнил фамилии киноактёров, игравших Бэтмена или, скажем, Человека-Паука. И уж тем более, актрис.

— Покажи им, Вера, — попросила Ника.

Вера не стала капризничать, просто показала в телефоне фотографию женщины. Действительно, вполне себе красивой, даже чем-то немножко похожей на саму Веру, как показалось Егору.

— Кто это? — спросил Кирилл.

— Марсо, — ответила Вера. — Софи Марсо.

— Ага, потому тебя Ника и обзывает этой Софи, — догадался неделикатный Кирюшка.

— Ну и пусть, мне нравится, — пожала плечами Вера-Софи. — Уж лучше, чем какой-нибудь Ольгой Бузовой.

Кто такая Ольга Бузова, братьям выяснить не удалось, потому как к ценителям скульптурного творчества пришла мама и повела обратно к папе, рюкзакам и дальнейшим приключениям, как сказал дядя Тима Скворцов.

Здесь выяснилось, что папа узнал расписание автобусов от вокзала Североозёрска до Деревянного причала, и что автобус приедет уже через десять минут. А Никин папа сообщил, что на причале их будет ждать катер и семьи Кляйнов из Екатеринбурга и Бабушкиных из Новосибирска. Таким образом, собранная на просторах интернета группа туристов вместе с неожиданно присоединившимся к ним семейством Токаревых впервые соберётся вместе, чтобы отправится в далёкую, но чудесную бухту Приютную. Автобус домчал путешественников до Деревянного причала минут за двадцать. Вход на длинный, выдающийся в море (да, Байкал тут все называют морем), действительно деревянный причал перекрывал металлический шлагбаум. У шлагбаума лежали рюкзаки, на которых сидели тоже явно не местные жители в количестве трёх взрослых и двух отпрысков мужского пола. Семья Бабушкиных готова была к путешествию в составе коренастого папы Евгения Ивановича с красивыми татуировками на открытых плечах, мамы Карины Сергеевны в широкополой шляпе в сочетании с нежно-голубым лёгким длинным платьем и их сына Юры — высокого четырнадцатилетнего подростка в модных солнцезащитных очках. Антон Кляйн оказался ниже на полголовы Егора, хоть и перешёл уже в седьмой класс, зато за его полной фигурой могли спрятаться два Кирилла. А ещё он носил очки — обычные, не тёмные. Мама Антона Мария

Герхардовна была одета в походные шорты, непромокаемую ветровку и курила длинную коричневую сигарету.

Но толком перезнакомиться группа так и не успела, поскольку из-за шлагбаума вышел в ничем не примечательной одежде молодой мужчина, заглянул в свой телефон и громко спросил:

— Кто здесь Евгений Иванович Бабушкин?

— Я, — отозвался Евгений Иванович Бабушкин.

— Значит, мы с вами обговаривали в переписке финансовые и прочие детали отдыха в Приютной. Здравствуйте, я капитан катера «Нерпа» Андрей Фролов. Вся группа в сборе?

— Да вроде вся.

— Тогда прошу с вещами на погрузку, — пригласил туристов на причал капитан и открыл шлагбаум.

Глава 3. Бухта Приютная

Когда вещи были уложены вдоль бортов на носу катера, а пассажиры заняли места в большой каюте в на длинных мягких сиденьях спиной к широким окнам, капитан показал на отдельное кресло слева от себя в открытой передовой рубке:

— Кто-нибудь может сесть сюда, чтобы смотреть прямо по курсу.

Пока туристы переглядывались, не решаясь воспользоваться неожиданной привилегией, Кирилл спокойно встал, прошёл мимо взрослых и прочих пассажиров, забрался на предложенное место. Мама неодобрительно покачала головой, папа ухмыльнулся в бороду, а Егор позавидовал младшему брату.

— Удобно? — спросил Кирюху капитан.

— Удобно, — кивнул тот и благосклонно распорядился. — Поехали.

— Натуральный Гагарин, — улыбнулся капитан. — Ладно, поехали.

Он нажал на какую-то кнопку, на корме медленно опустили в воду свои винты два огромных подвесных мотора («Меркюри 200», успел прочесть английское название на каждом из них Егор). Потом моторы мощно заурчали, «Нерпа» отошла от причала, выполнила манёвр мимо стоящих на якоре моторных катеров и парусных яхт, взяла курс в открытое море Байкал.

Капитан сверился с закреплённым на приборной панели навигатором и двинул вперёд рычаг мощности. Катер взревел, слегка задрал нос — не от зазнайства, а просто по своему катерному устройству — и помчался по голубой глади озера, оставляя за кормой Североозёрск и, вообще, городскую цивилизацию человечества.

«Ну что, поздравляю, приключение началось», — потрепал по голове Егора папа. Тот только кивнул: слов для описания сложных смешанных чувств восторга от скорости, совсем маленького внутреннего страха и счастья от залетающих в открытое окно брызг у него с этот момент не нашлось.

Вскоре вокруг осталась только ровная озёрная гладь, лишь где-то далеко на горизонте в синей дымке просматривались снежные вершины окружающих Байкал гор. «Баргузинский хребет, — сообщил семейству Токаревых бывалый Тимофей Олегович. — Где-то там у его подножия и будет бухта Приютная».

Мама обнимала за плечи Егора, смотревшего в окно, папа листал новости в телефоне, Вера и Ника о чём-то шептались, насколько это было возможно при гуле моторов. Анна Витальевна дремала, Бабушкины что-то рассматривали на экране семейного ноутбука. Антон Кляйн заправлялся бутербродом с колбасой, его мама читала книжку с обложкой на английском языке.

Первый восторг от начавшегося путешествия попритих, сменился на почти привычное перемещение в пространстве, как в автомобиле. Там, пожалуй, даже поинтереснее будет: на тротуарах люди, иногда с собаками, рядом машины всяких марок, вокруг дома разной этажности с рекламными вывесками. А тут одна вода кругом, второй час уже идёт как отъехали — нет, отплыли, а точнее, отошли — от Североозёрска.

Но постепенно левый берег начал вырастать из Байкала горами, покрытыми тёмно-зелёной тайгой. «Нерпа» приблизилась к Баргузинскому хребту и теперь шла в близкой видимости берега, затем капитан плавно повернул судно прямо на скалы, которые стали приближаться на Кирилла с такой пугающей быстротой, что он вцепился в подлокотники кресла и скосил взгляд на капитана. Тот был спокоен и уверенно держал в руках руль или, как его там правильно, штурвал. И тут в отвесных береговых скалах открылся узкий проход. Капитан направил катер прямо туда, сдвинул назад рычаг на приборной панели перед собой, и «Нерпа» сразу сбавила ход.

За спиной капитана (и Кирилла, конечно) выросла фигура Бабушкина-старшего, поинтересовавшегося:

— Что, командир, приплыли?

— Сейчас вон на тот песок подвернём и, считай, на месте.

Катер, совсем медленно маневрируя, приближался к берегу. Наконец он мягко ткнулся носом в песок, моторы замолчали и потянули, наклоняясь, свои винты из воды. Стало непривычно тихо, только нагнавшая сзади волна от катера плюхала в корму и с шуршанием накатывала на берег.

Капитан сдвинул на носу «Нерпы» в сторону часть леерного ограждения и проложил на берег деревянный трап с поперечно прибитыми брусками. Егор с Кириллом выглянули за борт — показалось, что спускаться будет высоко и страшно. Нижний край трапа уходил в воду в метре от берега.

— Так, слушать сюда, — распорядился капитан дядя Андрей. — Мужчины спускаются по сходням, принимают женщин и детей, затем приступаем к разгрузке. Не суедемся, всё будет хорошо.

Папа Игорь — молодец какой — надел свой большой рюкзак и так с ним прошёл вниз по трапу, смело ступил в воду и вышел на берег. За ним проследовали дядя Тимофей и Евгений Иванович Бабушкин.

— Подождите, ребята, не спешите, — мама крепко держала братьев Токаревых за руки.

Спешить как-то не очень и хотелось, берег казался далёким, а катер, наоборот, настолько близким и надёжным, что ступать с него на шаткий трап Егору представлялось сомнительно героическим поступком. А что казалось Кириллу, никто не узнал, потому что папа быстро забрёл по пояс в воду, протянул вверх руки: «Кирюшка, давай сюда!» Подхватил младшего подмышки и мгновенно доставил на берег. И сразу стало не страшно. Папа проделал ту же операцию с Егором и даже переправил на песок тяжёлого на вид Антона Кляйна, мама которого не стала дожидаться мужской помощи, а уверенно сама сошла по трапу на берег. Глядя на неё, уже собиралась ступить на сходни Ника, но её папа коротко махнул указательным пальцем и отрицательно покачал головой. Подошёл к «Нерпе» сгрёб сразу дочь и Веру-Софи, бережно опустил на береговой песок. Потом дядя Тимофей с папой Игорем встали с двух сторон трапа и помогли сойти вниз маме Егора и Кирилла, маме Веры и Карине Сергеевне Бабушкиной.

Пока Бабушкин-старший подавал с катера вещи мужчинам, относивших их подальше от береговой волны, сын его Юра независимо насвистывал, рассматривая окружающий пейзаж.

— Я сколько раз просила, Юра, — сделала ему замечание родительница, придерживавшая на голове норовившую улететь от ветра шляпу.

— Мы же не в квартире, отчего бы и не посвистеть? — младший Бабушкин дёрнул плечом, отвернулся, но свистеть прекратил.

Кирилл с Егором даже немножко позавидовали столь вольному обращению подростка с мамой. А Шило ничему не завидовала, просто подошла к братьям и предложила:

— Побежали берег смотреть, пока тут все заняты.

И они побежали выше, к соснам. И Вера побежала, и Антон Кляйн.

— Только недалеко, чтобы я вас видела! — на строгий мамин голос повернулся только Кирилл, согласно кивнул и помчался догонять старших.

Наверху было ещё лучше, чем на берегу. Большую поляну со стоящим посередине длинным деревянным столом с длинными же скамейками накрывала прохладная тень от раскачивавшихся верхушек окружающих сосен. Бухта Приютная лежала внизу как на ладони, неподалёку в глубоком распадке шумела сыпавшаяся по камням в Байкал маленькая речушка, а воздух, казалось, звенел от простора, свободы и ожидания приключений. Нет, от комаров от тоже немножко звенел, но кому они страшны, кроме совсем уж малышни?

— А там что такое? — отвлекла компанию от панорамных видов Софи, ткнув пальцем в Антона Кляйна, пытавшегося заглянуть под синий шуршащий тент, укрывавший нечто, лежащее под ним на небольшой прогалине в отдалении от поляны. Рядом высилась гора напиленных чурок с засохшей смолистой корой. Ребята подошли к Антону, Егор и Кирилл помогли ему стянуть тент с какого-то непонятного агрегата, рядом с которым стояли два деревянных ящика, закрытых крышками, три канистры и лежал, свёрнутый бухтой, длинный белый провод. В свежий сосновый воздух врезался резкий городской запах бензина.

— Ого, чего это? — не ожидая внятного ответа, спросил окружающее пространство Егор.

— Не знаю, — ответил Кирюха, а девчонки просто пожали плечами.

Зато Антон похлопал ладонью по крышке аппарата, слегка потянул вверх какой-то шнурок из его недр, удовлетворённо поправил очки и сообщил:

— Это генератор.

— Генератор? — переспросил Кирилл. — А зачем он?

— Ток добывать, — похвастался своими техническими познаниями перед младшим братом Егор. И перед Софи с Никой, конечно.

— Точно? — Шило переспросила Антона, к которому как-то вдруг больше прониклась доверием, чем к братьям Токаревым.

— Ну да, — стал пояснять Антон Кляйн. — Вот сюда заливается бензин, это стартёр, здесь крепится провод, а на том конце будет гореть лампа, когда генератор заработает.

— Значит, у нас здесь будет свет ночью, — сообразил Кирилл. — Это здорово.

— И телефон заряжать можно тогда? — уточнила Софи, но Нику интересовало более важное:

— А откуда ты всё это знаешь? — спросила она Антона.

Но тот всё равно ничего не успел ответить, потому что на поляну поднялись взрослые, гружённые рюкзаками и сумками, и даже непричастный к туристическому коллективу капитан. И Юра Бабушкин с прутиком в руке.

— Вот здесь, значит, и будете обретаться, — капитан с хозяйским гостеприимством размашисто повёл рукой. — Нравится?

— Нормально, — ответил за всех Евгений Иванович и утёр банданой взмокшую голову.

— Ну, нормально так нормально, — показалось, что капитан несколько обиделся недостаточно восторженной реакцией. — Теперь, значит, пойдёте сюда... Ага, кто-то уже добрался до склада и даже тент снял.

— Это мы, — признался Антон.

— Ну и молодцы, всё правильно сделали, — одобрил действия ребят капитан.

— Здесь, значит, у вас будет генератор. Кто-нибудь умеет с ним обращаться?

— Умеет, — подтвердила мама Антона.

— Разберёмся, дело нехитрое, — согласился дядя Тимофей.

— Ну и хорошо, — кивнул капитан. — Тут бензин, на первое время хватит с лихвой, отсюда провод пробросите, куда вам нужно будет. В ящиках ремнабор кое-какой, лампочки и те продукты, которые заказывали на неделю. Здесь тент от дождя, натянете над столом — разберётесь, ничего сложного. А на поляне места для палаток на всех хватит, размещайтесь, через неделю загляну проверить как вы здесь устроились. Если вдруг, тьфу-тьфу, какая неприятность случится, — звоните, я на телефоне, через пару часов буду здесь. Это так, на всякий случай — сколько людей сюда приезжало, ни с кем ничего плохого не приключалось. Вроде, всё. Вопросы?

— А медведи? Есть тут медведи? — спросила Карина Сергеевна, тревожно обмахиваясь своей большой солнцезащитной шляпой.

— Есть, как не быть, — успокоил её капитан. — Здесь их полно. Только медведь не дурак какой, он человека больше боится, чем мы его. У вас тут шумно будет, дымно — медведь вас за три версты обходить станет. Там дальше по этому берегу на Биримкане старик Лыткарин живёт, Ефим Георгиевич. Так за тридцать лет он, говорит, ни разу нос к носу с медведем не сталкивался, а их там тьма-тьмушная. Уж такой он зверь, медведь... Что-то ещё интересует?

— Интересует, — кивнула коротко стриженной головой Мария Герхардовна Кляйн. — Места, так сказать, общего пользования интересуют. Есть тут такие?

— Совсем забыл, — хлопнул себя по лбу капитан. — Справедливый вопрос. Вон по той тропке вниз метров через семьдесят обустроенный туалет. Один на всех, извините, но вас тут не рота, справитесь как-нибудь... Ещё вопросы, пожелания, ценные предложения?

Больше вопросов и ценных предложений от туристов не поступило. Капитан пожелал приятного отдыха, легко сбежал на берег, и через пять минут быстроходный катер «Нерпа», взревев мощными моторами, помчался обратно в Североозёрск, легко разрезая белой пенной стрелой прозрачную воду моря. Когда над бухтой Приютной остался только лёгкий шёпот волн и шум сосен, Евгений Иванович Бабушкин сказал:

— Ну что, это дело нужно для начала отметить, — достал из рюкзака две бутылки шампанского и выставил их на стол, который должен был стать центральным местом встречи и приятного общения туристов на предстоящие две недели беззаботного отдыха.

— И вы, ребята, тоже давайте за стол, — пригласила к официальному торжественному банкету младшее поколение мама Веры Калинчук. — Будете отмечать начало отдыха кока-колой, я специально захватила по такому случаю.

Егор с Кириллом умоляюще-вопросительно посмотрели на маму, которая в силу своей медсестринской профессии была категорической противницей газированных сладких напитков.

— Ничего, один раз можно, — вздохнув, разрешила мама и полезла в рюкзак за кружками для всей семьи.

Байкальское приключение начиналось неплохо. Да что там, отлично оно начиналось — и даже с кока-колой.

Чокнувшись со всеми газировкой, Егор спросил брата:

— Ты медведей хочешь увидеть?

Кирюха, подумав, покачал головой:

— Хочу, но боюсь.

— А я нисколько не боюсь! — сказал Егор погромче, чтобы могла услышать Вера-Софи.

Хотя врал немножко. Конечно, он тоже слегка побаивался. Но капитан обещал, что звери лагерь далёкой стороной обходить станут. Так чего ж тогда и не показать свою мужественность симпатичным окружающим — пусть знают, что с Егором они не пропадут.

Часть вторая. Без гаджетов

Глава 1. Мухоловка

В спальном мешке было жарко. Ночью Кирилл немножко замёрз, натянул сквозь сон спальник на голову, а проснулся уже мокрым от пота. Спал он между мамой и Егором, добавлявшим тепло своих тел. Утренний солнечный свет легко пробивал крышу палатки, освещая сопевших в своих спальнях мешках маму, папу и брата. Кирилл полежал немного, наблюдая за ползущим по потолку паучком, но поскольку других развлечений здесь не находилось, выбрался из спальника, а затем и из палатки, не забыв застегнуть за собой молнию на входе в их временный дом: папа вчера несколько раз напоминал о том, что незастёгнутый вход допустит внутрь полчища комаров, которые потом станут жалить, противно зудеть над ухом и потому отдыхать в палатке не будет никакой возможности.

А снаружи было здорово. Солнце вышло из-за ближней горы за спиной на берегу Байкала (восточному, как говорил вчера дядя Тимофей). Ровная безмятежная гладь озера казалось стеклянной поверхностью, окружающие сосны (и кедры, как говорил вчера дядя Тимофей) в безветрии строго молчали, зато лес (тайга, как говорил вчера дядя Тимофей) разговаривал весёлыми голосами здешних птиц, радовавшихся, как и Кирилл, утру нового дня. Редкие комары тоже не молчали, добавляя своего звона в общую утреннюю мелодию. На столе, стоявшем под натянутым с вечера большим тентом, аккуратной горкой лежала вымытая после вчерашнего общего ужина посуда, рядом стояли две початые бутылки минералки и банки пива взрослых людей. Кирилл сел за стол, выпил полкружки воды и стал думать, чем себя занять в такую рань, когда все ещё спят, как будто не спали три дня. Ничего интересного сразу так и не придумывалось.

Палатка напротив зашевелила стенками, и из неё вышел на поляну Юра Бабушкин. Широко зевнул, огляделся, подошёл к столу, сел напротив, сказал:

— Привет.

— Привет, — поздоровался и Кирилл.

— Ну, чего тут? — поинтересовался Юра.

— Не знаю, ничего. Птицы только.

— Птицы — это хорошо, — согласился Юра Бабушкин и неожиданно спросил.
— У вас же Токаревы фамилия?
— Токаревы.
— В школе Токарем зовут?
— Токарем.
— А меня Слоном, будем знакомы, — Юра протянул руку для повторного знакомства. — Привет, Токарь.
— Привет, Слон, — ответил на взрослое рукопожатие Кирилл. — Почему Слон?
— Учительница во втором классе спрашивала, какое у нас самое любимое животное. Другие собачек всяких называли, кошечек, даже рыбок аквариумных, а я как раз фильм посмотрел про индийских слонов, как они брёвна таскают и другую полезную работу делают, — ну и сказал, что у меня любимое животное слон. С тех пор прилипло, не отклеишь.
— Норм, мне нравится, — сказал Кирилл.
— Да и я привык, — кивнул, соглашаясь, Юра. — А у брата прозвище есть?
— Клоун.
— Ого. Это в честь чего?
— Кривляться любит, папа так и говорит: «Чистый клоун». Ну и в школе так зовут.
— Не обижается?
— Вроде нет. Это же не в обиду, а просто как второе имя. Чего тут обижаться?
— Соображаешь, Токарь, — похвалил малолетку Юра, ещё раз огляделся вокруг. — Все спят ещё, что делать-то будем?
— Не знаю. Мы сегодня с папой и дядей Тимофеем на рыбалку собирались идти За хумризами, что ли.
— За хариусами, — поправил Слон. — Нет, я рыбалку не люблю, скучотень какая-то. У тебя наушники есть?
Юра крутил в руках большой мобильник.
— Нету.
— Жаль. Я тоже дома забыл, а так музыку бы послушали сейчас.
— Так давай включим потихоньку.
— Музыку, Токарь, нельзя слушать потихоньку, так она не вставляет. А тут спят все, — Юра-Слон глянул на дисплей телефона. — Надо же, семь утра только ещё. Я дома на каникулах раньше десяти не встаю. А ты?
— Я и не на каникулах могу спать до обеда. У меня вторая смена.
— Хорошо тебе... Можно было бы друзьям позвонить сейчас, но в Новосибирске спят все ещё, там шесть утра только.
— А давай костёр разведём? — предложил старшему товарищу Кирилл. — Только у меня спичек нет.
— Спички найти не проблема, — зевнул Юра. — Но я не умею. Да и не люблю всю эту походную романтику. Я бы лучше в городе остался, чем на этот Байкал ехать. Но останешься с ними, как же. Считают, что тут для здоровья полезнее и, вообще, для общего развития.

Из палатки рядом с бабушкинской вышла Мария Герхардовна. Подошла к ребятам, поздоровалась, спросила:

— Чего сидим просто так? Почему костёр ещё не горит?

Пока Кирилл находил оправдательный ответ, Юра встал, достал из кармана зажигалку:

— Не поверите, тётя Маша, прямо сейчас собирались. Так, Кирюха?

Кирилл кивнул: ну, в общем, наверное.

Слон присел у кострища, поджёг валявшийся рядом небольшой обрывок газеты, положил его на обугленное полено. Бумага прогорела за десять секунд, не оставив даже дымного следа. Мама Антона вздохнула, забрала у Юры зажигалку, призвала к очагу ребят.

— Смотрите и запоминайте, будем разводить костёр типа колодец.

Колодец Кирилл видел на даче у Феди Смирнова, он был бетонный и круглый, с металлическим воротом, на котором была намотана верёвка с ведром. Ведро стояло на железной крышке колодца, в ведре плескалась холодная вода, которой так весело было стрелять друг в друга из помповых водяных ружей. Интересно, как из колодца можно сделать костёр?

Тётя Маша отправила Юру за дровами, положила параллельно два чуть обгоревших полена из кострища, на них добавила ещё два, чтобы получился почти квадрат, потом положила ещё один ряд: сложилась конструкция, больше напоминающая дом, чем круглый колодец. Собрала вокруг щепки и рыжую хвою, бросила внутрь «колодца», затем оторвала от полена ленту белой берёзовой коры, показала ребятам: «Это береста, лучшая растопка для костра в лесу». Подожгла её, засунула под нижний ряд. Внутри аккуратного квадрата «колодца» весело заиграло пламя, жадно облизывая поленья. Ловко.

— Так, теперь дуйте за водой, — протянула помощникам пустой котелок. —

Люди проснутся, а у нас тут уже кофе будет готов. Или чай, по желанию.

— Мне в туалет нужно, — сообщил Слон.

— Нужно так нужно, — согласилась Мария Герхардовна. — Шагай, Кирюшка.

Кирилл взял большой закопчённый котелок и направился к Байкалу.

— Нет-нет, не туда, — остановила его мама Антона. — Из ручья сходи набери.

— Он ближе и вода там вкуснее.

Как одна вода может быть вкуснее другой, Кирилл понял не очень, но послушно направился к маленькой горной речке, которая катилась с ближайшей горы в Байкал неподалёку от молчавшего сейчас генератора. А вечером он довольно громко урчал, обеспечивая освещением стол на поляне, за которым взрослые ещё долго разговаривали, когда Егор с Кириллом уже видели в палатке третий сон.

Через час весь лагерь вволю на завтракался бутербродами с чаем и кофе, за который туристы, не уставая, благодарили Юру и Кирилла, вставших раньше всех и, по словам Марии Герхардовны, самостоятельно сумевших развести костёр и вскипятить на нём котелок с вкуснейшей ключевой водой. Егор даже прошептал Кириллу: «Я завтра первый встану и тоже костёр разведу». А мама с папой подмигивали им и довольно улыбались.

Потом папа достал из чехла спиннинги и начал прикручивать к ним нарядные катушки с ручками. Определил каждому индивидуальный рыболовный инструмент:

— Вот этот, с красной катушкой, будет твой, Егорка. А этот, с чёрной, — Кирюхин. Держите, пробуйте. Удобно?

Спиннинги оказались лёгкими, катушки блестящими, как ёлочные игрушки.

Ещё бы неудобно, конечно удобно.

— Тогда пошли на берег учиться забрасывать.

Забрасывать поначалу было непросто, прицепленные папой блёсны летели куда угодно, кроме указанной точки, леска путалась, пальцы болели от непривычной

работы. Конец мучениям положил папа Ники, подошедший из лагеря со спиннингом и дочерью. Посмотрел на коллектив начинающих рыбаков, сказал: — Нет, братцы, так у вас на Байкале дело не пойдёт. Хариуса тут нужно ловить не на блесну, а на муху.

Кирилл оглянулся вокруг, мух не обнаружил. Редкие комары пролетали, а мух не было. Где же их взять, чтобы потом ещё и рыбу на них ловить? Но дядя Тимофей быстро всё разъяснил:

— Смотрите, вот у меня тяжёлый поплавок, называется балда...

— Как называется, «балда»? — развеселился Егор. — А мама говорит, что это не очень хорошее слово, когда я им Кирилла называю.

— И ничего смешного, — фыркнула Шило.

А папа огорчился:

— У нас только блёсны.

— Не страшно, у меня ещё есть, на всех хватит, — успокоил бывалый Тимофей Олегович.

Кирилл всё равно не понимал, причём тут мухи, о чём и спросил дядю Тимофея.

А Егор спросил, ловится ли хариус на африканскую муху це-це.

— Он на всякую муху ловится, — заверил папа Ники Скворцовой. — Но у нас есть свои, проверенные. Вот, глядите.

Он достал из рыболовной жилетки с множественными карманами коробку чуть больше смартфона, внутри которой на поролоне были прицеплены крючки с маленькими блестящими круглыми головками, а на крючках красовались разноцветные пёрышки или плотно намотанные блестящие нити с шерстяными усиками. К каждому крючку была привязана короткая леска с петлёй — поводок, как назвал его опытный рыболов Тимофей Олегович. В общем, целое богатство настоящей красоты, как определил для себя содержимое коробки Кирилл. Он сразу захотел стать рыбаком, когда вырастет, а не этим скучным футболистом, вроде Пашки Фехтера из соседнего подъезда, игравшего за детскую команду клуба «Сибирский ястреб», в футболке которого он выходил показывать класс на спортивную площадку дворовым юным игрокам.

Дядя Тимофей быстро оснастил снастью балда спиннинги семейства Токаревых, и они отправились ловить рыбу хариус к устью горного ручья, неподалёку впадавшего в Байкал мелкой широкой полосой через прибрежный песок. А Ника пошла обратно в лагерь, откуда они собирались идти искать грибы и ягоды с Верой и её мамой Анной Витальевной.

Когда у Егора с Кириллом уже стало получаться не просто забрасывать балду, но и подтягивать её к берегу так, чтобы мушки на поводках плясали по воде словно настоящие насекомые, солнце высоко поднялось из-за поросших лесом гор, лёгкий утренний ветерок стих, стало жарко и довольно скучно. Загадочный хариус не ловился ни у ребят, ни у папы, ни у бывшего рыбака Тимофея Олеговича.

Кирилл решил спрятаться от солнца в тени прибрежных сосен, к которым пошёл вверх по ручью, пообещав папе, что будет в пределах его видимости. Под соснами было прохладно, ключ шумел маленьким водопадом, срываясь со скользких, покрытых мхом валунов в небольшую глубокую лагуну с прозрачной зелёной водой. Сидеть на большом плоском камне у прохладного ручья было приятно, но как-то бессмысленно, и Кирилл решил ещё потренироваться в забросе балды на поверхность небольшого проточного озерца, образовавшегося в русле ручья.

Балда упала почти в камни противоположного берега, Кирилл, как учили, поднял вверх верхушку спиннинга и стал равномерно накручивать леску на катушку, стараясь, чтобы искусственные мухи дяди Тимофея двигались по поверхности, оставляя на воде своеобразные усы, как у плывущего насекомого. Получалось ничего, похоже. Вдруг рядом с ближней мухой раздался небольшой всплеск и удилище потяжелело, а балда притонула вглубь. Ничего не понимающий Кирилл сделал ещё один оборот катушки и тут почувствовал удары, передающиеся на ручку спиннинга.

— Папа, рыба! — завопил во всё горло Кирилл и побежал спиной вперёд дальше от ручья, постоянно ощущая толчки сидящей на крючке добычи. Наконец большой рыбий хвост застучал по сухим прибрежным камням, юный рыбак бросил спиннинг, подбежал к воде и попытался схватить рыбу руками, но ничего у него не получалось. Тогда Кирилл упал на неё животом и стал пытаться отползти подальше от берега. Таким его и нашли прибежавшие от Байкала остальные члены сплочённого рыболовного коллектива.

— Ты цел? — спросил папа. — Какая рыба, где рыба?

— Здесь, — показал под себя Кирилл.

— Ладно, вставай, посмотрим, — папа взял младшего сына подмышки, чтобы поставить на ноги.

— Уйдёт! — запротестовал Кирилл.

— Не уйдёт, — встал между ручьём и рыбаком Тимофей Олегович, а папа поднял сына на ноги.

На камнях с новой силой забились большая красивая рыба, отливавшая блестящей с тёмным оттенком чешуёй.

— Ого, какой хариус, — взял освободившуюся уже от крючка рыбу в могучую ладонь дядя Тимофей. — Хороший по местным меркам, черныш. Молодец, Кирюха, с добычей тебя. На какую мушку взял?

— На ближнюю, кажется, на красную, — попытался вспомнить ещё дрожащий от внутреннего азарта Кирилл и добавил. — А я думал, рыба только в Байкале водится, а не в таких маленьких ручьях.

— Так сейчас жарко, вот хариус и ищет холодную проточную воду, — объяснил Тимофей Олегович. — Как я сразу не сообразил? А ты молодец, догадался.

Егор от восторга чувств толкнул брата локтем в плечо, а Кирилл не стал объяснять, что ничего он такого не соображал, а просто искал прохладную тень и потому всё получилось само собой. Он наконец сумел двумя руками удержать свою уже ослабевшую добычу, рассмотреть её вблизи. Очень красивая рыба этот хариус. И сильная. А рыбалка — отличное дело, интересное! Не зря на Байкал приехали.

Тем временем папа с Егором забросили свои снасти в счастливый для Кирилла ручей, а дядя Тимофей пошёл вверх по ключу искать примерно такой же омут с ищущей холодной воды рыбой. Пока Кирилл расправлял слегка запутавшуюся на катушке леску, папа вытащил своего хариуса, и тут же первой рыбой отметился Егор, получивший отдельную порцию беспримесного рыболовного счастья.

Через час вернулся из тайги дядя Тимофей с шестью хариусами. На счету папы было три, два у Егора, а Кирилл так больше ничего и не поймал. Зато его хариус так и остался в это утро самым крупным, и даже Егор признался, что лучше бы он поймал одну рыбу, а не две, но чтобы у неё был красивейший спинной плавник ещё больше, чем у Кирюшкиного хариуса.

Папа сказал, что на первый раз достаточно, полноценный обед всем туристам обеспечен, и рыбаки пошли обратно в лагерь, полные впечатлений, а некоторые даже законной гордости за первую трофейную добычу.

За обедом из жареного хариуса и жареной же картошки с грибами, которые набрали Шило, Софи и Анна Витальевна, Егор всех смешил, показывая в лицах, как они ловили рыбу:

— Я смотрю, Кирюшка бежит в горы со спиннингом на плече, а за ним на леске хариус уже на берегу прыгает...

— Ничего я и не бежал, — попытался объяснить младший брат, но все, как обычно, слушали Егора, который умел захватить внимание аудитории.

— Бежал-бежал... А потом и я на свою мухоловку рыбу поймал.

— Как, на мухоловку? — не поняла Вера.

— На балду, — непонятно объяснил дядя Тимофей.

— Да какая там балда, — Егор бы в ударе, не остановишь. — Самая настоящая мухоловка. Вот, смотрите.

Он метнулся к рыболовному рюкзаку Тимофея Олеговича, мигом вытащил из него мотовильце, на которое была намотана снасть балда с двумя привязанными искусственными мухами — красной с серебристыми нитями и чёрно-жёлтой, напоминающей осу.

— Это мухи, на них ловится хариус, — Егор начал объяснять неопытной публике азы рыболовного мастерства. — Кто-то называет такую снасть балдой, а я называю её мухоловкой.

Но продолжить занимательную лекцию не дала мама:

— Тебе Тимофей Олегович разрешал в его рюкзак заглядывать?

— Да пусть, мне не жалко, Татьяна Андреевна, — улыбнулся папа Ники, и сама она тоже улыбалась эмоциональному выступлению Егора. И Вера улыбалась.

— Нет-нет, вы мне тут его не выгораживайте... Всё, закончили концерт на тему всяких там мухоловок с балдами. Собирайтесь-ка лучше, рыбаки, посуду мыть — ваша очередь, если с утра сразу на берег ускакали, за собой ничего не прибрав.

Егор только вздохнул, автоматически сунул в карман ветровки заимствованную из чужого рюкзака балду и начал складывать в большой котёл миски и ложки со стола.

Посуду они помыли быстро вместе с подтянувшимися на помощь Юрой Кляйном и его мамой Марией Герхардовной. А Бабушкины пошли исследовать какую-то каменную Чёртову Чашу, до которой по береговой тропе, как рассказывал капитан «Нерпы», было не то два, не то три километра. Потому что кто их, эти километры, тут на Байкале считает.

А затем они все купались в удивительно тёплой байкальской воде, хоть во всех книжках написано, что она здесь страшно ледяная. Папа заплывал даже так далеко, что мама вставала и насторожённо следила за ним, подняв на лоб солнцезащитные очки.

Шило и Софи начали строить из мокрого песка настоящий рыцарский замок, Кирилл подтаскивал им в полиэтиленовом пакете воду из Байкала, Антон находил сложные инженерные решения для сооружения мостов через окружающий замок ров, а Егор развлекал всех рифмованными строчками «к нам на озеро Байкал рыцарь в шлеме прискакал, а божья коровка попала в мухоловку» и прочими смешными глупостями.

Родители ребят сидели своей отдельной взрослой компанией поодаль. Дядя Тимофей рассказывал, как он сплавлялся на катамаране по недалёкой отсюда речке Тья и какие там страшные пороги и огромные хариусы. Папа собирался повторить это героическое путешествие всей семьёй и узнавал, где можно найти надёжное судно для утверждённой на следующее лето поездки.

Мама объясняла Анне Витальевне специфические нюансы кройки и шитья лёгкой летней юбки, но та, казалось, больше прислушивалась к таёжным приключениям Тимофея Олеговича. А Мария Герхардовна курила, читала книжку на английском языке и изредка вставляла неожиданно точные замечания и в рассказ Викиного папы, и в разговор о современной женской моде весенне-летнего сезона.

Усилившийся ветер нагонял на берег приятно шуршащие галькой волны, над головой летали огромные чайки, которых дядя Тимофей смешно называл мартынами, вечером намечалась новая рыбалка на мухоловку и приятные посиделки у ночного костра.

Ярко-синее небо расчерчивали строгие линии летящих на предельной высоте самолётов с пассажирами, не подозревавшими над какой красотой они сейчас пролетают. И даже дышалось на Байкале совсем по-другому, не по городскому, а как-то свежо, необычно и весело. Хотя сгорели все, конечно, до жгучей красноты, дорвавшись до жаркого солнца и моря, пусть и сибирского, ненастоящего.

Всё исполнилось, как и было задумано. После вечерней ухи на небо высыпались яркие байкальские звёзды. Привычно похолодало, и Кирилл забрался на папино колено поближе к стреляющему смолистыми угольками и ровно дышащему теплом костру. Напротив сидел дядя Женя Бабушкин и объяснял мужчинам что-то сложное:

— Нет, Тимофей, в бильярде всё строится на строгом расчёте, на геометрии. Вот возьмём, к примеру, дабл или дуплет, по-нашему. Как ты его забьёшь в противоположную от борта лузу? Наобум, доверившись твоей свободе воли? Никогда! Только выверенный расчёт точки удара, только строгая линия движения шара, только точно выбранная сила движения кия! Тогда всё у тебя получится. Только так. Всё как в жизни. Если правильно не запланируешь семейный бюджет, да хоть и государственный, то останешься с пустым карманом. Если не распланируешь отпуск за год до его начала, то так дома и просидишь, никуда не поедешь. Нет, жизнь, брат, — это бильярд, а не какой-нибудь там джаз с его импровизациями, точно тебе говорю.

— Вот потому я джаз люблю, а к бильярду равнодушен, — папа отхлебнул из своей кружки тёмного вина со странным названием «Саперави», означенном на бутылке, стоящей на дощатом столе, освещаемом подвешенной под тентом лампой.

— Ну, каждый сам выбирает свою жизнь, — пожал плечами бильярдист Евгений Иванович, а сидевший на корточках у костра Егор спросил у папы: — А почему джаз?

— Потому что бильярд — это расчёт, а джаз — это свобода. Свобода мне представляется важнее всего.

— А нам Арина Алексеевна на истории говорила, что важнее всего Родина. За неё не жалко и жизнь отдать, если нужно.

И тут Мария Герхардовна оторвалась от своей английской книжки, залпом выпила рюмку напитка виски и сказала непонятное:

— Сталина на нас нету, угу.

— Да хоть бы и Сталина, — как будто не согласился с ней дядя Женья Бабушкин. Тётя Маша опять уткнулась в книжку, в наступившей тишине слышалось только негромкое ворчание генератора и лёгкое потрескивание таёжного костра. Потом папа сказал — вроде бы как и Егору, но больше в окружающую тишину: — Всё правильно твоя Арина Алексеевна говорит: за Родину можно и нужно отдать жизнь, если на Родину кто-то напал. Реально напал, угрожая отнять жизнь тебе, Кирюшке, маме и всем остальным. Тогда нужно брать в руки оружие и защищать свою страну. Но это если война. А когда войны нет, нужно защищать свободу, чтобы каждый мог говорить, что думает, верить во что ему хочется, кино смотреть, которое нравится, книжки читать, интересные тебе, а не кому-то, кто лучше тебя знает, что тебе читать. Такие, Егор, дела.

— Так от кого защищать эту свободу, кто на неё нападает? — не очень понял Кирилл.

— Да есть от кого, — папа опять отпил из кружки, глядел в костёр, потом встряхнулся. — Ладно, не будем о грустном. Так что, Евгений, нормальная тропа до этой Чёртовой Чаши?

И Евгений Иванович вновь рассказал, что тропа набитая, вполне сносная, идёт вдоль берега, только один раз нужно будет обойти скалу и пройти по бревну через глубокий ручей. А сама Чаша — это такой большой камень, в который бьёт волна и наполняет её байкальской водой, что-то типа большой ванны.

— Человек на пять, да? — дядя Женья попросил сына подтвердить размер Чёртовой Чаши.

— Наверное, — равнодушно пожал плечами Юра и добавил. — Ничего интересного, только комаров кормить.

— Ну что ж ты у меня такой скучный, — начал огорчаться вслух Евгений Иванович, но в том не преуспел, потому что к столу вернулись с берега мама, Вера, Ника, Анна Витальевна и Карина Сергеевна. Вымытую ими посуду принесли в двух больших котелках дядя Тимофей и Антон Кляйн.

— Какие там огромные звёзды! — сообщила присутствующим мама Юры Бабушкина. — Завтра всё же начну писать этюды со здешней красоты. Зимой, бог даст, оформлю небольшую пейзажную выставку в нашей галерее. Ты же выделишь мне бюджет, Женья?

Евгений Иванович вздохнул, согласно кивнул, а Карина Сергеевна продолжила:

— Ну, выходите же из-под тента, давайте смотреть на звёзды! Вставайте, вставайте!

И как бы не хотелось Кириллу и Егору удалиться от тёплого уютного костра, но они вышли на поляну и вместе со всеми, закинув голову, стали смотреть в ночное небо. Действительно, очень красивое.

И тут случилось непонятное. Небо за деревьями со стороны Байкала озарилось яркой беззвучной вспышкой, перешедшей в устойчивое свечение, заставившее поблкнуть звёзды. Даже окружающие деревья отбросили на поляну почти дневную тень. Все туристы, не сговариваясь, сбежали вниз на открытый берег.

Над Байкалом висел яркий шар размером с небольшую Луну. Он, казалось, слегка дрожал, излучая чуть зыбкий, но интенсивный зеленоватый свет, отражающийся в поверхности озера огромной светлой дорожкой прямо до берега бухты Приютной.

— Что это, мама? — непослушным голосом спросила Вера Калинчук.

— Не знаю, дочка, — тревожно ответила Анна Витальевна.

— НЛО? — неизвестно у кого спросил Антон.

— Вряд ли, — неуверенно покачал головой дядя Тимофей.

— Так, давайте-ка все вернёмся в лагерь, — попыталась взять инициативу в свои руки мама Егора и Кирилла. — Там безопаснее.

— Чем безопаснее? — вежливо поинтересовался папа, и мама только пожала плечами.

Кирилл посмотрел на молчавших окружающих. Дядя Женя и тётя Карина крестились, Юра смотрел на панораму с привычно-брезгливым выражением лица. Антон наоборот рассматривал пейзаж с нескрываемым интересом или даже, пожалуй, с восторгом. Тётя Маша прикуривала сигарету, неодобрительно поглядывая на небо. Шило и Софи прижались к тётке Ане. Остальные продолжали обмениваться мнениями.

— Рванёт, — сказал дядя Тимофей.

— Не должно, — ответил папа, и оба почему-то засмеялись. Кажется, немного нервно.

— Заснять же! — вдруг спохватилась Ника Скворцова. — Папа, я за телефоном! Вместе с Никой побежала к палаткам и Карина Сергеевна. А шар медленно продолжал, дрожа, увеличиваться в размерах.

— Красиво, — как-то совсем нейтрально заметила Мария Герхардовна. — Очень необычное явление.

Тут как раз на берег вернулась Ника и только успела навести объектив телефона на странный светящийся шар, как тот резко схлопнулся в объёме до маленькой нестерпимо яркой точки и стремительной звездой улетел за горизонт, оставив в небе быстро гаснущий красно-зеленоватый след. Внезапно стало очень темно.

— Всё, концерт окончен, — констатировал Тимофей Олегович. — Ладно, пошли в лагерь. Ника, подсвети телефоном.

— Не могу, — сообщила Ника. — Он почему-то не включается.

— Ничего, тут рядом, и так не заблудимся.

Озадаченные произошедшим непонятным явлением, туристы благополучно вернулись в лагерь. Костёр продолжал гореть, освещая часть стола под тентом и сидевшую здесь тётю Карину. Другая часть оставалась в темноте, поскольку лампа не горела и не слышно было привычного гула генератора.

— Пойду посмотрю что там, — собрался проверить генератор Евгений Иванович. — Фонарик есть у кого под рукой? Мой в палатке.

Папа взял свой налобный фонарь со стола, попытался его включить, удивился:

— Не работает.

— Мой тоже, — сказал дядя Тимофей.

— И мой, — сказала Мария Герхардовна.

— И мой, — сказала тётя Карина.

— И мой, — сказали Шило и Софи.

А мама ничего не сказала про фонарик, зато скомандовала:

— Шагайте-ка спать, ребятки. День был долгий, время позднее, утро вечера мудренее.

И Кирилл сразу понял, что он давно хочет спать. И даже Егор понял. И они оба отправились в палатку, немного там подуррачились, заползая наошупь в свои спальники, и быстро уснули под неразборчивый бубнёж взрослых, доносившийся от костра. Там звучали слова «НЛО», «метеорологический зонд», «секретное оружие», «массовые галлюцинации» и всякое другое, неразборчивое.

Дождь лил настоящей прозрачной стеной, которая скатывалась с крыши тента и смывала собой окружающую картину мира. Егору даже казалось, что он такого дождя и не видел никогда. С другой стороны, а где ты его увидишь вот так, вблизи, а не из окна уютной городской квартиры, откуда любая гроза представляется лишь забавной картинкой из телевизора? А не так, чтобы третий день за шиворот дождевика наливалась холодная вода, от которой толком не спрятаться ни в лесу, ни под тентом. Даже в сухой палатке перед сном приходилось забираться в отсыревший спальник и греться теплом тел лежащих рядом папы и Кирюхи.

Только у костра и можно было кое-как согреться, пусть даже и в выедающим глаза дыму, который непременно начал скапливаться под крышей тента сразу после того, как над Байкалом прогреготала гроза, сменившаяся плотным нудным обложным дождём, то ненадолго стихающим, то, как сейчас, резко усиливающимся. И так третий день подряд.

Внезапно скопившаяся маленьким озерцом на крыше тента вода хлюпнула и обрушилась прямо на горевшие под котелком дрова на глазах у дежурного по костру Егора. Огонь зашипел и погас, выпустив напоследок облако белого горячего пара. Обрадовавшиеся отсутствию дыма комары сразу весело зазвенели над столом, а Егору внезапно захотелось заплакать: и потому что не сберёг огонь, и от невозможного желания очутиться прямо сейчас подальше от Байкала и бухты Приютной, куда-нибудь в сухое тепло домашней кухни, а пожалуй что и даже в класс неприятной исторички Арины Алексеевны. Заплакать ему не позволил дядя Тимофей, вернувшийся с дальнего ручья и прислонившего спиннинг к стволу ближайшей сосны.

— Что Егор, костёр погас? — он с ходу оценил печальную картину мира. — Не переживай, сейчас наладим.

Подобрал с земли топор и ловкими движениями распустил на тонкие щепки ещё дымившееся полено, сложил их в костёр типа шалаш, прикрыл сверху тремя крупными сосновыми сучьями. Затем пошарил по карманам, вынул полосу сухой бересты, поджёг её зажигалкой, засунул под щепки. Огонь нехотя стал выбрасывать наружу язычки нежаркого пламени, но постепенно разгорелся, победив сплошную сырость окружающего мира. От вернувшегося дыма комары обиженно смолкли, а Тимофей Олегович вновь подвесил на костром котелок, снял под тентом мокрый плащ и уселся на скамейку.

— Сейчас чаёк заварим и будем думать что на ужин приготовить, — протянул к огню мокрые красные ладони.

— Ничего не поймали? — на всякий случай поинтересовался Егор.

Дядя Тимофей отрицательно покачал головой:

— Ничего. Вода мутная, рыба не берёт. Так всегда бывает в дождь.

— А может, папа с Кириллом поймают?

— Может.

Из своей палатки подошла к костру Анна Витальевна, сняла с головы капюшон, присела к столу. Тимофей Олегович коротко глянул на неё, спросил:

— Как там Вера?

— Получше. Температура спала, только кашляет сильно.

— Таблетки от кашля есть?

— Чего тут только нет. Все же с детьми ехали, в каждой семье аптечка припасена. У нас сейчас в палатке лекарств, как на фармацевтической фабрике. Хорошо, мама Егора помогла с ними со всеми разобраться. Почти всю ночь у

нас пробыла с Верой... Спасибо, Тимофей, ничего не нужно. Погоду бы. Когда уже только этот дождь закончится?

«Никогда он не кончится», — подумал Егор, но только вздохнул. Он ещё с поезда привык к постоянному присутствию в его жизни Веры-Софи, её негромкому голосу, постоянной тёплой улыбке. В общем, скучал Егор по заболевшей Вере, не появляющейся из палатки вот уже два дня. Как-то очень ему её не хватало в этой тоскливой окружающей погоде.

Дядя Тимофей только сочувственно кивнул, провёл ладонью по плечу Вериной мамы и подбросил в разгоревшийся костёр ещё одно сухое полено.

— А вот и мы! — раздался бодрый голос Карины Сергеевны. — С урожаем! Вернувшееся «племя собирателей», как назвал своё семейство Евгений Иванович Бабушкин, предъявило публике полиэтиленовый пакет, до половины наполненной таёжной малиной.

— Заварим сегодня горячий малиновый компот, — пояснил дядя Женья. — Лучшее средство от простуды для Веры, меня ещё бабушка такими народными средствами лечила.

— Бабушка Бабушкиных, — скаламбурил Юра Бабушкин, стягивая за рукав отсыревшую изнутри непромокаемую куртку.

Ничего так получилось, Егору понравилось.

— К костру поближе присаживайтесь, грейтесь, — предложил дядя Тимофей.

— Уступи место, Егор. Люди из тайги вернулись, промокли.

Егор сдвинулся дальше под тент, а мама Веры-Софи сказала:

— Спасибо вам. Пойду в палатку.

— Как она там, Анна Витальевна? — спросила тётя Карина.

— Ничего, спит сейчас. Обе спят вместе с Никой.

Егор посмотрел, как мама Веры застёгивает за собой вход в палатку и поинтересовался у Юры:

— Не страшно было? Говорят, медведи малину очень любят.

Юра Бабушкин неопределённо пожал плечами, а его мама призналась:

— Очень страшно. Мы всё время громко разговаривали, кружками бренчали, свистели в свистки как могли.

Тимофей Олегович одобряюще кивнул, а дядя Женья добавил:

— И перцовый баллончик у каждого, на всякий случай, — достал из кармана металлический флакон опасного репеллента с ярко-красным колпачком, поставил на стол, спросил. — Света так и нет?

Дядя Тимофей отрицательно помотал головой, а Евгений Иванович безнадёжно подтвердил:

— Мы там на сопку повыше поднялись, пока тропа была. Пытался опять спутниковый телефон включить — бесполезно.

— И фонарики по-прежнему не работают, — за стол подсели Кляйны.

Мария Герхардовна показательно понажимала на кнопку бессмысленного теперь налобного фонаря, положила его на стол. А Антон сказал:

— И ридер не включается. Ну, книжка такая электронная, — ответил на невысказанный вопрос Егора. — Я только сейчас про неё вспомнил, достал из рюкзака. Нет, тоже не работает.

Антон снял очки, стал протирать запотевшие стёкла.

— Чем в палатке занимался, если не читал? — спросил его Егор.

— Ничем, спал, — без затей улыбнулся тот.

Без очков лицо Антона Кляйна выглядело непривычно, безоружно, что ли.

— Спать — это хорошо, это мы все умеем, — дёрнул плечом Бабушкин-младший. — Всё лучше, чем под дождём по лесу таскаться за какими-то ягодами.

— Юра! — остановила сына Карина Сергеевна.

Юра пожал плечами, встал:

— Ладно, я тоже спать. Разбудите, когда ужин будет готов. И если будет чем.

Пошёл к палатке.

— Юра, куртку надень! — напредила ему в спину тётя Карина.

Спина независимо промолчала и скрылась в тамбуре палатки. Неловкое молчание нарушила Мария Герхардовна:

— Ну что, справедливый вопрос Юра поставил: чем ужинать сегодня будем? И завтра. И послезавтра.

— Я утром провёл продуктовую ревизию, — Бабушкин-старший достал из кармана листок бумаги, заглянул в него. — Шесть банок тушёнки осталось, триста граммов сала, палка копчёной колбасы. Картошки на раз пожарить на всех. Лук, чеснок — этого достаточно. Килограмм спагетти, десять пакетов риса и гречки. Одна банка кофе, две пачки чая. Полкило сыра, три упаковки печенья, пакет с пряниками, четыре буханки хлеба. Три банки сгущёнки, килограмм карамели. Ну, ещё там по мелочи: майонез, кетчуп, соль, сахар. Негусто, но с голода не помрём до обратной дороги, даже если завтра катер продуктов не подвезёт, как договаривались.

— А если он вообще не приедет? — задала странный вопрос Мария Герхардовна и уточнила. — Никогда.

— То есть, как это не приедет? — не понял Евгений Иванович. — У нас с капитаном официальный договор оформлен, согласно которому он обязан вывезти туристов обратно в Североозёрск 25 августа, через неделю.

— У нас же у всех билеты на поезд, мы не можем опоздать, — успокаивающе улыбулась Карина Сергеевна. — И потом, почему катер может не приехать? Мне капитан показался человеком надёжным, обязательным. Непьющим, если хотите.

— Потому что самолёты не летают, — неожиданно ответил Антон.

— Да, я тоже обратил внимание, — вздохнул дядя Тимофей. — Не хотел говорить, но что уж теперь.

— Погодите, какие самолёты? — не поняла Карина Сергеевна. — Причём тут самолёты?

— Обычные, пассажирские, — пояснил Тимофей Олегович. — Вспомните, когда мы приехали, они целый день в небе над Байкалом свои белые следы оставляли — с запада на восток, с востока на запад.

— Инверсионные следы, — уточнил Антон Кляйн.

И Егор сразу вспомнил, как они с Антоном, Кирюшкой, Верой и Никой строили на песке большой рыцарский замок, а в небе над ними висели далёкие белые полосы.

— Да, — подтвердил дядя Тимофей. — Вчера небо прояснилось на три часа, солнце выглянуло — мы все ещё обрадовались, что дождь закончился, пока с севера новая туча не навалилась. Я специально наблюдал: нет, ни один самолёт в небе не пролетел.

— Да ну, случайность, — не согласился Евгений Иванович. — Просто пауза была какая-то в полётном расписании, перерыв на обед.

— Возможно, — пожал плечами Тимофей Олегович. — Но принимая во внимание все нынешние странные обстоятельства...

— Фонарики не горят, так что же тут странного? — возразила тётя Карина. — Они же наверняка все китайского производства.

— У нас — немецкого, — заметил супруге дядя Женья.

— Ну и что, и что? Сейчас где угодно можно бракованную дрянь найти.

На голову Егора легла тёплая ладонь, рядом на скамейку присела мама, ещё нагретая теплом спального мешка, прижала сына к себе, слушала спорящих.

— А генератор? — спросил жену Евгений Иванович. — А телефоны? А этот, как его, ридер?

Тётя Карина подавленно молчала, зато молчание прервала Мария Генриховна:

— Что-то тут не так, братцы мои кролики, что-то тут совершенно не так. Моя — инженерная мысль не находит разумного объяснения всем этим нашим привходящим техническим обстоятельствам. Мы объективно имеем неработающие устройства — все, в которых есть элементы электропитания, независимо их происхождения: от аккумуляторных батарей до преобразователя механической энергии в генерацию электрического тока. И если эта проблема является не локальной, а охватывающей географическое пространство далеко за пределами бухты Приютной, озера Байкал или даже всего прибайкальского региона, то, боюсь, наше положение может оказаться хуже губернаторского.

— Хуже какого губернаторского? — не понял Егор. — Местного губернатора или какого-то ещё?

— Хуже любого губернаторского, — не очень понятно объяснила мама. — Даже хуже президентского. Я вообще не представляю, хуже у кого оно ещё может быть, чем у нас тут.

Мама говорила спокойно настолько, что Егор даже не подумал испугаться.

Разве что совсем чуть-чуть, вот настолечко.

— И всё же, Татьяна Андреевна, я бы не начинал паниковать раньше времени, — обратился к маме дядя Тимофей. — Я как журналист, могу привести немало количество историй, когда самые сенсационные версии событий на проверку объяснялись довольно рядовыми обстоятельствами. Хоть загадку лох-несского чудовища возьми, хоть тайну Тунгусского метеорита.

— А обратных примеров разве нет? — поинтересовалась мама. — Ну вот когда невозможно найти логически простое объяснение тем или иным непонятным фактам?

— Вообще-то, есть и немало, — почесал рыжую щетину Тимофей Олегович. — Скажем, тайна перевала Дятлова или вот до сих пор неясна этиология многих болезней...

— Этот пример мне как раз профессионально ближе, — согласилась мама. —

Ладно, вы тут продолжайте спорить, а я пойду проведу нашу пациентку.

И мама ушла в палатку Веры и Анны Витальевны. Но развернуть спор в полномасштабную дискуссию сразу не получилось, поскольку с берега вернулись рыбаки Кирюха и папа Игорь. Без хариусов, конечно.

Пужинали, можно сказать, празднично. Взявший на себя миссию завхоза Евгений Иванович выделил три банки тушёнки и всю оставшуюся картошку. Егор наелся вкусной жареной еды до отвала, тем более, что папа с мамой подложили им с Кирюхой по половине своей миски, потому что, как сказала мама, взрослым в дождливую погоду есть совсем не хочется, у них организм так устроен.

На бухту Приютную опускался очередной промозглый беззвёздный вечер. Дождь практически прекратился, ветер почти стих, и только байкальские волны продолжали накатываться на берег, создавая привычный шумовой фон.

— Папа, спой, — вдруг попросила Ника и объяснила. — Мне нравится слушать его песни. Ну, скучно же так сидеть.

— Гитары нет, Никуся, — попытался отказаться дядя Тимофей. — Какие песни без гитары?

— Ну и что? — не согласилась дочь. — Ты и так можешь. Вчера, когда за грибами ходили, ты целый час мне пел. Хоть и говорил, что концерт для медведей.

— Действительно, спойте, Тимофей Олегович, — присоединилась к Никиной просьбе Мария Герхардовна. — Хуже-то точно не будет. А так, глядишь, и настроение поднимется.

— Да я как-то популярных песен и не знаю почти, — не сдавался дядя Тимофей.

— Так пойте что хотите, по настроению.

— Ладно, попробую. Заранее извиняюсь за репертуар и вообще.

Он поскрёб подбородок, задумался на минуту, откашлялся и запел:

— Мы стояли с пилотом ледовой проводки,
с ледокола глядели на гаснущий день.
Тихо плыл перед нами белый берег Чукотки
и какой-то кораблик на зелёной воде...

Это была история про разные всякие скитания, про грустную взрослую жизнь. Невесёлая, в общем, но Егору понравилась.

— Ещё, папа, — попросила Ника.

— Да, пожалуйста, — присоединилась к просьбе вернувшаяся мама, обнимая сидевшего у неё на коленях Кирилла.

И дядя Тимофей спел и про бумажного солдата, и про вставший на якорь корабль «Бела Барток», и про перекаты, и про восемнадцатый февраль. А потом дядя Женья тоже решил спеть «Выйду ночью в поле с конём», но на втором куплете забыл слова и смущённо замолчал.

— Да хватит вам! — внезапно вскочил со своего места Юра Бабушкин. — Кони какие-то дурацкие! Какие тут кони, когда вы даже песню в интернете не можете здесь отыскать! Дурацкий бесполезный телефон, в котором ничего не найдёшь, в котором даже фонарик не включается! И все делают вид, что ничего страшного не происходит. А нет ничего страшнее, чем жизнь без телефона! Зачем вы меня сюда привезли из города, зачем?!

Юра стоял, сжимая в кулаке бессмысленный смартфон, другой рукой утирая с лица злые слёзы.

— Ну что ты, Юра? — попыталась, обняв, успокоить сына Карина Сергеевна. — Перестань, пожалуйста. Смотри, никто из ребят так не расстраивается, только ты.

— Да что они понимают, малышня, — Юра сел, чуть вздрагивая от возбуждения, и неожиданно тихим голосом сказал. — Я хочу домой, мама.

— Я тоже хочу, — призналась тётя Карина. — Все хотят. Скоро придёт катер и отвезёт нас домой.

— А я не хочу, — неожиданно сказал Кирилл. — Мне здесь нравится, а в городе скучно.

— Ну и живи здесь, — буркнул Юра.

А папа сказал:

— Ничего, бывает. Чай с малиной будешь, Юра?

— Буду.

— Давай кружку. Все давайте.

И все пили чай, молчали, глядя на разгоревшийся под ветром костёр, пока с берега вдруг не раздался громкий голос: «Эй, на берегу! Конец примите!»

Туристы неловкой гурьбой высыпали из-под тента. На волнах бухты Приютной качалась яхта под высоким белым парусом. Сзади за штурвалом стоял, судя по всему, капитан, а на носу широко улыбался крепкий мужчина с седой шевелюрой, держащий в руках смотанную кольцами верёвку.

— Шустрей давайте! — поторопил человек с яхты. — Вон за тот причальный столб конец заведёте! А то мы якорь оборвали на прошлой стоянке.

И все побежали вниз причаливать неожиданную яхту. Первым добежал Егор.

Глава 3. По морям, по волнам

Последним немолодой, морщинистый, невысокого роста, но жилистый капитан Павел Петрович принял на борт яхты «Ветерок» объёмистый рюкзак Юры Бабушкина.

— Там сало, колбаса, две банки тушёнки, хлеб, — доложил капитану дядя Женья.

— Если в Североозёрске будете только к вечеру, то всё равно ребятишкам перекусить чем-то нужно.

— Да найдётся у нас чем, — заверил Павел Петрович.

— Всё равно, зачем вам команда нахлебников?

— Ладно, лишним не будет, — согласился капитан и спросил рулевого. — Все уторкались?

— Уторкаются ещё, — улыбаясь, оглядел пассажиров Валера, смахнув назад нависшую на глаза мокрую седую прядь. — Пусть пока с мамками-папками попрощаются.

Мамки и папки стояли в ряд на прибрежном песке, пытаясь одновременно дать последние наставления отплывающим чадам.

— Вера, из каюты не ногой! — строго указывала дочери Анна Витальевна Калининчук. — Шарф не снимай ни в коем случае!

— За старшего будешь, Юрец, — наставлял сына Евгений Иванович. —

Отвечаешь за ребят, имей в виду. Из Североозёрска не забудь позвонить Вахтангу Теймуразовичу, телефон я тебе записал. Объяснишь ситуацию, он всё разрулит из Новосибирска. Или сам прилетит, по обстоятельствам.

— И если будет укачивать, массируй пальцами виски, вот так, — показывала Юре мама Карина Сергеевна.

— Не скучай, Никуся, — подмигивал дочери Тимофей Олегович. — Завтра к вечеру и мы подыдем. Послезавтра, самое позднее.

— Всё будет хорошо, Антон, — успокаивала скорее себя, чем младшего Кляйна Мария Герхардовна. — Ты не один, ты с ребятами. Выполняй все команды капитана, пожалуйста. Хорошо?

— Егор, от Кирюшки ни на шаг! — распоряжался папа. — Можешь привязать его к себе, разрешаю. Лишь бы за борт не свалился, ты его знаешь.

— Никуда он не свалится, не придумывай, — осекла мама папу. — Так, Кирюша? Мы вас очень любим, но так сейчас нужно. Ты же понимаешь?

Кирилл понимал, не детсадовец какой. Чего тут не понять? Сегодня «Ветерок» доставит их в Североозёрск, там они поселятся на большой даче капитана дяди Паши вместе с Валерой. Утром следующего дня яхта отправится за родителями и к вечеру привезёт их обратно. Ну, может на следующее утро.

Мама очень хотела поехать вместе с ребятами, чтобы кто-то из родителей приглядывал за малолетними пассажирами, но Павел Петрович объяснил, что яхта маленькая, и так пойдёт перегруженной, потому взять на борт ещё даже одного взрослого нет никакой возможности. Когда «Ветерок» вернётся за родителями, тогда перегруз, понятно, будет ещё больше, но взрослые на то и взрослые, чтобы рисковать собой, а не детьми. Или он договорится с капитаном другой яхты, побольше, чтобы совсем уже безо всякого риска завершить спасательную экспедицию.

Все детали были на сто раз проговорены с Павлом Петровичем ещё вчера вечером. Ничего страшного, ничего сложного. Как дети, честное слово.

— Так, всё, — закруглил прощание капитан. — Время не ждёт, и ветер опять поднимается. По местам, отходим! Валера, поставь носовой и проследи за размещением пассажиров.

Папа на берегу отмотал от береговой балки причальный трос, и яхта «Ветерок», приняв ветер в паруса, начала разворачиваться в сторону выхода из бухты. Родители успокаивающе махали с берега руками, пассажиры, расположившиеся вдоль бортов на палубных рундуках, махали в ответ. Наконец яхта встала на ровный киль после очередного крена и набрала уверенный быстрый ход навстречу волнам и холодным брызгам моря Байкал.

— Ребетня, помним, что на палубе перемещаться можно, лишь держась за леер или другой такелаж, — прогудел над ухом Кирилла весёлый Валера (который, конечно, был по возрасту дедом Валерой, но пассажирам велел называть себя просто по имени, потому что на судне все равны и только капитан равнее и к нему следует обращаться с подобающим почтением). — А мы пока устроим с комфортом... напомним, душа моя болящая, как тебя зовут?

— Вера, — шмыгнула носом болящая душа Вера Калинчук. — Но я уже совсем выздоровела, только кашель остался. И сопли.

— А ещё её можно звать Софи, — разъяснила ситуацию рулевому неугомонная Ника.

— Ну уж нет, — отказался от разъяснения Валера. — Мне бы и без того все ваши имена запомнить, а тут ещё и в прозвищах путаться. Пошли, Вера, в каюту. Он взял за руку Веру-Софи и провёл куда-то вниз под палубу. Вскоре поднялся обратно и сказал, что может проводить в каюту ещё двух-трёх желающих: там сухо, тепло и безветренно. Согласился только Юра Бабушкин, остальным показалось интереснее на палубе: во-первых, когда ещё доведётся поплавать на настоящей яхте, которая не рычит мощными моторами, а лишь хлопает парусами, не заглушающими противные крики низко пролетающих чаек-мартынов. А во-вторых, совсем узенькой полоской ещё был виден берег с почти уже неразличимыми фигурками родителей. И пока их можно было рассмотреть, казалось, что мир по-прежнему устойчив и уютен, а это не так уж и мало в сложившихся обстоятельствах.

Но «Ветерок», покинув бухту, вышел в открытое море, круто заложил вираж на север, и палуба сразу стала мокрой от брызг, разлетающихся от носа яхты, резавшего сразу увеличившиеся в размерах волны. Берег бухты Приютной вместе с оставшимися там родителями окончательно скрылся из глаз, и вокруг остались только море, только чайки, только прибрежные скалы и только серое невесёлое небо.

— Валера, смени меня, — капитан уступил место за штурвалом рулевому, сказал. — Держи прямо вон на тот каменный мыс, я сейчас вернусь.

Павел Петрович ловко провалился вниз в каюту, через минуту появился на палубе, держа в руках три ярко-оранжевых спасательных жилета, спросил: — Кто не умеет плавать?

Выяснилось, что плавать умеют все. Ну, более-менее. Но вопрос был чисто риторическим, поскольку капитан уже принял решение: он велел надеть жилеты Кириллу, Нике и Антону Кляйну, проверил насколько ребята справились со стягивающими лямками, потрепал по голове Егора: «Ты, парень, вроде покрепче других выглядишь, жилетов на всех не хватило, извини. Не страшно, справишься?» Старший Токарев только отрицательно качнул головой: да чего тут страшного-то? Наоборот, теперь на палубе три серьёзных крепких мореплавателя без жилетов: капитан, рулевой и Егор. А остальные просто пассажиры. Может, Вера выглянет из каюты, оценит, кто тут кто.

От избыточного чувства взрослого превосходства Егор проверил застёжки на жилете Кирюхи и с независимым видом продолжил наблюдать за точностью курса, указанного капитаном. Эх, ему бы ещё сейчас какое-нибудь взрослое поручение, он бы оправдал высокое доверие. Но Павел Петрович внимательно осмотрел горизонт и вернулся за штурвал, сменив рулевого. Валера вновь покрутил за деревянные ручки какие-то красивые блестящие барабаны с намотанными на них верёвками, большой парус изменил угол относительно ветра, яхта заложила небольшой крен и повернула носом от берега.

— Помористее пойдём, — сообщил пассажирам непонятное рулевой. — Вон тот остров справа оставим. Обратите внимание, на нём нерпы сейчас греются. И Валера дал всем по очереди полюбоваться на нерп через большой бинокль. Байкальские тюлени смотрели прямо на ребят, как будто позируя каналу «В мире животных».

— Какие они милые! — не удержалась от восторгов Ника Скворцова. — Прямо погладить хочется.

Кирилл тоже не отказался бы погладить нерп, но бинокль сейчас был в руках у Шилов, а тут над яхтой красивым строем пролетела большая стая птиц.

— Утки потянули на юг, — проводил стаю взглядом Валера. — Дело на осень поворачивает.

— А зачем им на юг? — не очень понял Кирилл.

— Потому что это перелётные птицы, — объяснил вместо рулевого Антон Кляйн. — Они зимуют на далёком юге, а весной возвращаются обратно и выводят здесь птенцов.

— Всё верно говоришь, парень, — похвалил Валера юного натуралиста. — Так и есть.

— Как-то они совсем по другому летают, не как чайки, — вспомнил Кирилл изломанную манеру полёта байкальских противных крикунов.

— Ну да, у всякой птицы своя манера, как и у людей, — согласился рулевой. — Утки с гусями ровным строем летают, как солдаты. Весёлый рябчик в лесу шумно перепархивает недалеко с дерева на дерево. Сова наоборот беззвучно летает ночью, как строгий начальник над мелкой живностью. А мартыны снуют над морем безалаберно и крикливо, чистые хулиганы. Всякой птице своя роль отведена природой, вот они её и исполняют... Что-то встречный ветер разыгрался не на шутку, похоже, полным бейдевиндом пойдём. Тогда придётся мне на лавировке побегать тут с парусом. Сидите пока, держитесь крепко, ребята.

Валера забрал у Ники бинокль и подошёл к капитану, озабоченно разглядывающему низкий серый горизонт и набегающие навстречу яхте крупные волны с белыми пенящимися гребнями.

— Ничего не понял, — сообщил Антону младший Токарев.

— Про птиц?

— Нет, про этот, как его, бендевинт.

— А, бейдевинд. Это просто: значит, мы пойдём против ветра.

— Как это? Ветер же сзади должен дуть в парус.

— Вот так. Опытные яхтенные капитаны умеют так лавировать галсами, чтобы и при встречном ветре судно двигалось вперёд.

— Какими ещё галсами? — оказывается, Егор тоже прислушивался к их интересному морскому разговору.

— Это когда яхта движется не прямо, а то влево, то вправо, чтобы паруса забирали встречный ветер. Я сам не очень эту механику понимаю, просто знаю про такой способ управления парусным судном.

— А откуда знаешь?

— Из книжек, — пожал плечами Антон. — Про пиратов, про морские путешествия. И когда непонятное слово встречается, я его в словаре ищу. Или мама разъясняет.

— Ясно, — понял Егор и зачем-то сказал Кирюхе. — А ты книжки читать не хочешь.

— Ты сам не хочешь! — возмутился несправедливым обвинением младший брат. — Тебя папа уже второй год спрашивает, когда ты подаренную им книгу Джека Лондона прочтёшь, а ты только обещаешь!

— А я читала Джека Лондона, — встряла во внутрисемейный спор Ника. — Мне тоже папа посоветовал. Про волка, который стал собакой. «Белый клык» называется. Приключения там разные на севере. Ну так себе, не очень. Про отношения вообще почти ничего.

— Про какие отношения? — не понял Кирилл.

— Про любовь и всё такое, балда, — ответил за Шило старший Токарев.

— А, — понял младший и потерял интерес к разговору.

Интереснее было наблюдать за безостановочной работой Валеры, который не устал раз за разом переключать парус с левого борта на правый и обратно. При этом яхта кренилась, как на одном из качельных аттракционов в парке Зелёного острова, и весело прыгала по высоким волнам вверх-вниз, вверх-вниз. Но только не радостны были лица простых парижан, как сказал бы по этому случаю папа, если бы он мог наблюдать здесь за выражением глаз капитана Павла Петровича, который прямо сейчас приказал рулевому доставить всех пассажиров на палубу.

Капитан передал штурвал Валере, который утёр мокрое лицо и весело подмигнул юным путешественникам, включая поднявшихся из каюты Веру Калинчук и Юру Бабушкина.

— Серьёзный разговор, ребята, — голос у Павла Петровича звучал не весело, а наоборот, озабоченно. — Не получается у нас с вами сегодня дойти до Североозёрска, как я обещал. Видите, ветер какой встречный выстраивается прямо по курсу да ещё и усиливается до штормового. С одной стороны, крайне замедляет движение вперёд, с другой — при такой волне и до беды недалеко. Потому решение моё будет такое: сейчас подворачиваем в сторону берега, где неподалёку должно быть устье речки Сохатиной. Там вверх по её течению

недалеко стоит небольшое охотничье зимовьё. Переждём непогоду, просушимся, выспимся, а утром ветер должен стихнуть — и тогда спокойно дойдём до дома, здесь не так много осталось, больше половины пути уже сделали. Принимается? — Как будто у нас есть выбор, — с лёгким вызовом ответил Юра. — Допустим, скажу я, что не принимается, и что? Вы согласитесь и дальше пойдём?

— Не соглашусь и дальше мы не пойдём, — кивнул Павел Петрович. — Здесь я капитан, и мне доверили родители ваши жизни, потому я за вас несу полную ответственность. Так что в любом случае ночевать мы будем на безопасном берегу, а не штормовать в море.

— И к чему тогда этот разговор? — раздражённо спросил старший из ребят. — Если вы уже всё без нас решили.

— А к тому, что в такую погоду лавировка к берегу и высадка на него — дело само по себе непростое не только для команды, но и для пассажиров. Потому я очень прошу, самым настоятельным образом прошу слушать мои команды. Мои и Валеры. Исполнять их беспрекословно и мгновенно, беспрекословно и мгновенно. Всё понятно?

Юра Бабушкин промолчал, но за него ответил Антон:

— Конечно, понятно, дядя Паша. Мы готовы.

— Хорошо. В каюту больше никто не спускается, сейчас подворачиваем к берегу. Волна будет бить слева, пойдём креном на правый борт, но бояться не нужно, всё будет хорошо. Всем расположиться у левого борта и максимально крепко держаться. Меняемся, Валера.

Капитан вернулся за штурвал, Валера вновь принялся исполнять свою сложную работу с парусами, периодически встряхивая седой лохматой головой и обращаясь к пассажирам: «Не спать, ребятки! Гляди веселей! Это разве шторм?

Вот пять лет назад попал я в шторм, так там волна с двухэтажный дом была, и ничего, справились. Нашему «Ветерку» этот вал, что рябь на летней луже!»

И так-то не сказать, чтобы было очень страшно. Но когда палуба яхты уходила косо вниз, Кирилл на всякий случай цеплялся за куртку Егора. Брат одной рукой держался за леер, другой обнимал Кирюшку за плечи. Никто из ребят ничего не говорил, только Ника иногда тихонько взвизгивала, когда волна как-то уж очень мощно била в борт яхты.

Потемневшее низкое серое небо предвещало наступление вечера, но свериться с часами ни у кого из ребят возможности не было. Потому что кто же носит наручные часы в наш двадцать первый век, когда всегда можно узнать время на дисплее мобильного телефона. Бессмысленные телефоны лежали у каждого рюкзаках, потому что... Потому что, ну вот так вот.

Яхта шла уже в непосредственной близости от берега, волна здесь была более высокой и резкой, капитан напряжённо всматривался в береговую линию, изредка советуясь с рулевым:

— Валера, похоже, вон за той скалой Сохатиная, нет?

— Не помню я, Паша. Навигатор бы точно показал.

— С навигатором я отсюда до Иркутска бы дошёл, да только не работает нынче навигатор, чтоб ему провалиться.

Наконец, когда «Ветерок» завернул за очередной мыс, Валера прокричал: «Всё, пришли! Вон в том распадке Сохатиная!»

Капитан кивнул и подвернул яхту ещё ближе к береговым камням. Кирилл искал глазами неведомый распадок, но смотреть было трудно, потому что здесь ветер особенно резко усилился и брызги от встречных волн стали заливать глаза до невозможности.

Через пять минут борьбы со стихией капитан прокричал сквозь шум прибойных валов: «Всё, дальше пройти не сможем, ветер не позволяет! Берег тут крупновалунный, причальный манёвр будет сложным! Выходим вон на тот маленький песчаный пляж! Если не смогу встать носом в песок, Валера прыгнет, поможет вам выбраться на берег! А до Сохатиной потом пешком дойдём! Всё, готовы?! Не бояться, прорвёмся!»

Павел Петрович резко повернул штурвал, и «Ветерок», круто наклонившись на бок, рванул в сторону берега. Песчаный пляж вырастал из окружающей тайги прямо как в каком-нибудь блокбастере, и когда до берега оставалось метров пятнадцать, яхта ударилась днищем о камень, остановивший её спасительное движение к суше. Судно накренилось ещё больше, и тут Кириллу стало по-настоящему страшно. «Так, приплыли! — обозначил ситуацию капитан. — Всё в порядке, ничего критичного! Здесь мелко. Валера спускается с подветренного борта и по очереди эвакуирует всех на берег, с вещами! Всё понятно? Первыми судно покидают девочки. Валера, пошёл!»

Рулевой прыгнул в воду, оказалось, что у берега действительно было мелко, Валере по пояс.

— Блезная, иди ко мне! — он протянул руки Вере, та испуганно-отрицательно помотала головой.

— Шагом марш! — неожиданно рявкнул капитан. — Ну что мне с вами делать, договаривались же!

Павел Петрович перебрался от штурвала к носу яхты, взял Софи подмышки и передал в руки Валере. Тот быстро отнёс её на песок и вернулся обратно.

— Ладно, Паша, спускай их мне по одному, — сказал капитану. — Сам видишь, какая тут петрушка выходит.

Капитан махнул рукой, подзывая к себе Нику, но неожиданно к борту подошёл Юра и сам прыгнул вниз, крикнул: «Вообще неглубоко!» И независимо, чуть раскачиваясь и разгребая поочерёдно руками воду, отправился к берегу.

— Молодец, парень! — крикнул в независимую спину Павел Петрович. — Держи конец, привяжешь вон к тому топляку!

Юра на берегу обернулся, увидел неподалёку полузамытый песком голый ствол огромного дерева, на который указывал капитан, кивнул и поймал брошенную с борта верёвку.

— Отлично! — закрепил словом Юрин успех Павел Петрович. — Теперь продолжаем эвакуацию — аккуратно, чтобы никто у нас больше не намок.

Никто и не намок: Валера всех аккуратно доставил на береговой песок, сходил к яхте за рюкзаками пассажиров, перенёс их подальше от набегавшей байкальской волны.

— Так, салажня, — назвал ребят непонятным словом рулевой. — Теперь всё в порядке, главное, все целы и невредимы. Вон там впереди, метров через триста устье Сохатиной. Разбирайте свои рюкзаки и потихоньку двигайте в ту сторону. Там ждите нас.

— А вы? — не удержался от вопроса Егор.

— А мы тут поборемся за плавучесть судна, — вздохнул Валера. — Там, похоже, небольшая пробоина. Это недолго, потом возьмём необходимые для общего комфортного ночлега вещи и придём к вам... Шторм-то как усилился, а? Ветер яростно гнул прибрежные сосны, огромные волны шатали «Ветерок» так, что мачта едва не касалась пенных гребней, причальная верёвка то натягивалась струной, то провисала до воды.

— Хорошо конец завязал, надёжно? — спросил Юру рулевой.

— Намертво, — успокоил Валеру подросток.

Он сбросил мокрую одежду и быстро переодевался в сухое, вытащенное из рюкзака.

— Ладно, переодевайся пока. Останешься здесь, поможешь, если вдруг что. А вы, ребетня, шагайте к Сохатиной. Потом мы вас найдём, поднимемся в избу, ужин будем готовить. Ступайте, ступайте, пока дождя нет. Всё будет хорошо.

Когда Юра переоделся в городские джинсы и надел поверх флисовой толстовки тёплую осеннюю куртку, которую родители настояли взять на случай ранних осенних холодов при возвращении в Новосибирск, на берег вышел, как дядька Черномор, капитан Павел Петрович.

— Дай сигарету, Валера, мои намокли.

— Ну что там, Паша?

Капитан сердито затанулся, от сигаретного огонька на ветру полетели искры.

— Не очень, воды в каюте уже по щиколотку. Пока на камне сидим, не шибко быстро прибывает, а снимемся — сразу фонтаном ударит. Большой пластырь нужно заводить, а для этого с камня сняться. Подбери жердину покрепче, поднажмём, оттолкнёмся — и сразу заплатку поставим. Потом ведрами воду откачаем — электропомпа же не включается. В общем, работы на полночи... Хорошо зачалили?

— Нормально, Паша.

— Ладно, пойду обратно. А ты, парень, сейчас иди к своим. Нас не ждите, придём поздно. Вдоль речки на берег поднимайтесь, тропа сама к избе приведёт. Там печка, нары, керосиновая лампа должна быть. Справишься?

Юра кивнул:

— Справлюсь, это не в гугле решение задачи по алгебре искать.

— Ну-ну, — хмыкнул капитан, взял на плечо принесённый Валерой деревянный шест и побрёл через высоченные прибойные валы на терпящий бедствие «Ветерок».

— Подожди, сейчас с яхты тебе солёных хариусов принесу, — сказал Валера подростку. — Перекусите перед сном.

Было видно, как на «Ветерке» Павел Петрович изо всех сил пытался снять судно с камня, упираясь в дно, аж шест гнулся в дугу. Когда рулевой был уже на полпути к яхте, капитану удалось стронуть её с места, и тут случилась катастрофа. Ударил порыв какого-то совсем уже сумасшедшего ветра со стороны берега, заставившего судно натянуть до звона причальный конец. А тот, в свою очередь, медленно раскручиваясь, сполз со ствола дерева и быстро скрылся в воде вслед за стремительно удаляющейся в море яхтой. «Эй, куда?! Стой!», — заорал «Ветерку» Валера, махнул вразмашку за судном, ухватился за верёвочный конец. Юра успел заметить, что капитан сумел подтянуть к яхте и втащить на борт рулевого. Они оба ещё что-то кричали оставшемуся на берегу подростку, но ветер относил слова вместе с управляемым лишь волей стихии «Ветерком».

Всё произошло буквально за пару минут. Белый накренившейся силуэт яхты вначале превратился в точку, а затем быстро растаял в бушующих валах Байкала.

Кирилл зевал, пригревшись под рукой обнявшего его Егора, и думал, что хорошо иметь старшего брата, который хоть иногда бывает дураком и балдой,

но чаще всего с ним бывает весело и здорово. Или даже уютно и надёжно, вот как сейчас. С мамой и папой, понятно, было бы надёжнее, но приходится мириться с тем что есть. И если бы что-нибудь сейчас съесть, то можно даже и заснуть прямо здесь на берегу. Даже и в такой ветер, потому что Егор заставил надеть всю тёплую одежду из рюкзака Кирилла и ещё сверху натянул свою непромокаемую ветровку. Нет, старший брат — это бывает хорошо и даже иногда полезно.

«Угощайтесь», — Антон раздал всем по небольшому бутерброду с сыром, которые положила сыну в карман Мария Герхардовна в последний момент перед погрузкой на яхту. Это было очень вовремя, прямо вот очень и очень. Такой уж Антон большой молодец оказался. Ребята сидели в ряд на большой гладкой лесине спиной к ветру и речке Сохатой и лицом к тому месту, где осталась яхта «Ветерок» и её мужественные спасатели.

— Эх, ещё бы один такой бутербродик, — мечтательно сказала Ника.

— Три, — поддержала подружку Вера.

— И большую пиццу, — подхватил Егор.

— С кока-колой, — завершил воображаемый натюрморт Кирилл.

— У меня ничего такого больше нет, — почти растерянно ответил Антон, и все почему-то рассмеялись, как будто сидели они в каком-нибудь уютном городском детском кафе, а не на ветренном берегу озера Байкал в страшной дали не только от городской цивилизации, но и от своих часто занудных, но таких нужных и чудесных родителей.

Из темноты послышались шаги, и к бревну-скамейке вышел Юра, скинул с плеч рюкзак, спросил:

— Чего ржёте? За километр слышно.

— Да просто так, — ответил Егор. — А давай съедим чего-нибудь? У тебя же в рюкзаке еда всякая.

— Давайте, — Юра раскрыл рюкзак, достал хлеб и колбасу. — Ножик есть у кого?

Складной ножик был у Антона, и через пять минут общая недавняя мечта о дополнительных бутербродах сбылась в более чем полной мере.

— А где Павел Петрович с Валерой? — спросила Ника.

— В Караганде, — ожидаемо ответил Юра Бабушкин, дожевал бутерброд и добавил странное. — Нету их и не будет.

— Как это, не будет? — не понял Егор.

— Да вот так! Не будет. Уплыли они.

— Куда уплыли?

— Откуда я знаю куда? Уплыли и всё. Велели вверх по речке идти. Прямо по тропе до избы. Пошли, пока совсем не стемнело.

Ничего пока было непонятно, но избу действительно лучше искать не в совсем уж непроглядной ночи. Ребята быстро собрали вещи и пошли вдоль берега реки наверх от песчаного берега к лесу. Или, правильнее, к тайге. И сразу припустил сильный дурацкий дождь, давно его не было, ага.

Набитая твёрдая тропа действительно нашлась быстро и идти по ней было легко и просто. Через несколько минут она вывела на широкую поляну с небольшой избушкой. А в избушке. Светились. Тёплым. Жёлтым. Огнём. Два. Окна.

Юные путешественники бегом припустили к таёжному жилью. Мысли в головах проносились разные и все радостные: свет? электричество? здесь взрослые, которые помогут? каким-то чудом тут уже Валера и Павел Петрович? или даже родители?

Первым до избы добежал Егор. Отдышался, дожидаясь остальных, и в счастливом ожидании открыл дверь. Свет горевшей на столе керосиновой лампы на секунду ослепил привыкшие к темноте глаза. В избе было сухо и тепло, за дощатым столом, стоящим между двух широких деревянных кроватей с матрацами сидела светловолосая девочка в резиновых сапогах и поношенной куртке. По виду, первоклассница.

— Уф, напугали, идритки лытки! — девочка встала и приглашающе махнула рукой. — Здрасьте вам, проходите, грейтесь. Я — Катя Лыткарина.

Глава 4. Закон тайги

— Потом я ещё минут десять высматривал «Ветерок», ждал, кричал даже, но так ничего и не дождался. Ну и пошёл к вам, — Юра Бабушкин закончил рассказ о вчерашнем происшествии с яхтой. Правда, из его рассказа выходило, что причальная верёвка, изначально привязанная им к дереву, не развязалась, а оборвалась от ветра, но какая теперь, в сущности, разница?

— Значит, они сегодня починят яхту и приплывут сюда, — сделал вывод Егор.

— Так?

Юра только пожал плечами, а Ника быстро согласилась:

— Конечно, приплывут. Они же нам обещали и родителям обещали.

Обязательно приплывут.

И все с ней согласились, продолжая всматриваться в далёкий под ясным сегодня небом горизонт в направлении, указанном Юрой.

Ребята сидели на длинной скамейке за столом над высоким обрывом крутого берега, отвесно падающего к Байкалу. Сюда их после завтрака с горячим чаем привела Катя Лыткарина, ещё вчера объяснившая городским ребятам, что изба, в которой они вчера её нашли, когда-то принадлежала охотнику дяде Саше Буровлёву, а после его смерти участок так никто другой себе и не оформил — и вот уже лет семь зимовьём пользуются все проезжающие по Байкалу: кого-то непогода застанет, как всех их вчера, кто-то порыбачить заедет на два-три дня, кому-то захочется чаю попить в сухой избушке, если долго на моторке под дождём шёл.

И каждый после себя оставляет в зимовье запас дров, спички, соль, или, может, лишнюю банку консервов да пачку муки. Ну, если потом вдруг человек в беде окажется — лодка там перевернулась, или снегоход зимой на льду поломался — чтобы, значит, мог согреться у огня, высушиться и спокойно ждать подмоги или, набравшись сил, самому в населёнку выбираться. Такой уж в тайге неписанный закон, такие правила. Потому и скамейку эту на здешней смотровой площадке кто-то недавно поправил, заменив пару сгнивших досок на новые, и сухие дрова в печке лежали, когда Катя до избы добралась, и пачка макарон, так пригодившаяся им всем вчера вечером, нашлась, подвешенная под потолком, . (Егор ещё удивился: почему нельзя просто на столе макароны оставить? Катя объяснила: «Так мыши же. Они в избе хозяйничают, пока человека в ней нет»).

И в общем, можно было бы так долго высматривать яхту «Ветерок» среди высоких байкальских волн, но сидеть на берегу было холодно: уж больно пронизывающий ветер дул с севера.

— Пойдёмте домой, что ли? — предложил Егор и спросил у Кати. — И часто у вас такие ветра на Байкале?

— Это верховик с Нижней Речки, он с вечера баргузин сменил. При нём всегда солнечно, но холодно. Может два дня дуть, а может и пять. Опасный ветер, при нём рыбаки стараются в море не выходить.

— А баргузин — это тоже ветер? — заинтересовался Антон Кляйн.
— Да, восточный. Там, южнее от нас по этому берегу есть большая река Баргузин. Вот когда ветер с её верховьев дует, он так и называется, «баргузин». Разузнав всё про байкальские ветра, ребята пошли обратно в зимовьё, до которого было метров сто по тропинке. Кирилл шёл следом за Катей, которая то и дело сходила с тропы, поднимая в охапку крупные сосновые сухие сучья.
— Это ты зачем? — спросил младший Токарев.
— Дрова же, печку топить, — удивилась странному вопросу Катя. — Все равно к избе идём с пустыми руками, так чего бы попутно дров не набрать?
— Логично, — согласился Кирилл и тоже стал собирать сучья покрупнее. — Тоже закон такой здесь?
— Не знаю, — пожала плечами Катя. — Деда всегда так делает, вот и меня приучил.

Так-то положение складывалось хуже, как его, губернаторского, — соображалось Егору под уютный треск разгоравшихся в железной печке сосновых дров. У открытой дверцы печи сидели на корточках Кирюха с Катей, о чём-то шептались — о своём, детском, понятно, но Егору, как старшему брату, приходилось думать за двоих, если уж мамы с папой поблизости совсем не наблюдается. Что же дальше делать-то, а? Не вечно же сидеть в этой избушке на курьих ножках и ждать у Байкальского моря погоды. Или ждать? Самый старший среди них Юра Бабушкин, он-то чего молчит? Все же на него равняются. Ну, молчит и молчит, мы тогда сами как-нибудь.

— Катя, а дедушка твой может тебя здесь искать?

— Может, только я не знаю когда.

— Почему?

— Так он дней пять как уехал на моторке в Североозёрск — ему срок пришёл зубы менять.

— Как это, менять зубы? — не понял Кирилл.

— Они у него чужие, искусственные, протезы называются. Совсем старые стали, разболтались. Дедушка весной в доктору ездил мерку снимать, тот ему как раз срок назначил приезжать за новыми зубами, точное число. Деда и уехал, сказал что на завтра вернётся, а сам не вернулся. Может, там выяснилось, что долго нужно новые зубы ставить, несколько дней, а доктор сразу не предупредил. Значит, вернётся когда сделает. А я вчера за хариусом на резиновой лодке приплыла сюда, на Сохатиную, тут крупный хариус, чёрный. С утра ветра не было, а тут плыть-то всего часа три. Лодку, значит, на берег вытащила, сама вверх по ключу пошла. Двух поймать успела, а тут, идритки-лытки, верховик задул, да сразу мощный такой. Я бегом на Байкал, а лодки на берегу уже и нет. Там ветер такой был, что меня саму чуть не сдуло. Унесло лодку в море, теперь домой не вернёшься никак. Решила дедушку ждать в этой избе, хариусов пожарила, съела, а тут и вы пришли.

Катя закончила свой рассказ. Ребята смотрели на огоньки в поддувале печки, молчали, только Вера покашливала.

— Ты как? — спросил её Егор. — Не температуришь?

— Нет, я хорошо себя чувствую, — ответила Софи и добавила. — Спасибо.

Егору хотелось ещё что-нибудь доброе, одобряющее сказать Вере, потому что это неправильно, когда человек болеет в лесу — хороший человек, симпатичный, но ничего не успел придумать, потому что Юра позагигбал пальцы на руке, считая дни, и спросил Катю:

— Пять дней назад, говоришь, уехал? А чего ты сразу деду своему не позвонила? Тогда ещё можно было.

— Так у нас рация второй год уже как поломалась. Деда говорит, она старая, нужные батареи для неё сейчас уже не выпускают. — Да и ладно, и без рации жить можно.

— Какая ещё, к чертям собачьим, рация? Телефоном нельзя, что ли позвонить, обычным мобильником?!

— У меня нет телефона, — чуть испуганно съёжилась Катя. — И у бабушки нет. И не работает у нас тут связь по телефону, только рация.

— Да как же вы тут живёте? — не успокаивался Юра. — Ты говоришь, что на зиму уезжаешь в школу, в этот твой, как его, Нижнереченск. Там-то у тебя есть телефон?

— Нету, — пожала плечами Катя. — А зачем он там? У нас посёлок, идритки-лытки, маленький, везде пешком пройти десять минут, если поговорить с кем нужно.

— Не понимаю, как вы тут в своих деревнях живёте — без телефонов, без интернета, без ютуба! Как будто двадцатый век на дворе. Дикие пещерные люди. Тут от печки встал Кирилл, повернулся к Юре:

— Ты чего разорался на весь лес? Что толку сейчас в твоих телефонах с интернетами? И нечего маленьких здесь обзывать. Выйди из избы и хоть заорись там.

— А ты-то, Токарь, куда ещё лезешь? Смотри, я тебе глаз сейчас на ухо натяну.

— Попробуй, — Егор встал, подошёл к младшему брату.

Юра Бабушкин тоже встал, но пошёл не на братьев, а на улицу. Вышел, громко хлопнув тяжёлой дощатой дверью.

Катя только вздохнула, забросила в печь ещё одно сосновое полено, закрыла дверцу, села за стол к ребятам. Братья тоже сели. Ругайся не ругайся, а что делать дальше, всё равно непонятно. Но Ника спросила о другом:

— А родители твои где, Катя?

— Утонули позапрошлым летом, — девочка сказала это ровно, словно отвечала на вопрос по таблице умножения. — Ехали забирать меня от бабушки в садик, как раз первого сентября. И такой же верховик налетел. Немного не доехали, похоже, моторку на Елоховской гряде перевернуло — как раз там, куда вашу яхту вчера понесло. На третий день нашли их, похоронили в Нижнереченске. А бабушка сказал, что буду до школы жить у него, на Биримкане. Так и живём теперь. В прошлом году он меня в школу отвёз, зиму у маминой сестры тёти Вали и дяди Толи жила, а как первый класс окончила, деда меня опять к себе на всё лето забрал, как и раньше. И на зимних каникулах забирал. В конце августа опять в Нижнереченск отвезёт, учиться-то всё равно нужно, идритки-лытки.

— А чего ты за слова такие непонятные повторяешь постоянно? — улыбаясь, спросила Катю почти выздоровевшая Вера.

— Какие? — удивилась таёжная девочка.

— Да вот эти, «идритки-лытки».

— Не знаю, — смешно сморщила нос и пожала плечами Катя. — Сами как-то вырываются, я и не замечаю. У деды присказка такая всегдашняя, вот, видно, и ко мне приклеилась.

— Весёлый у тебя дед, — сказал Егор, а Антон Кляйн поинтересовался:

— Так может проще по берегу в ваш дом вернуться? Там бабушка твой нас точно сразу найдёт.

— Если вернётся, — нехстати вставила Ника.

Катя удивилась: как это не вернётся, если обещал? Вот доделает свои зубы, переждёт верховик и обязательно приедет. Быть такого может, чтобы деда не приехал. И тогда съездит до города, вызовет вертолёт МЧС и всех спасатели эвакуируют в Североозёрск, потому что в тайге людей всегда ищут, если они потерялись, закон такой.

Ребята переглянулись, и с их молчаливого согласия Вера решилась рассказать Кате про исчезнувшую связь, не включающиеся фонарики, неработающий генератор, нелетающие над Байкалом самолёты. Только про яркий светящийся шар, с которого всё началось, не стала рассказывать. Из суеверия, что ли, или чтобы лишний раз не пугать девочку. Кириллу казалось, что эту девочку вообще ничем не испугаешь, но старшим, наверное, виднее.

— Так что же, выходит, не ждать нам теперь дедушку? — ожидаемо расстроилась Катя.

— Я бы не слишком на это рассчитывал, — вздохнул Антон.

И Егор подтвердил:

— Это точно, идритки-лытки.

И все вдруг облегчённо рассмеялись.

Но Антон вернулся к своему вопросу:

— Ну, так за сколько часов или, может, дней сможем дойти до вашего с дедушкой дома?

— Я бы сама здесь не сидела, если бы можно было. Есть старая нартовая тропа, она подальше от Байкала идёт, в обход береговых скал. Но там наверху большая марь, топкое такое болото, по-вашему. А за ней две реки Кидонга и Таймукан — широкие, в два раза больше Сохатиной. Деда говорит, что в сухое лето там ещё можно броды найти, если вверх километров на десять забраться, но я там не была никогда. А нынче вон дожди какие льют, речки полные воды, никак их не перейдёшь.

— Так ты же сама сказала, что тропа есть, значит как-то проходят люди, — не понял Егор.

Катя посмотрела на него, как на маленького.

— Я же говорю: нартовая тропа, зимняя. Когда реки и мари замерзают. А летом никак.

— Выходит, не вариант, — согласился Егор.

А потом открылась дверь, в избу вернулся Юра, подошёл к Кате и сказал:

— Извини меня, сорвался. Нервы ни к чёрту.

Обернулся к Кириллу, протянул руку:

— И ты прости, Токарь. Мир?

Младший Токарев встал, кивнул, серьёзно пожал протянутую ладонь. А старший придумал:

— «Мир», — сказал седой вампир, вместо крови пья кефир.

Ну и что что нет такого слова «пья»? Всё равно же все поняли. А Ника сказала:

— Давайте уже чего-нибудь съедим, я проголодалась.

Потом они пообедали, развесились и решением общего собрания постановили избрать главным по текущему приключению Юру Бабушкина. Юра поблагодарил коллектив за доверие и предложил, если уж так все сложилось, оставить в прошлом все эти приличные городские имена, а называть друг друга по школьным прозвищам, они же — секретные позывные. Возражений не поступило. Так Юра стал Слоном, Вера — понятно, Софи, Ника — Шило, Кирилл — Токарем, Егор — Клоуном. Антон признался, что его школьная кличка Гигант, потому что Кляйн с немецкого переводится как «маленький», а у

Кати Лыткариной оказалось, что никакого прозвища вообще нет, и тогда ей сообща придумали позывной Белка.

И все легли спать, если не в полном спокойствии, то, по крайней мере, в хорошем настроении.

Продравшись сквозь густой прибрежный тальник, Кирилл-Токарь и Катя-Белка вышли на большую галечниковую косу реки Сохатиной.

— Вот она, тут и лежит, где я её оставила! — обрадовалась Катя, обнаружив на берегу свою длинную удочку из ровной сухой ветки ивы с привязанной на конце леской, на которой болталась большая искусственная муха — совсем некрасивая, коричневая, без всяких блёсток и ярких нитей. — Здесь будем рыбачить. Показывай что там у тебя за балда такая.

Кирилл полез в рюкзачок за балдой с мушками, которую на второй день случайно у дяди Тимофея взял Егор и автоматически сунул себе в карман куртки, а обнаружил только уже на яхте. Когда утром Катя собралась на рыбалку, а младший брат вызвался её сопровождать, Егор отдал снасть Кирюхе, вдруг пригодится. Кирилл не успел застегнуть рюкзак, как в кустах послышался громкий шум, быстро удалившийся за деревьями вверх по речке. Кирилл от неожиданности замер:

— Это чего было?

— Да ничего, глухарь с брусничного ягодника поднялся, улетел, — спокойно сказала Катя. — Ты испугался, что ли?

— Немножко, — признался Кирилл, ему почему-то совсем не стыдно было признаваться Кате в своих маленьких слабостях. С ней вообще было удивительно легко и просто.

— Ну и зря. В тайге не зверя нужно бояться, а человека — так дедушка говорит.

— Вот ещё. Люди они на то и люди, чтобы их не бояться. Не то что медведи или там волки. Ерунду какую-то дед твой говорит.

— Сам ты ерунда... Дай посмотреть.

Кирилл отдал Кате снасть балду, она её внимательно рассмотрела, хмыкнула, достала из кармана небольшой моток лески, скомандовала: «Держи нож, вырежешь в тальнике удочку как у меня. Привяжешь на конец леску, потом свяжешь её с твоей снастью. Посмотрим что у тебя за балда такая. Сумеешь?»

Кирилл кивнул: папа с дядей Тимофеем два дня учили братьев вязать разные рыболовные узлы — от нечего делать, пока под дождём в Приютной сидели. Когда удочка Кирилла была готова, за Катиной спиной на берегу уже лежали три хариуса, каждый из которых был много больше того первого, которого младший Токарев вытащил на второй день байкальского отдыха. «Вон туда бросай, в приямок», — распорядилась шустрая маленькая таёжница.

Что такой за приямок, Кирилл не понял, но удачно забросил балду под противоположный берег, где быстрая струя воды замедляла свой бег и крутилась мелкими пенными водоворотами. Как только тяжёлый поплавок натянул по течению леску, и мушки даже не успели появиться на поверхности воды, Кирилл почувствовал резкий удар, тонкое удище согнулось в дугу и через пару секунд на берегу уже прыгал по камням большой хариус. Да что там большой, очень даже здоровенный! Вот это рыбалка так рыбалка!

Кирилл только вошёл во вкус, вытащив свою пятую рыбину, как Катя подошла со своим удищем, вокруг которого была намотана и закреплена леска с самодельной мушкой.

— Дай ножик. Хватит рыбачить, пора домой.

— Куда домой? — удивился Кирилл, протягивая Кате её большой складник. — У меня на каждом втором забросе клюёт!

— Ну и что, и у меня клюёт, — Катя стала делать из прутка ивы что-то вроде тонкой рогатки с одним длинным рогом. — Тут хорошее место, мне его деда ещё в прошлом году показал. Только всю рыбу не выловишь.

— Так если клюёт, — никак не понимал почти взрослый третьеклассник.

— А нельзя у тайги брать лишнего, закон такой, — объяснила несмышлёному городскому жителю Катя. — У тебя пять хариусов и у меня девять, по две рыбы на каждого едока в избе получается. Дай бог этих сегодня съесть, а завтра ещё наловим... Бери нож, делай такой же кукан — ещё этих хариусов до избы нести устанешь, идритки-лытки.

Кирилл не очень умело выстрогал рогатулину, аналогичную Катиной. Та ловко насадила через жабры на каждый прутки по семь рыбин, вручила длинную ветку одного кукана напарнику, сама подняла с берега второй. Кирилл поднял: ого, тяжёлый какой! Семь хариусов по килограмму — это же семь килограммов. И дорога до избы сразу представилась трудным предприятием. Да, правильный этот закон тайги, что лишнего не брать, очень даже правильный.

На последней сотне метров тропинка к зимовью круто забирала в гору, и Кирилл даже запыхался, поднимаясь за Катей с тяжелой добычей, которую он уже нёс, закинув прутки кукана на спину и сосредоточенно смотря на землю, чтобы снова не споткнуться о выступавшие над утоптанной тропой корни деревьев. Потому, уже поднявшись наверх, уткнулся головой в остановившуюся Белкину спину.

— А вот и наша Катюха! — раздался впереди вроде бы радостный взрослый хриплый голос.

Кирилл сделал пару шагов вперёд и увидел мужчину в камуфляжной куртке со светлыми волосами, стянутыми на затылке в короткий хвост — помоложе папы, кажется, лет на пять или даже на десять. Мужчина широко улыбнулся всем заросшим щетиной лицом Кириллу:

— И с кавалером! — протянул руку. — Чего молчишь? Здравствуй, кавалер.

— Здравствуйте, — ошарашенный неожиданным явлением взрослого человека, Кирилл пожал протянутую жёсткую ладонь с татуировкой «Север» на её тыльной стороне.

— Здравсьте, дядя Копыто, — не сказать чтобы очень радостно поздоровалась Катя, и Кирилл почему-то насторожился.

— О, какие добычки подрастают! — оценил итоги утренней рыбалки человек со странным именем Копыто, забрал у ребят хариусов, бросил их на небольшой дощатый стол у очага-кострища. — Пригласишь, Катюха, нас на роскошный обед?

— Всегда человеку из тайги рады. Приглашаем, конечно.

— Вот и хорошо. Так чего мы тут с вами на улице? Милости прошу в избу.

Дядя Копыто гостеприимно распахнул перед ребятами дверь. Там у печки возился темнолицый мужчина совсем неопределённого возраста с узким разрезом глаз.

— Принимай гостей, Валёк! — обратился к нему Копыто и легонько подтолкнул внутрь Катю и Кирилла.

Мужчина разулыбался:

— А, Катерина. Ждём тебя тут, ждём, — Валёк выпрямился, слегка покачнулся и неловко сел на нары, потеснив Антона-Гиганта.

Кирилл огляделся. Ребята молчали с непонятным, каким-то закрытым выражением лиц. Почему-то никто не радовался появлению из ниоткуда взрослых, которые конечно же должны были помочь им выбраться из тайги или, по крайней мере, принять за них какое-то единственно верное решение.

— Ну, что все такие кислые сидим? — не переставал балагурить дядя Копыто.

— Жизнь налаживается, суслики. А включи-ка нам, Синий, музыку для настроения.

Валёк, оказавшийся к тому же Синим, нетрезво кивнул, достал из кармана телогрейки мобильник, ткнул в него два раза пальцем. И из телефона зазвучала песня «Батяня-комбат».

Телефон работал! Вот это номер. Кажется, не только Кирилл, но и остальные ребята были совершенно ошарашены этим явлением. Так что же, значит вновь заработали все устройства и гаджеты? Значит, можно выйти на связь с родителями? Вау!

И все кинулись к своим рюкзакам доставать мобильники, чтобы немедленно дозвониться хоть куда-нибудь даже под эту дебильную стариковскую песню, звучащую из телефона Синего Валька.

Только Катя никуда не кинулась, потому что телефона у неё не было. Да и вообще.

А в это время. (Родители)

Змея лежала на высоком плоском камне совершенно неподвижно, как мёртвая.

Папа Игорь Токарев самым детальным образом рассмотрел её тёмное, почти чёрное тело с еле заметным, но очень красивым узором по бокам, когда к нему подошла жена с повязанным на голове полотенцем в виде тюрбана.

— Тс-с, — прижал палец к губам папа Игорь. — Не спугни.

— Ну зачем ты? — маму братьев Токаревых заметно передёрнуло. — А если укусит?

— Мы в двух метрах стоим, как она нас укусит? Подожди, сейчас палку подлиннее подберу, пошевелю её.

— Не стоит, Игорь Алексеевич, — посоветовала подошедшая следом за мамой Мария Герхардовна. — Сибирские гадюки безобидны, если не ощущают агрессии и опасности. В противном случае могут принять адекватные ответные меры.

— А это точно гадюка? — на всякий случай спросил Игорь Алексеевич.

— Вероятно, — пожала плечами мама Антона Кляйна. — Поскольку нет жёлтых пятен на голове, значит не уж. А если не уж, то гадюка, потому что никаких других змей в Сибири не водится: ни гремучих, ни анаконд, ни королевских кобр. Так что давайте оставим пресмыкающееся в покое и пойдём своей дорогой. Тем более что дороги той ещё с километр, не меньше.

Они аккуратно обошли облюбованный гадюкой светлый камень и двинулись дальше по тропе, ведущей к лагерю в Приютной от целебного горячего источника. Гадюка на пару сантиметров приподняла голову и проводила людей чуть заметным движением головы с холодными бесстрастными глазами.

— Кто, интересно, придумал, что змеи пресмыкающиеся? — задал сам себе вопрос папа Игорь. — Перед кем они тут, интересно, пресмыкаются? Мне бы, например, обидно было называться пресмыкающимся.

— Хорошо, что они тебя не понимают, — улыбнулась мама. — А то бы тоже обиделись. А так им, похоже, все равно, как редкие двуногие верзилы их квалифицируют на своём непонятном грубом рычащем языке.

— Они вообще не понимают, как можно пользоваться таким примитивным речевым и слуховым аппаратом, — поддержала несерьёзный разговор Мария Герхардовна. — Когда природа для тебя предусмотрела ультразвук и инфразвук, который имеющий уши да услышит.

— Хотел бы я услышать, чем наши ребятки занимаются сейчас в Североозёрске, — вздохнул папа Игорь. — Позвонить бы им, узнать. Ты когда последний раз телефон проверяла, Таня?

— На источнике, — безнадёжно качнула головой мама. — Нет, не работает.

— Да найдут они чем заняться, Игорь Алексеевич, не волнуйтесь, — успокоила Мария Герхардовна. — На гаджетах свет клином не сошёлся. По городу погуляют, с местными ребятами познакомятся. Или в библиотеку сходят: бумажные книги ведь никак от источников энергии не зависят, вот и пусть читают, хуже точно не будет.

— Что-то сомневаюсь, что наших библиотека заинтересует, — пожал плечами папа Игорь. — Они всё больше в интернет рвутся.

— А ты не сомневайся! — вдруг резко осадил папу мама братьев Токаревых.

— Они у нас нисколько не хуже других. И книжки с детства любили слушать. А Егор вообще рифмами увлекается, и получается у него прекрасно.

— Да, я заметила, — улыбнулась Мария Герхардовна. — Они у вас вообще отличные ребята. А в библиотеку их Антон в любом случае затащит, он без книг дня прожить не умеет. Надеюсь, все эти книжки ему в жизни ещё очень пригодятся... А как после горячей ванны хорошо сейчас, правда, Таня?

— Очень, — подтвердила мама Таня. — Лёгкость в теле совершенно необыкновенная. Кажется, дунь ветер посильнее — и унесёт, как то облачко. Она посмотрела в синее небо с редкими облаками и вдруг лицо стало серьёзным, даже озабоченным.

— Слабее сегодня ветер-то, — отметила вслух. — Хорошо бы яхта уже вернулась за нами. Вчера ещё Павел Петрович обещал. Как бы не случилось чего с ними на море в шторм. Что-то сердце у меня не на месте, нехорошее какое-то предчувствие всё время.

— И у меня, — серьёзно подтвердила Мария Герхардовна. — Головой понимаю, что ничего катастрофического случиться не может, а на душе всё равно беспокойно.

— Ну и зря вы так, — папе Игорю хотелось, чтобы хоть кто-то оставался здесь оптимистом. — А вот у меня предчувствие, что сейчас мы вернёмся в лагерь, а там нас уже ждёт вернувшаяся яхта «Ветерок», за столом пьют чай капитан с рулевым, и все уже собрали палатки, увязали рюкзаки, только нас ждут. Шире шаг, девушки! Поспешим навстречу надежде, которая умирает последней. И они ускорили шаг, и вскоре вышли на базовую поляну, на которой действительно царил если не веселье, то лихорадочно-приподнятое настроение, хотя ни яхты у берега, ни капитана с Валерой на обозримом пространстве не наблюдалось.

Над костром кипел закопчённый котелок, в центре стола стояла накрытая крышкой большая чугунная сковорода, на тарелке лежали пять зажаренных хариусов, на другой порезанная кольцами колбаса и щедрые куски последней хлебной буханки.

Навстречу поднялся Евгений Иванович Бабушкин, гостеприимным жестом пригласил вновь пришедших за стол:

— С лёгким вас паром, уважаемые. Прошу, пока всё горячее!

— По какому поводу сей роскошный пир, уважаемый Евгений Иванович? —

улыбнулась Мария Герхардовна.

— А мы решили, что даже если сегодня яхта не придёт, то завтра с утра уж точно здесь будет, — лихо махнула рукой Карина Сергеевна и поправила свою роскошную солнцезащитную шляпу. — Потому Женя решил закатить большой прощальный ужин. — Вы же не против?

— С чего бы нам быть против? — удивился папа Игорь, усаживаясь рядом с мамой за стол. — Гулять так гулять!

— Вот именно, — воздел к небу указательный палец Евгений Иванович и жестом фокусника достал из-под стола бутылку виски. — Оп-ля! Последний праздничный сюрприз.

А папа Ники Скворцовой поднял крышку со сковороды, открыв взгляду пиршествующих ароматно дымящиеся макароны по-флотски.

— Последний хлеб, последняя колбаса, последняя тушёнка, — грустно улыбнулась мама Веры Калининчук.

— Крайняя, уважаемая Анна Витальевна, это всё крайнее, — поправил её папа Юры Бабушкина.

— Рыбалка опять пошла, Игорь, — сообщил старшему Токареву опытный Тимофей Олегович. — Ничего, теперь не пропадём... Давайте, друзья, сдвинем кружки за наших детей, которые уже в безопасности и находятся среди хороших людей. И за скорое наше с ними воссоединение.

Хороший тост, согласилась мама Егора и Кирилла, грех не поддержать. Может, хоть ненадолго отпустит холодный обруч тревоги, отчего-то сжимавший сердце вот уже третий день.

Часть третья. Это сладкое слово «свобода»

Глава 1. Гости

А телефоны по-прежнему не включались — ни у Егора, ни у Кирилла, ни у кого. Только из мобильного Валька играла дурацкая музыка дурацкой группы.

— Можно с вашего телефона позвонить? — спросил Юра у владельца древнего смартфона, пьяно раскачивающегося в такт ритмам российской эстрады. Тот хитро погрозил подростку коричневым узловатым пальцем:

— Нельзя, я музыку слушаю.

Потом сказал:

— Можно. Пятьсот рублей.

Слон метнулся к рюкзаку, достал деньги, протянул хмельному хозяину мобильного, но купюру перехватил Копыто, сообщив:

— Тунгусам деньги давать нельзя, они с них безобразничают. Мне можно, а уж я сам Вальку выдам когда нужно и сколько нужно. Кому звонить собрался?

— Родителям, они волнуются.

— А где твои родители, городской? В Москве, поди, или ещё где подальше? Мы тут на Байкале насмотрелись на москвичей или даже на иностранцев всяких. Норовят здесь природу познавать да деньгами сорить. Туристы, мать их.

— Я из Новосибирска.

— Сибиряк, значит. Это ничего, это можно. Дай ему телефон, Синий.

Валёк послушно выключил музыку, передал мобильник Юре. Тот покрутил в руках допотопный «сяоми», выпущенный лет семь назад, если не раньше, сказал:

— Не включается. Не пойму, как здесь...

Копыто ухмыльнулся, забрал у подростка мобильник Синего.

— Ничего эти городские не умеют... Да ты его выключил просто, криворукий.

На, вторая попытка — и последняя, учти.

Отдал телефон Юре, но мобильник выключился снова.

— Не умеешь — не берись, — заключил Копыто. — Сеанс окончен. Есть ещё желающие расстаться с пятихаткой?

При вчерашнем прощании папа дал Егору две тысячи рублей, взяв с него слово, что они с Кириллом не станут их тратить в Североозёрске на всякую ерунду, вроде вредной газировки, а используют в крайнем случае резкого оголодания организмов или ещё чего-нибудь совсем уж непредвиденного, которое даже он, папа, представить себе пока не может. Но лучше пусть деньги будут, чем их не окажется. И если это не крайний случай, то что тогда крайний и непредвиденный?

Егор вынул из внутреннего кармана куртки требуемую купюру, протянул человеку по имени Копыто. Тот сунул деньги куда-то запазуху, подозрительно поинтересовался:

— Не москвич? Тоже сибиряк? Ладно, звони.

Номера родительских телефонов они с Кириллом вынуждены были вызубрить наизусть ещё с дошкольных времён, поскольку папа с мамой не отпускали их самостоятельно гулять во двор, пока перед прогулкой каждый не отбарабанит наизусть свои имя, фамилию, возраст, домашний адрес и телефоны взрослого поколения семьи Токаревых. Причём, Кирюха заучил весь этот обязательный список быстрее Егора, у которого цифры в голове откладывались действительно хуже, чем у младшего брата. Но уж если отложились — всё, ластиком не сотрёшь, как тот самый входной код «2318» от папиного нута, с которого когда-то давным-давно начиналось это большое байкальское приключение. Такая модель телефона «сяоми» Егору была хорошо знакома, поскольку это был первый мобильник, который ему вручили родители, и с которым он отходил до прошлого года, пока им с Кириллом папа не купил новенькие гаджеты с человеческим размером дисплея, а не с этим позорным игрушечным экранчиком. Однако стоило Егору взять в руки телефон, как дисплей погас, как умер. Копыто выругался всеми возможными запрещёнными папой и мамой словами, включил мобильник, вновь сунул его в руки старшего Токарева, но ровно с тем же отрицательным успехом. Вера глядела на расстроенного Егора очень сочувственно, и это единственное, что немножко радовало в сложившейся ситуации.

— Э, хорош уже ерундой страдать! — неожиданно встал с топчана Синий Валёк.

— Они нам так совсем телефон кончат. Катюха, жрать охота! Тебя дед не учил, как гостей в тайге встречать?

— Учил, — Катя стала протискиваться к двери. — Я сейчас, дядя Валёк.

— Не жрать, а закусывать, — хохотнул человек со странным именем (а скорее, прозвищем) Копыто. — Ладно, иди за бутылкой, а мы тут с мальцами обедом займёмся.

На поляне перед домом Катя уже развела костёр в очаге, сложенном круглым кольцом из булыжников. Валёк пошёл вниз по тропе к Байкалу, Копыто присел на скамейку за столом под деревянным навесом, покрытым корой (такой же корой была крыта крыша зимовья: её весной с лиственниц снимают, пока она мягкая, рассказывала вчера Белка), закурил. Ребята растерянной толпой стояли у избы.

— Ну, чего замерли, олени? — Копыто достал из кожаных ножен на поясе нож, взял за лезвие, протянул стоявшему ближе всех Антону Кляйну. — Ноги в руки рыбу чистить.

Гигант поднял с земли кукан с хариусами, положил его на стол.

— Ты тут собрался, что ли, чешуёй мусорить? — возмутился Копыто. — Иди к ключу, там чисти на берегу. Умеешь?

Антон пожал плечами, послушно поднял с земли второй кукан, повернулся в сторону тропинки, по которой недавно поднимались с рыбалки Кирилл и Катя.

— Кто умеет? — обратился к ребятам Копыто, Шило и Софи подняли вверх руки. — Ну так вперёд, ложки в избе найдёте. Ложками удобнее рыбу чистить, чем ножом, чтоб вы знали. А ты набери воды в чайник, неси сюда. Ты сковороду большую из избы тащи, помоешь её здесь, а ты дрова иди собирай. Слон пошёл за сковородой, Кирилл за дровами, а Егор спустился с чайником вниз к ручью, где Вера, Ника и Антон чистили хариусов.

— Откуда они появились-то здесь? — Егор скорее озвучил невысказанный ранее вопрос, чем ожидал конкретного ответа. — Выходит, есть какой-то путь сюда, на Сохатиную.

— Я мотор слышала на Байкале незадолго до их появления, — неожиданно ответила Ника. — Когда на улицу выходила. Ну, по делу.

— Как, мотор? Лодочный? — поразился Егор.

— Так у них и телефон работает, — напомнил неумело возящийся с рыбой Антон.

— Значит, скоро мы выберемся отсюда, если техника наконец заработала, — сказала Шило, но как-то не очень уверенно, не радостно.

— Они злые какие-то оба, неприятные, да? — спросила Софи.

— Ну, какие есть, — сказал Егор и добавил папино выражение. — Нам с ними детей не крестить, лишь бы помогли выбраться.

— Даже если и не помогут, нас скоро найдут, — заключил Гигант. — Родители уже наверняка связались с Североозёрском... Вот только самолёты всё равно над Байкалом не летают — ни одного не видел, специально вчера и сегодня наблюдал.

— Нет, наверняка на лодке приехали, — продолжал размышлять вслух Егор. — Они же минут за пять объявились до возвращения Кирюхи и Кати, так? Значит, если бы по Сохатиной пришли, то никак с ними бы не разминулись... Ладно, чего гадать, поднимемся наверх, спросим.

Наверху у избы Катя и Кирилл возились у костра, а Юра сидел за столом напротив Копыта, оба курили.

— Долго возитесь, городские, — выбросил бычок в огонь местный житель. — Мы с Юрцом по две сигареты успели выкурить. Шуруйте в избу за мукой и постным маслом, как раз угли уже готовы.

— На полке у окна стоят, — подсказал Слон и добавил. — Да, жрать ужасно хочется.

Егор нашёл в зимовье початую пачку муки и полбутылки подсолнечного масла, принёс, поставил на стол.

— А соль? Самому никак не догадаться? — криво усмехнулся Копыто.

Егор принёс и стеклянную банку с солью. Катя поставила сковороду на два больших полена, между которыми вспыхивал огоньками жар от нагоревших углей, налила на сковороду масла.

— Нам стол нужен, подвиньтесь, — подошла с полным котелком почищенного хариуса Ника.

— Ишь ты, как по-хозяйски, «подвиньтесь», — всхотнул Копыто. — Ладно, Юрец, освободим место.

Оба поднялись из-за стола, приблизились к костру. Белка, наоборот, подошла посмотреть, как идёт подготовка рыбы к последующей жарке. Софи высыпала на стол муку, добавила в неё соли, перемешала. Вместе с Шило они начали обваливать хариусов в муке.

— Дедушка просто рыбу солит, а потом уже в муке валяет, — заметила Катя. — Давайте быстрее, масло уже раскалилось.

Белка взяла первого готового к жарке хариуса, аккуратно положила его в громко зашипевшее масло на сковородке. Потом ещё одного, затем следующего — на сковороду поместились всего четыре рыбины. Девчонки обваливали в муке остальных, Катя жарила хариусов, Егор с Антоном подошли к костру, встали через огонь напротив Копыта и Юры.

— Вы когда назад, в Североозёрск? — спросил Егор, чтобы понимать ближайшие перспективы дальнейшего существования во времени и пространстве.

— А кто тебе сказал, что мы в Североозёрск? — удивился таёжник. — Чего мы там забыли? Нет, мы с Синим сегодня... О, Валёк! Тебя за смертью посылать. На поляну с тропы от Байкала вышел эвенк с деревянным коробом на лямке через плечо, в котором что-то позвякивало.

— Да всю лодку перерыл, пока нашёл, — торжествующе выставил на стол литровую пластиковую бутылку с мутноватой жидкостью, затем вытащил полиэтиленовый пакет с мелкими сухарями и какой-то свёрток некогда белой тряпки, развернул его. — Вот, вяленую изюбрятину ещё принёс, лишней не будет. Кружки где?

Копыто мотнул головой, Слон быстро принёс из зимовья три эмалированных кружки, сказал, что больше не нашёл.

— А зачем нам больше? — не расстроился Копыто. — Детям этот напиток ни к чему. Разливай, Валёк, на троих.

— Зачем на троих? — не понял Синий.

— Вот Юрец тут среди городских старший, составит нам компанию. Составишь?

— Да легко, — не сказать что совсем уж уверенно ответил Слон, наблюдая как Валёк разливает по кружкам жидкость из бутылки. — А это что?

— Самогон, что ещё, — сосредоточенно буркнул Синий, стараясь чтобы самогона получилось ровно по по треть кружки каждому. — А ты, поди, думал что виски?

— Нет, не думал.

Сдвинули посуду, Валёк и Копыто опустили в налитый самогон по кончику указательного пальца, сбросили с них по капле за плечо, вверх, на землю и лишь потом выпили. Юра выпил без затей, задохнулся, на глаза набежали слёзы.

— На, зажуй изюбрём, — протянул ему Копыто кусок почти чёрного, твёрдого, как кожаный ремень, мяса.

— Рыба готова, — Белка выставила на стол большую тарелку с жареным хариусом.

— Молодец, Катюха, — похвалил её Копыто. — Садитесь обедать, бродяги.

— Шевелитесь живее, жрать охота! — поддержал старшего товарища Слон.

Синий недобро посмотрел на захмелевшего подростка, процедил:

— Твой номер шесть, городской. Сиди и не отвечивай. Ты кто? Ты турист. А я тунгус. Тайга наш дом, мой род на Байкале уже сто лет живёт. А вас, туристов, кто сюда звал? Я не звал. Чего вы здесь забыли?

Копыто разлил из бутылки на троих, подвинул кружки Синему и Юре:

— Ладно, за мир во всём мире. Не пугай детишек, Валёк. И поспешай, ехать уже

пора.

Нет ничего вкуснее жареного хариуса — это Егор понял, ещё когда впервые его попробовал — ну, в тот далёкий счастливый день с первой рыбалкой на мухоловку с Кирюхой, папой и Тимофеем Олеговичем. Кажется, это было давным-давно, в другой жизни. А вяленая изюбятина Егору не понравилась: как будто жуёшь кусой солёной резины. И никому не понравилась, кроме Антона, — тот уже второй кусок уминал после целого съеденного хариуса. Ну и на здоровье, здесь другое важно прояснить.

— На моторке поедете? — спросил Егор у таёжных гостей. — И мотор у вас работает?

— А почему он не должен работать? — удивился Копыто. — Это «тохацу», он как часы работает: тик-так, тик-так. Потому что двухтактный.

— И куда вы сейчас? — полюбопытствовал Егор, понимая, что в планы Копыта и Синего забота о потерявшихся в тайге городских детишках никак не вписывается.

— А ты с какой целью интересуешься? — усмехнулся Копыто. — Много будешь знать, плохо будешь спать. Вот, Юрца можем с собой забрать на экскурсию. Завтра вернём его назад, расскажет вам как там у нас и что.

Поедешь, Юрец?

— Поеду, тут скучно. Только телефон с собой возьму.

Копыто проводил взглядом нетвёрдо шагающего к зимовью Слона.

— Вот. А у нас там спутник, телевизор с двадцатью каналами, баня. Хочешь в баню, Валёк?

— Так если мы неделю в тайге изюбря искали, — Синий почесал грудь под свитером. — Понятно, хочу.

За стол вернулся Юра, засунул, мутно улыбаясь, мобильник в карман.

— А мы, как же мы?! — вдруг вскинулась молчавшая всё время Софи. — Вы нас так и бросите здесь одних?

— А куда мы вас денем? — удивился Копыто. — У нас «казанка», а не пассажирский катер. Да бутора пол-лодки, да мясо. Вот, одного возьмём с собой прокатиться. Завтра сюда приедем за хариусом, вернём пацана в целости и сохранности, чистого-помытого. А вас тут дед Ефим Лыткарин найдёт, сообразит, как туристиков к папкам с мамками доставить. Так, Катюха?

— Так, дядя Семён, — Белка напряжённо смотрела, как таёжник снимает со стены зимовья карабин.

— Узнала? — недобро улыбнулся Копыто. — Ничего, скажешь Ефиму Георгиевичу, что к зиме верну с добычей, что прилипнет, порядки знаем, не маленькие. Ну что, двинули?

— Двинули, дядя Семён, — вставшего из-за стола Слона слегка пошатывало. — Счастливо оставаться, малышня!

— Куда пустой пошёл? — Валёк остановил двинувшегося по тропе Юру. — Неси.

Надел подростку через плечо деревянный короб, принесённый из лодки, сложил в него изюбятину, сухари, ножи, бутылку с остатками самогона. Копыто осмотрелся вокруг, чтобы чего своего не забыть на берегу, поднял руку, сказал: «Бывайте здоровы». И пошёл вниз вслед за Синим и Юрой.

Ребята, чуть выждав, бросились на смотровую скамейку, откуда как на ладони было видно, как Валёк в лодке сел сзади к мотору, а Копыто и Слон расположились полулёжа впереди на поклаже, крытой брезентом. Эвенк оттолкнулся от берега веслом, несколько раз дёрнул шнур подвесного мотора.

— Не заведётся, — тихо сказал Антон. — Не должен.
Но мотор взревел, лодка сделала полукруг и легко понеслась на юг, откуда позавчера вынужденные искатели приключений приплыли на яхте «Ветерок».

Костёр у избы почти погас. Белка пошевелила угли, бросила на них сосновые ветки с хвоей, положила сверху два полена. Костерок мгновенно вспыхнул, сразу стало спокойнее и уютнее. Ребята расселись за уличным столом, смотрели на огонь. Кирилл спросил у Кати:

— А чего ты увидела такого у этого Копыта, когда он собирался? Я не понял.

— Карабин, — ответила девочка. — Дедушкин.

— То есть, они где-то с твоим дедушкой встретились раньше, — не вник в ситуацию Егор. — И он им карабин дал?

— Деда никогда никому свой карабин не даёт, — тихо ответила Катя. — И тем более этому Копыто. Он его не любит, говорит, что таких хапуг в тайгу вообще пускать нельзя.

— А как же тогда у него это ружьё оказалось? — удивился Кирилл. —

— Наверное, в избу заехали, взяли, — пожала плечами Белка. — У нас замков нет, Волну — лайку нашу — дедушка с собой в Нижнереченск забрал, а я хотела с собой карабин на рыбалку взять да поленилась. Вот так и вышло.

— И что, у вас в тайге тут принято чужое брать? — спросила Ника.

— Нет, не принято. Прошлым летом дядя Семён просил у дедушки карабин на зверя сходить, обещал потом с мясом вернуть. Деда не дал. А чтобы из чужой пустой избы хоть ложку взять... Нельзя, просто нельзя — и всё. Теперь-то вернёт, конечно, если я у него карабин дедушкин увидела. Они же не знали, что меня тут встретят, когда с берега поднимались. Отдаст, куда денется.

— Куда они со Слоном теперь поехали, знаешь? — продолжал задавать Кате вопросы Егор. — И вообще, что это за люди? Станные какие-то.

— Дядя Валёк наш местный, из Нижнереченска, — Белка бросила в огонь сосновую шишку. — Он в тюрьму сел, а потом вернулся обратно вместе с этим Копыто, года три назад. У Валька родовое стойбище было где-то в сторону Баргузина, только эвенки сейчас оленями давно не занимаются, почти все в городские посёлки перебрались. А дядя Семён на месте бывшего стойбища базу большую поставил, браконьерскую, людей нанял: они там омуля неводят, зверя добывают, соболем промышляют, шишку кедровую бьют. И ни на сезон не смотрят, ни на запреты. Плохой человек, жадный, законов тайги не признаёт — так дедушка говорит. Говорит, раньше таких людей у нас не водилось... Скорей бы дедушка приехал, помог бы нам.

Катя шмыгнула носом, утёрла со щеки слезу. Кирилл, как взрослый, подошёл, погладил её по голове. Катя всхлипнула и убежала в избу. Наверное, плакать. Шило и Софи пошли за ней — похоже, составить дружную плачущую компанию. Хорошо этим девчонкам, могут себе позволить, а Егору нужно было думать как жить дальше.

— Что делать-то теперь будем, Гигант? — на всякий случай обратился Егор к старшему по возрасту Антону Кляйну.

Тот снял очки, долго их протирал, потом опять водрузил на нос, сказал:

— Не знаю. Здесь крыша есть, печка, жить можно. Но завтра совсем закончатся продукты, а когда найдёт нас Катин дедушка, непонятно. Неделью-другую продержимся на хариусе, а дальше не знаю.

Тут встрял Кирюха:

— Да ну, неинтересно. Пойдёмте сами вдоль Байкала — озеро вот оно, никак

тут не потеряешься.

— А если завтра Валера с Павлом Петровичем сюда на яхте вернутся? — не согласился старший Токарев.

— Не думаю, — вновь поправил очки Антон. — Если бы была простая поломка, сегодня бы ещё вернулись. Как бы не разбило «Ветерок» о скалы.

Егор и сам понимал, что ответственный Павел Петрович и добродушный Валера никак не могли бросить их одних. Значит, приключилось с яхтой что-то сложное, о самом страшном думать совсем не хотелось. Да и нельзя было: из зимовья к костру вернулись девчонки. Сидели молча, грустные, слушали умных людей. Егор глянул на Веру, приободрился.

— Если на базе у Копыта с Синим есть спутниковый телефон, то Слон обязательно дозвонится до спасателей, объяснит ситуацию и за нами приедут. И за родителями тоже. Мотор же работал на лодке и мобильник, опять же. Завтра вернётся, расскажет о результате. Скорее всего, долго ждать нам тут и не придётся.

— Других-то моторок и катеров на Байкале не видно. И самолёты по-прежнему не летают, — напомнил Егору Антон.

— Да, непонятно, — согласился старший Токарев.

И тут Софи по-школьному протянула руку вверх, к вечернему звёздному небу. Егор улыбнулся:

— Какой у тебя вопрос, Калинчук? Или просто хочешь выйти из класса?

— А если у них там на этой базе никакие телефоны с телевизорами не работают? Они же сами сказали, что неделю в тайге были.

— Ну, моторка же работает? И телефон.

— А у нас по-прежнему не работают, мы пытались сейчас, — Вера в подтверждение протянула свой мёртвый мобильник. — Они же ничего не знают про этот яркий шар, с которого всё началось. И мы им не рассказали: ни про пропавшее электричество, ни про аварию с «Ветерком», ни про родителей в Приютной.

— И правда, — сам себе удивился Егор, вспомнив их разговоры с Копытом и Синим.

Получалось, что ошарашенные появлением взрослых и возможной перспективой ближайшего спасения, ребята как само собой разумеющееся полагали, что все вокруг должны быть в курсе их приключений последних дней. А откуда было знать байкальским браконьерам, неделю промышлявшим в тайге, о бухте Приютной, о яхте «Ветерок», о не вернувшимся домой дедушке Кате Лыткариной, о глобальных технических проблемах цивилизации?

Так, стоп: как раз никаких технических проблем у Копыта с Вальком совсем не наблюдалось. Интересно, почему?

— Возможно, они шли по Байкалу с севера, а мы сюда приплыли как раз наоборот, с юга, — попытался выстроить логику Гигант. — Не исключено, что эта природная или техногенная аномалия прошла полосой над бухтой Приютной и южнее. И сейчас они въедут на моторке в эту зону, и у них всё тоже перестанет работать.

— Но у нас-то телефоны так и не заработали в этой точке, — парировал Егор.

— И Катин дедушка так где-то и завис на севере. И самолёты до сих пор не летают над Байкалом. Как ты это объяснишь?

— Никак, — пожал плечами Антон. — Я же не искусственный интеллект, который знает ответы на все вопросы. Да и в нём я, честно говоря, сомневаюсь, что он прояснил бы нашу ситуацию.

— Знаете что, — поднялся из-за стола Кирилл. — Тут уже холодно, а я есть хочу и спать хочу. Пойдёмте уже в дом топить печь и ужинать на ночь. Утро вечера мудренее, как мама говорит.

— Сии слова не мальчика, но мужа, — согласилась Ника. — Так мой папа говорит.

— Чьего мужа? — не поняла Белка.

— Чьего-нибудь, — туманно ответила Шило.

И все пошли в избу, только Катя захватила с собой ещё и несколько поленьев от костра, чтобы быстро затопить печку.

Глава 2. Побег

— Ну, вы зашифровались так зашифровались, бродяги, — Копыто сидел на большой чурке у очага, рассматривал собравшихся вокруг ребят. — Ни про родителей в Приютной не рассказали, ни про яхту Скока, ни про эту вашу дурацкую проблему с электрикой. Чего молчали-то?

— Какого такого Скока? — мама говорила, что вопросом на вопрос отвечать неприлично, но Кирилл посчитал, что приличия остались где-то далеко, в городской жизни.

— Пашки Скока, капитана «Ветерка». Вчера, когда шли мимо Большого Елоховского острова, смотрю, что-то белое на нём виднеется. Рассмотрел в бинокль и Пашку, и сподручного его Валерку, и яхту притопленную с мачтой поломанной. Тут-то мне Юрец всю вашу историю досконально и рассказал. Понятно стало, что выручать ребяток нужно. Так что собирайтесь, через час Валёк большой баркас приведёт, будем вас эвакуировать.

— Ура! — захлопала в ладоши Шило, остальные тоже обрадовались. — И капитана с Валерой заберём?

— А потом родителей? — уточнила совсем уже оправившаяся от простуды и теперь окончательно повеселевшая Софи. — Да, дядя Семён?

— Вначале вас, потом будем решать, как со взрослыми быть, — Копыто прикурил новую сигарету от недокуренной прежней. — Баркас — большая лодка, но меньше даже яхты Пашкиной. Вас бы всех в него упихать да управиться к вечеру. А там уже будем думать, что с остальными потерпевшими делать. Баркас не моторка, он тихоходный, на нём быстро туда-сюда не нашмыгаешь.

— Значит, мы в Североозёрск только ночью придём? — быстро сопоставил расстояние со скоростью Антон.

— Да что вам этот Североозёрск дался-то? — вдруг рассердился Копыто. — До него на баркасе два дня ходу, да два обратно. У меня бензина столько нет. На базу к нам поедет, там дожидаться спасателей будете. У нас сухо, тепло, хавчика на всех хватит. Да что я вам картину рисую, вот Юрец там был, пусть рассказывает.

Молчавший до сих пор Слон неопределённо пожал плечом, в глаза ребятам не глядел.

— Ну что, там большой дом с печкой и кроватями человек на десять. Баня есть, ещё какие-то сараи. Лодки на берегу, сети. Отдельно домик типа столовой, что ли, где все собираются на обед или ужин. Меня ухой из омуля накормили.

— Все — это кто? — любопытствовал Егор, остальным тоже стало интересно.

— Ну, есть там люди ещё, — как-то не очень уверенно ответил Юра Бабушкин.

— Есть, есть, — подтвердил Копыто. — Нанимаются ко мне на сезон всякие безработные из Североозёрска и Нижнереченска, зарабатывают денежку.

Помогаю людям, в общем, вот и вам помогу. Рассказывай дальше.

— В столовой этой телевизор со спутниковой тарелкой, — оживился Юрец. — И даже, говорят, ноутбук есть с интернетом.

— Что значит, «говорят»? — не понял Егор.

— Я сам не видел, мне там один пацанчик сказал.

— Есть компьютер, есть интернет, — опять подтвердил Семён Копыто. —

Только он через спутник, а значит денег нормальных стоит. Так что пользование только за хорошее поведение. Да и не нужен интернет там никому — ни Синему, ни бродягам местным. Они им и пользоваться не умеют, не то что вы, городские. Вам, понятно, допуск будет беспрепятственный, безлимитный.

— Отлично, спасибо, дядя Семён, — впервые довольно улыбнулся Слон. — Вот как-то так, в общем. Почти цивилизация, можно сказать.

— Ты до родителей дозвонился? — вспомнила о главном Вера Калинчук.

Юра поскуachel, за него ответил Копыто:

— Связи вчера не было, сами дозвонитесь, когда приедете... Всё, собирайтесь поживее да на берег спускайтесь... Где этого Синего черти носят? Пойду в лодку за биноклем. Резче, резче, бродяги!

Семён бодро зашагал по тропинке к Байкалу, ребята забежали в избу, вытащили на улицу спальные мешки, стали запихивать их в рюкзаки вместе с излишками тёплой ночной одежды. У Кати рюкзака не было, она быстро свернула большую самодельную куртку из шинельного сукна, плотно перевязала её отрезком бечёвки.

Слон как-то отрешённо наблюдал за процедурой сборов, напряжённо молчал.

— А что там за пацанчик, говоришь? — Егор стягивал горловину рюкзака Кирилла, помогая брату застегнуть пластиковые застёжки. — Старше нас?

— Смотря кого, — пожал плечами Юра Бабушкин. — Шахтёра постарше, тебя помладше.

— И даже такие на Копыто работают? — удивился Егор.

— Всякие там есть, — Слон сидел на скамейке, нервно дрожал ногой, затем с усилием выдохнул, понизил голос: — В общем, слушайте быстро.

Ребята уловили напряжённость в голосе Юры, примолкли, только Гигант всё никак не мог справиться с укладкой рюкзака.

— Значит, там всё мутно, — торопливо заговорил Слон. — Кроме Копыта и Синего на базе живут ещё трое бомжей и четверо пацанов вроде нас. Они все там типа рабов: невод таскают, дрова пилят, подстрелянных лосей с оленями разделывают, шишку бьют, ягоду собирают. Раз в месяц катер приходит, вывозит дары природы, продукты какие-то доставляет, с Семёном рассчитывается. А тот денег никому не платит, говорит «вначале еду отработайте». Бомжи два года уже там живут, пацанчик-эвенк Лёха, который мне это всё рассказал, тоже год как выбраться с этой базы не может. Говорит, по берегу хода вообще нет, там скалы и болота кругом, а с моторов на лодках Синий какие-то провода, без которых их не завести, каждый раз снимает, и только они с Копытом могут моторки завести. А главное, он подслушал, что Семён с Вальком совещались, как лучше всех нас на эту базу заманить, барыши прикидывали с десятка лишних рук. Так что, с этой базы не выбраться, если туда попадём. И никто наших родителей там спасать не собирается. Копыто, когда разбитую яхту на острове увидел и людей, оттуда машущих руками, рассмотрел, только засмеялся и велел Синему газу прибавить. Сказал, что пусть теперь Пашка с Валеркой поживут робинзонами, а то больно нагло себя ведут

на море, всё грозят ментов на базу навести, чтобы браконьерство прекратить. А когда я ему про Приютную рассказал, Копыто ответил, что прямо сейчас мимо захода в неё проплываем, но заезжать не станем, хоть я его и очень просил. Сказал, что потом съездит, а сейчас бензина нет. Но я что-то очень сомневаюсь. Так что решайте быстро, ехать вам с ними или нет. Если, конечно, другие варианты просматриваются.

Ребята растерянно молчали, медленно переваривая нехорошие новости. Антон наконец справился с рюкзаком и поправил очки:

— Уходим прямо сейчас. Я хоть и не Спартак, а в рабы не пойду. В ту сторону Североозёрск, Белка? — показал рукой на север.

Катя кивнула, подхватила свой узелок.

— Вместе пойдём. Мне нельзя на эту базу. Копыто знает, что меня дедушка всё равно найдёт и тогда их сильно накажет.

— И мы с вами, — начал надевать свой рюкзак Кирилл, обернулся к брату. — Да, Егор?

Шило и Софи уже стояли, готовые к дальней дороге, а Егор всё раздумывал.

Нет, не про предлагаемые обстоятельства выбора между свободой и безопасностью. Просто безопасность подразумевала под собой рабское существование — пусть даже временное, но всё же, а свобода предполагала долгий трудный путь, полный непонятностей и всяких там прочих опасностей. И Егор понимал, что он отвечает уже не только за младшего брата Кирюшку, но и за девочек и даже, пожалуй, за Антона, потому что стоит решить, что выбор в пользу базы Семёна Копыто будет лучшим вариантом, то, скорее всего, ребята его послушаются. Кроме Белки, пожалуй, — ей к браконьерам идти в услужение точно никакого резона не было. Значит, так тому и быть.

— Решай быстрее, Клоун, — Юра нервно поторопил Егора.

— Уже решил, — Егор надел рюкзак. — Катя, мы хоть какую-нибудь дорогу на север сможем найти?

— Не знаю, — ответила Белка. — Будем искать, что ещё делать-то? Только Копыто с Вальком просто так от нас не отвяжутся, попытаются найти, догнать. Главное, сейчас спрятаться хорошо. Я знаю где.

— Тогда пошли, — Егор глянул на ребят, направившихся по тропе на Сохатиную, подошёл вплотную к Слону, спросил уже понятное:

— Остаёшься?

— Кто-то должен вас тут прикрыть.

— Спасибо, Юрка, — Егор протянул руку. — Удаче тебе.

— И вам, — Юра Бабушкин ответил на рукопожатие, поторопил. — Всё, прямо бегом сейчас давайте. Попытаюсь их задержать.

Егор поддёрнул рюкзак, быстро спустился к реке, бросился догонять своих. Те громко переговаривались, трещали кустами, как слоны. Вот только один самый старший Слон остался за спиной, в опасной неизвестности.

Копыто рассматривал в бинокль Байкал с половины тропинки, ведущей к зимовью, когда к нему спустился Юра Бабушкин. Семён на секунду оторвался от окуляров, спросил:

— Все собрались? Спускаетесь?

— Ага, рюкзаки надевают.

— Ладно, баркас уже на горизонте показался. Вернись, поторопи их. Я вниз, Вальку помогу зашвартоваться.

Копыто повернулся к Слому спиной, не торопясь стал спускаться к берегу. Юра

взял из избы свой рюкзак, вынес его на улицу, вышел на смотровую площадку, сел на скамейку, отыскал глазами на дальней глади озера медленно приближающуюся с юга точку баркаса. Семён возился с мотором казанки, над Байкалом носились мартины, кричащие громкими противными голосами. Минут через двадцать Копыто ухватил за нос подошедшую к берегу большую деревянную лодку, подтянул её повыше на прибрежную гальку. Они о чём-то переговорили с Вальком, и Синий направился по тропе к избушке. Тогда Слон тоже пошёл к зимовью, сел на скамейку, ждал.

— И где эта шантрапа? — спросил Юру поднявшийся с берега браконьер, осматривая пустую поляну перед зимовьём.

— В туалет пошли перед дальней дорогой.

— Раньше не могли, что ли? — крикнул. — Эй, городские, заканчивай свои дела! Лодка ждёт!

Валёк сел за стол напротив Юры, достал сигареты, закурил, протянул пачку подростку: «Будешь?» Слон прикурил от спички, спрятанной от ветра в тёмных больших ладонях эвенка, закашлялся. С тропы слышались шаги, к избе поднялся Семён Копыто, огляделся, удивился.

— Что за дела? Куда бродяги попрятались?

— По сортирам разбежались, — ухмыльнулся Синий. — Оно и правильно, к берегу им по нужде никто приставать не будет.

— Ты тупой, Валёк? — психанул Копыто. — А рюкзаки их где?

— Не знаю, — нахмурил брови эвенк, обернулся к Юре. — Где рюкзаки?

Подросток пожал плечами, отвернулся.

— Понятно, — кивнул Семён. — Сбежали, а ты тут нам картину гонишь, Юрец. Ладно, с тобой после.

Закурив, Копыто сел за стол рядом с Вальком, спросил у него:

— Ты места эти хорошо знаешь? Аргишили здесь?

— Я совсем пацаном был, когда семья оленей держала, — неопределённо мотнул головой Синий. — Тут трудная марь по Сохатиной, а на мари какой ягель? Мы здесь только зимой кочевали, редко. А так больше по вершине ключа болото обходили, километров двадцать вверх по Сохатиной.

— Ничего, для тебя любая тайга дом родной, а для детишек городских — страшная сказка. Найдём их, куда денутся. Докурю и двинемся.

Копыто ткнул пальцем в Юру:

— А ты, щенок, своим враньём попал на деньги. Будешь теперь их отрабатывать.

— Не буду.

— Жрать захочешь, будешь. А станешь перечить, вообще на цепь посажу на базе. Были у меня такие строптивые, через три дня как шёлковые становились.

— Меня всё равно найдут, а ты ответишь за всё, — Юра зло выпрямился. — Оба ответите.

Валёк потянулся к нему большой тёмной рукой, но Семён прижал её к столу, ухмыльнулся:

— Ишь, отважный какой... Ладно, смельчак, когда вернёмся, чтобы костёр здесь горел и печка в избе была натоплена — возможно, ночевать придётся. Ну, или сиди в холоде и голоде, мне наплевать. А пока пошёл вон!

Встал, взял пытавшегося отбиваться подростка за шиворот, запихнул в зимовьё, прижал намертво дверь валявшейся рядом ошкуренной лесиной, вернулся ко второму браконьеру, вынес приговор:

— Пусть дерзкий охолонёт пока... Ну что, пошли? Далеко они всё равно уйти не

могли.

— Далеко-недалеко, а тайга большая, — заметно было, что Валёк, в отличие от Копыта, был далеко не уверен в благополучном исходе поисков. — Городских в два счёта бы нашли, но там с ними Катька. А тут же лыткаринский участок, они с дедом долину Сохатиной лучше любого тунгуса знают.

— Так на то ты у нас и следопыт, чтобы всякого человека в тайге сыскать. Хорош думать, пошли к лодке, перекус какой-никакой с собой возьмём, потому как до вечера вряд ли вернёмся.

Синий пожал плечами, пошёл вниз к Байкалу по тропе. Копыто пинком сапога выбил шест, запирающий дверь в зимовьё, зашагал вслед за приятелем.

Они какое-то время бежали вверх по Сохатиной, соскальзываясь с мокрых камней, но никто в воду не упал и голову себе не расшиб. Потом примерно в том месте, где Кирилл с Катей ловили хариусов, Белка показала мелкий участок, где, перепрыгивая с камня на камень, ребята перебрались на правый берег речки и стали подниматься вверх по обрыву, цепляясь за ветки тальника и стволы редких сосёнок. Наверху минуту отдышались и торопливо пошли через густой кустарник в сторону от реки. Наконец вышли на относительно открытое пространство: направо, вверх по Сохатиной тянулась полоса чистого соснового бора, земля под которым была укрыта ровным белым сухим мхом.

— О, теперь быстрее дело двинется, — направился туда Егор, но Катя его взяла за рукав, остановила.

— Мы туда не пойдём.

— Почему? — удивилась Шило. — Там же удобнее бежать будет.

Белка наклонилась, набрала горсть мха, растёрла его в кулаке в хрустящую пыль, объяснила:

— Это ягель, на нём следы отпечатываются лучше, чем на сырой глине, — и добавила. — Идритки-лытки.

Все улыбнулись, а Кирилл спросил:

— И куда нам теперь?

— Туда, — Катя махнула в противоположную сторону, где в кустарнике блестела болотная вода и за чёрным ельником высилась отдельно стоящая скала.

— Только старайтесь по траве идти, а не по грязи, когда в болото заходить станем, чтобы следов не оставлять. А дальше просто шагайте с кочки на кочку. Тут уже немножко по кусочку мари осталось пройти.

И они медленно и аккуратно ступили с твёрдой почвы на зыбкую болотистую, прыгали по кочкам — вначале весело, а потом уже задыхаясь от непривычных физических упражнений. Наконец вышли на сухой каменистый край болота, поросший мелким березняком, вылили воду из сапог, двинулись дальше, вытянувшись цепочкой за маленькой Белкой.

У подножия скалы обнаружилась довольно широкая тропа, ведущая вокруг неё.

— Наверное, где-то рядом люди живут! — обрадовалась Вера.

— Почему? — удивилась Катя.

— А кто ещё здесь мог такую хорошую тропинку натоптать? Целая дорога в лесу.

— Сейчас покажу, — Белка торопливо двинулась по тропе вокруг скалы. — Не отставайте.

Идти быстрым шагом (на бег сил уже не оставалось) по плотной тропе было легко, но через метров тридцать поперёк тропинки висело сломанное дерево, ещё державшееся на стволе в месте разлома, но вершиной лежащее на земле.

Для того чтобы пройти под ним по тропе, ребятам пришлось пригнуться, даже маленькой Кате Лыткариной. За препятствием Белка остановила беглецов, спросила:

— Понятно?

— Что понятно? — не понял Егор.

— Человек пойдёт по тропе под деревом, нагибаясь? Не пойдёт, ему проще его обойти. А зверю всё равно, ему нагибаться не нужно. Так что, нет тут никаких людей, только зверьё ходит... Ну, пойдёмте, пойдёмте, совсем немножко осталось.

Звериная тропа обогнула скалу, потянула вверх и совсем пропала в многочисленных камнях, образовавших что-то вроде огромной новогодней горки, верхняя площадка которой скрывалась на вершине горы.

— Нам вон туда, — показала Катя на другую сторону этой широкой наклонной дороги из камней. — Только идите осторожнее, тут живые камни попадают.

— Какие камни? — переспросила Ника. — Живые?

— Так называются неустойчивые камни, которые шевелятся, если на них наступишь, — неожиданно вместо Белки ответил Антон Кляйн. — Чаще всего встречаются на каменистых осыпях, как вот эта.

— Так, да, — подтвердила Белка. — Только деда называет осыпи курумом. Ну, курумником. В общем, аккуратнее ступайте, идритки-лытки.

Шагая за Гигантом по осыпи или, как его, куруму, Кирилл спросил спину Антона:

— А ты откуда про эти осыпи знаешь?

Тот остановился, обернулся, пожал плечами.

— Не помню. Читал.

Кирилл понимающе кивнул: хорошо когда кто-то много читает. Вернусь, тоже много читать буду.

За курумником Катя велела ждать. Сама поднялась по узкому уступу скалы («карнизу», сказал Антон) метров на пять выше, пропала из вида. Потом высунула из-за каменного поворота голову, приглашающе махнула рукой: «Поднимайтесь».

Ребята один за одним, прижимаясь животами к скале и цепляясь пальцами за её поверхность, выбрались на маленькую каменную площадку, за которой была узкая щель, ведущая в тело горы. Там стояла Белка, повернулась, скрылась в тёмном отверстии. За ней первым туда успел шагнуть Кирилл.

Беглецы оказались в довольно обширном замкнутом пространстве, довольно освещённом: откуда-то сверху проникал солнечный свет. На каменном полу был выложен круглый очаг, в котором лежали угли старого кострища.

— Пришли, — сообщила всем и так понятное Катя. — Снимайте рюкзаки, здесь пока посидим.

— Настоящая пещера! — восхищённо оглядывался по сторонам Кирилл.

— Или грот, — не преминул опять вставить свою начитанность Гигант, поинтересовался у Кати. — Тут другой выход есть?

— Нету.

— Значит, грот, — удовлетворился ответом Антон, снял рюкзак и спросил. — Есть кто-нибудь хочет?

Белка хоть и малявка, но шагала шустро, Кирилл на болоте отстал от неё прилично, сейчас, чуть задохнувшись, догнал Катю, сидящую на поваленной лесине чуть в стороне от едва заметной звериной тропы. Та приглашающе

махнула рукой, похлопала рядом по стволу — садись, мол, отдыхай. Кирилл подошёл, спросил: «Вниз пойдём?» Белка отрицательно мотнула головой, прижала палец к губам. Ладно, помолчим, чего же не помолчать под ясным солнцем среди тайги, где до ближайшего человеческого жилья пятьсот километров, наверное. Всякий бы молчал, наслаждаясь жизнью, если остался бы без телефона, еды и крыши над головой в местах, где медведей в сто раз больше, чем людей. «Красота, кто понимает», — так всегда говорит папа, если, например, у него мясо в духовке подгорело или компьютер завис. Вот и мы зависли непонятно где и совсем непонятно, как и когда отвиснем. Если вообще отвиснем.

А вокруг и правда было хорошо, если присмотреться и привыкаться. Пахло хвоей и почему-то зубной пастой «Свежесть». Тёплый ветерок отгонял назойливых комаров, рядом сидела смешная девчонка, говорящая смешные слова «идритки-лытки», и с которой было почти так же спокойно и хорошо, как дома с папой и мамой. Только сейчас вместо родителей у них только они сами с собой, да вот браконьеры ещё, которые хотят забрать их в рабство, про которое ему мама читала из книжки про Древний Рим. Интересно, если Копыто с Синим их всё-таки поймают, станут на этой страшной базе гладиаторские бои устраивать? А оружие какое дадут? Топоры, наверное — какое ещё оружие может быть в тайге. Разве что ружья, но ружья гладиаторам браконьеры не доверят, они дураки, что ли? Кирилл хотел спросить у Кати, умеет ли она стрелять из ружья и станет ли болеть за него в гладиаторских боях, но Белка опять покачала головой — она не просто отдыхала, а прислушивалась к шуму тайги и звенящей перекатами внизу речки Сохатиной.

Тогда Кирилл начал думать о том, что у них будет сегодня на ужин. В пещере они нормально перекусили бутербродами с колбасой. Выяснилось, что перед уходом Антон не забыл забрать из юриноного рюкзака остатки продуктов, выданных ещё родителями при расставании в бухте Приютной, — его и так Копыто с Синим накормят, а голодным беглецам очень даже пригодились. Егор прямо серьёзно похвалил Гиганта за его сообразительность, а от брата похвалы дожидаться можно только если рак на горе свистнет. Зачем раку свистеть на горе, никто не знал, сколько Кирилл не пытал родителей, от которых услышал эту поговорку давным-давно, в прошлом году, кажется.

Потом Белка разрешила развести в пещере костёр, потому что дым будет вытягиваться в какую-то дырку в скале высоко над головой, выходить почти на самой вершине горы и потому его вообще не будет видно снизу. Ей дедушка всё это рассказал, когда они в прошлом году от грозы здесь прятались, когда рыбачить приехали на Сохатиную. А сама Катя сказала, что пойдёт наблюдать за подходами к горе: Копыто с Синим точно про эту пещеру не знают, но осторожность не помешает. Кирилл сразу сказал, что пойдёт с ней. Думал, что Егор запретит, но брат посмотрел на него внимательно и сказал: «Ладно, давай. Все мы тут должны быть самостоятельными, других вариантов нет. Только аккуратно там, Кирюха». И они все спустились вниз: Катя с Кириллом пошли обратно к речке, а остальные стали собирать дрова для костра.

Вдруг Белка так сильно дёрнула Кирилла за руку, что тот съехал со ствола дерева на землю. Повалилась рядом, опять прижала палец к губам. Младший Токарев специально прислушался к окружающему миру, но ничего так и не услышал. А Катя поползла вперёд, к обрыву, лёжа спряталась за деревом, осторожно заглянула вниз, потом махнула рукой Кириллу: подползай, только тихо. Тот аккуратно выполнил команду и лишь здесь уже услышал хлюпающие

по воде шаги и невнятные человеческие голоса.

Через минуту снизу по Сохатиной вышли под обрыв Копыто и Синий, присели на большой камень спиной к ним, закурили. Голоса доносились отчётливо — не как в кинотеатре, конечно, но вполне разборчиво.

— Может, они всё-таки в другую сторону пошли, следопыт хренов? — спросил Копыто.

— Тут кроме как по Сохатиной никуда отсюда не выйдешь, — ответил Валёк.

— Через неё выше уверенный брод есть, там нартовая тропа идёт. А по ней хоть на север по Байкалу, хоть на юг заросшая просека идёт. Скорее всего, туда их Катюха повела. Дойдём, а там разделимся — один в одну сторону пойдёт, второй в другую. Или следы там найдём, тогда вместе догонять будем.

— Отыщем их, как думаешь?

— Да хрен его знает. Там марь в оба конца по километру будет, не факт что вообще проходимая по таким дождям, как этим летом. Поглядим.

— Надо их достать, Валёк, надо.

— Боишься, что Катька тебя ментам сдаст за дедов карабин? — Синий сплюнул под ноги в прозрачную воду речки.

— Да у меня с ментами всё равно. Думаешь, они просто так позволяют нам здесь омуля ловить, да мясо с пушниной сбывать? Мне же мусорские сами докладывали, что Скок приходил про браконьерство на базе рассказывать. Ну и где теперь Пашка? Правильно, на Большом Елоховском с Валеркой кукуют.

— Вывезти их надо бы хоть на берег.

— Пусть посидят там ещё, сейчас тепло, не окочурятся. А там видно будет...

Нет, со шпанцами другая проблема. У этого Юры, как я понял, отец в авторитете там у себя в Новосибирске, потому я с ним пока лаской и по-доброму. Но он от нас не уйдёт, а эти уже уходят. А ну как там родители ещё покруче окажутся? Тогда никакие менты нам не в помощь будут, понял? Так что по-любому нужно ребятку этих поймать и на базу доставить. Там покрутим их, повыпытываем что да как. Если из интеллигенции, то пусть невод потаскают до ледостава, а если посложнее номер вышел, то и родителей их к нам вывезем, потом в благородных спасателях окажемся. В газете про тебя пропишут, слышь? Копыто толкнул Вальку в бок, рассмеялся. Синий веселья товарища не разделял:

— Тухлое это дело, Сеня. Я по пьяни-то вначале не понял, что ты там придумал про пацанву, а когда план твой уяснил, он мне сразу не понравился. Куда ни кинь, везде вилы выходят по итогу. Не надо было нам с ними связываться.

— Может, и не надо было, — согласился Семён. — Но поздно теперь назад пятиться. Ничего, как-нибудь... Ладно, перекурили, пошли дальше. Если на мари следов не найдём, нужно успеть в зимовьё вернуться. Переночуем, а завтра ещё раз внимательно поглядим, куда они деться могли.

Валёк поддёрнул лямки старого брезентового рюкзака, двинулся дальше вверх по Сохатиной. Копыто встал, забросил за спину лежавший на коленях карабин Катиного дедушки, пошёл за ним. Браконьеры прошли прямо под обрывом, на краю которого прятались Катя и Кирилл, дошли до поворота речки, скрылись из глаз.

Ужинали в пещере грибами подосиновиками, которых принесли с берега разведчики. Когда вышли на грибную поляну, у Кирилла глаза разбежались от обилия оранжевых шляпок под ногами. Он вытащил из земли четыре подосиновика и остановился, не понимая куда можно сложить остальное лесное

изобилие. Катя подошла, достала из кармана два магазинных хрустящих пакета, один протянула Кириллу. Набрали их оба, даже с горкой, еле дотащили до дома, то есть, до пещеры. Два ведра, наверное, набралось. Ладно, пусть одно, но не меньше. Еле забрались с ними по узкому каменному карнизу до грота, где уже горел уютный костерок, вокруг которого сидели на своих рюкзаках ребята. Катя хотела сама спуститься срезать ветки, на которые можно было нанизать грибы, чтобы жарить над огнём, но Егор отправил выполнять важное поручение Гиганта. Тот вернулся быстро, ребята разобрали подосиновики, порезали их так, как показала Катя, насадили на принесённые Антоном прутики и довольно быстро пожарили «грибные шашлыки», как сказал Кирилл. А Катя спросила, что такое шашлык, и Кирилл ответил. И никто не смеялся над катиним невежеством.

А потом Антон достал из своего рюкзака банку соли и признался, что взял её из избы, и спросил Белку, насколько плохо он поступил. Катя сказала, что ни насколько, потому что это было правильно и что ни один человек в тайге за такое не осудит, когда узнает в какой бедственной ситуации оказались люди. А Кирилл добавил, что вообще хорошо получилось, потому что теперь в зимовье Копыто с Синим надолго не задержатся, потому что без соли всё невкусное и будем им одной причиной меньше продолжать поиски ребят. А потом уже рассказал и всю историю их с Катей приключения и доложил о подслушанном разговоре браконьеров. И все уже наелись грибов, и выслушали Кирилла на сытый желудок без какого-то особого страха.

И только Вера-Софи спросила главное: «И что же мы теперь будем делать?» И все повернулись к Кате Лыткариной, как будто она была та самая маленькая фея, которая умеет творить чудеса и закачивать все страшные сказки чудесным финалом.

Глава 3. На север

Из Белкиного урока местной географии ясности не наступило. Выходило, что сейчас ребята находились в нижнем течении Сохатиной («вот здесь», рисовала прутиком Катя на занесённом пеплом от костра полу пещеры), а ближайшие люди живут на том самом горячем источнике Хатусы, куда изначально направлялась семья Токаревых. «Он где-то тут расположен», — прутик от грибного шашлыка нарисовал точку далеко от первоначальной. Сколько километров до него, Белка не знала: «Часа полтора-два на лодке с мотором по морю». Только моторки идут по водной глади прямо, а им придётся петлять по берегу, обходя крутые, падающие в Байкал, утёсы, глубокие заливы, высокогорные болота и всякие другие возможные препятствия, о которых Катя ничего не знала, поскольку лыткаринский охотничий участок как раз заканчивался на речке Сохатиной, и дальше этой пещеры Белку дедушка ни разу не водил. Правда, он рассказывал, что севернее, где-то в районе залива Барынчан заканчивается Большая Северная тропа, по которой ходят редкие группы туристов от Нижнереченска и обратно. Там уже дорогу искать не нужно — тропа сама приведёт в Хатусы, откуда хоть куда можно будет уехать. — Если будет на чём, — вздохнула Ника Скворцова. — Телефоны-то так и не работают.

Ещё днём в пещере все опять попытались включить фонарики на мобильниках, чтобы добавить освещения, но ни у кого опять не получилось.

— Это наши телефоны, — возразил Антон. — А у Синего сотовый работал, и моторы на казанке и баркасе работали.

— Зато больше ни лодок, ни катеров на Байкале мы так и не заметили, — заспорила вставшая в пессимизм Шило. — И след хоть одного самолёта ты в небе видел? Не видел. Ну и вот.

— Допустим, — согласился Гигант. — Тогда скажи мне, почему у Копыта с Синим всё работает, а у нас ничего? И ни у кого ничего? Почему?

— Может, они какие-то другие люди, не как мы все? — тихо сказала Вера. — И на них это облучение не действует.

— Какое облучение? — спросила Катя.

И тут все наперебой стали ей рассказывать про тот самый странный светящийся шар над Байкалом, с которого начались все текущие бедствия.

— Не бедствия, а настоящее приключение, — не согласился Кирилл, но Катя всё равно заплакала.

И плакать перестала, лишь когда смущённый её плачем Егор придумал стишок: «В небо выстрелит зенитка, в лужу упадёт улитка, как какая-то бандитка. Вот и всё, идритки-лытки».

Так и не найдя объяснений, почему у браконьеров всё работает, а у остальных ничего, продолжили урок географии.

— Всё хорошо, Катя, — обняла девочку Ника. — Если дедушка к тебе сейчас не едет, мы сами к нему придём, так ведь?

Белка кивнула и смахнула со щеки последнюю слезу:

— Только я не знаю как.

— Ерунда, я знаю, — успокоил её Кирилл.

Катя подняла на него глаза, полные надежды: старшие мальчики точно должны знать выход из любой ситуации, потому что из них потом вырастают такие же хорошие взрослые, как её дедушка.

— Просто пойдём вдоль Байкала на север, — уверенно продолжил Кирюха. — Если попадутся какие препятствия, обойдём. Так и выберемся, ничего страшного и сложного.

Катя кивнула, соглашаясь, потому что всегда должен быть человек, которому веришь и за которым пойдёшь. Для неё почему-то таким человеком стал Кирилл, хоть он и был младшим среди остальных. А может, именно поэтому.

— Тебе хорошо, ты умный, — вспомнил усмешливый папин ответ Егор. — А мы и не знали, что так можно.

— Можно, можно, я разрешаю, — надменно разрешил старшему брату Кирилл и добавил. — Совсем темно здесь становится.

Все спустились под скалу, от которой вечер прочертил густую тень, но на улице было ещё вполне светло. Вначале натащили дров к началу карниза, ведущего на площадку перед пещерой, потом Егор и Антон по заданию Кати нарезали ножами много еловых веток, а девчонки и Кирилл перетаскали большими охапками их к дровам. А затем Гигант бросал дрова и ветки вверх, Егор их ловил, передавал ребятам, а те относили полезный груз в пещеру. Было жарко и весело. Зато через полчаса в очаге горел яркий костёр, а все вокруг него лежали в спальниках на мягком тёплом ковре из елового лапника, и только Катя Лыткарина устроилась поверх своей большой серой куртки, больше похожей на пальто, отмахнувшись от сочувствий городских ребят: «Шинельное сукно лучше и теплее любой синтетики этих ваших спальников. Так дедушка говорит». Ну, раз дедушка говорит, тут трудно спорить. А пока было сухо, тепло, уютно и на завтрак лежала половина принесённых Кириллом и Катей грибов. И сухарей немножко ещё оставалось. Жить пока, в общем, можно, а завтра видно будет что дальше и как.

После грибного завтрака стали решать как жить дальше. В избу единодушно решили не возвращаться: неизвестно, сколько в ней будут оставаться Копыто с Вальком, да и смысла ожидать там помощи особого не было — если общая катастрофа с электричеством продолжается, то найдут их на Сохатиной не скоро, быстрее будет самим выйти к людям. Так что, наверное, даже хорошо, что на них наткнулись браконьеры, иначе сидели бы, ждали у Байкальского моря погоды.

Попутно выяснилось, что Копыто действительно зовут Семён, а Синего по-настоящему зовут Фёдор Степанов. Почему прозвали его Синим, Белка не знает, а второе имя Валёк он получил не от сокращённого Валентин, а потому что в больших забайкальских реках есть такая рыба валёк, типа хариуса, только другая и больше, вот Фёдор ещё в детстве такое прозвище и получил, а теперь только на Валька и откликается.

Катин дедушка знал род эвенков Степановых, ещё когда они раньше аргишили (ну, кочевали) от Нижней Речки до Баргузина. Говорит, хорошие люди были, только по бедности за несколько лет зарезали всё своё стадо оленей и ушли из тайги в Нижнереченск, а там не выдержали городской жизни, начали крепко водку пить, потом разбрелись кто куда. Валёк по молодости и глупости в тюрьму попал, а оттуда уже вернулся другим человеком, нехорошим. Потом к нему из тюрьмы дядя Копыто приехал (у него правда фамилия такая, по паспорту), ну а дальше история известная.

— А если они с собакой сюда вернутся, найдут нас? — спросила Катю осторожная Софи.

— С лайкой бы сразу вчера нашли, — вздохнула Белка. — Но деда говорит, что у плохих людей хороших собак не бывает. Бегут они от них.

— И нам бежать нужно, хоть мы и не собаки, — подвёл итог утреннему внеклассному уроку Егор. — Собираемся, выходим.

— Погодите, — вдруг остановил уже собравшихся в дальнюю дорогу экстремальных путешественников Антон. — Дайте мне пятнадцать минут: хочу писанцы срисовать.

— Что срисовать? — не поняла Ника.

— Сейчас покажу, — Гигант достал из рюкзака блокнот с карандашом, повёл всех вглубь грота, там где лучи солнца освещали стену пещеры, ткнул в неё карандашом. — Вот, смотрите.

На гладкой каменной поверхности можно было рассмотреть смешные детские рисунки, почти каракули, нарисованные выцветшей красной краской.

— Что это? — спросил Кирилл.

— Рисунки древних людей, — сказал Егор, заворожённо рассматривающий изрисованную стену.

И все начали разгадывать каждый рисунок — «писанец», как сказал Антон, быстро перерисовывающий в блокнот наскальное творчество далёких предков здешнего человечества. Кирилл сразу определил охотника, натягивающего лук со стрелой, Вера узнала нарисованную рыбу, а Катя разгадала оленя, вытянувшегося в прыжке. Там было ещё много непонятных с первого взгляда писанцев, но Гигант сказал, что потом сюда приедет целая археологическая экспедиция и обязательно расшифрует каждую картинку. «Эх, хорошо бы их сфотографировать на телефон, чтобы учёным была работа ещё до их экспедиции», — сожалеюще сказала Ника. Понятно, что так каждый бы сделал, если бы камеры на мобильных работали. Только они не работали.

Наконец, Антон закрыл альбом, сообщил: «Всё, теперь можно идти». Чтобы не спускаться с рюкзаками по узкому карнизу, побросали их вниз спустившимся налегке Клоуну и Гиганту. Под скалой надели на себя привычную уже поклажу, аккуратно вернулись по курумнику на знакомую широкую звериную тропу, прошли по ней дальше вдоль горы и углубились в тёмный еловый лес, стараясь держать линию движения строго на север. А где находится север, умели определять по солнцу не только Белка, но и Антон Кляйн, потому что читал про это. Но как определяться со сторонами света, если небо и солнце затянут тучи, Гигант не знал. Ну, так не может же человек знать про всё на свете, сколько бы он книжек не прочитал.

Вначале идти было просто: набитая зверина тропа то шла одной широкой дорогой, то разбегалась на несколько узких тропинок, терявшихся во мху и высокой траве, но через какое-то время вновь соединявшихся в единое целое. Ника даже запела старинную песню «Вместе весело шагать по просторам, по просторам, по просторам», но хором петь красиво в мультфильмах, а здесь сильно не напоёшься, постоянного нагибаясь под ветками и перешагивая через поваленные деревья. Да и от Сохатиной, казалось, не так далеко ушли, хотя на первом привале после пещеры Белка сказала, что здесь уже не страшно, вряд ли Копыто с Синим сумеют их теперь найти. Но чувство опасности погони всё равно нет-нет да напоминало о себе.

С окружающих гор Баргузинского хребта в Байкал текли маленькие ручьи и речушки. Одни можно было просто перепрыгнуть, другие легко переходились вброд, поскольку глубина в них было по щиколотку резиновых сапог ребят. Наконец густой ельник расступился, перед беглецами раскинулось широкое пространство без единого деревца, поросшее жёлтой травой с вкраплениями красных кустиков голубики, в котором тропа окончательно потерялась. Под ногами чавкала болотная грязь.

— Марь, — сказала Катя и уселась на последний сухой пригорок перед большим кочкастым болотом.

— Нам через неё идти? — спросил присевший рядом Егор, и все тоже сняли рюкзаки и улеглись на моховую площадку.

— Не знаю, — пожала плечами Катя. — Можно попробовать в обход, только слева к Байкалу скалы идут, а справа марь до горизонта, неизвестно сколько её обходить.

— А здесь глубокие болота, трясина может засосать? — спросила Ника. — Я однажды фильм видела про войну, там девушки с фашистами сражались, и одна девушка побежала за подмогой, сбилась с дороги и утонула в болоте. Там, считай, всех фашисты убили, а одна, очень красивая, долго бежала по лесу, песню пела громко, чтобы немцев за собой увести, но они её потом тоже застрелили. Мне там всех так жалко было, что я потом плакала весь день.

— Нет, засосать не должно, — прервал кинематографическую тему Гигант. — Здесь же вечная мерзлота под болотом, так что глубже чем на метр оно здесь летом не оттаивает. До смерти в таком болоте не утонешь.

— Тогда пошли, чего сидим? — Кирилл закинул за спину рюкзак. — Тут комары заедают хуже всяких фашистов.

— Подождите, — остановил его Антон. — Давайте хоть пару длинных палок срежем, чтобы глубину прощупывать, как в том фильме.

Прощупывательные палки сделали из тонких берёзок, одну взял Егор, решивший идти первым, вторую вручил замыкающему Гиганту, чтобы тот мог

её протянуть тому, кто впереди глубоко провалится в болото или марь, поздешнему. Так и пошли, прыгая по кочкам: впереди Егор, за ним Катя, потом Ника, Кирилл, Вера и Антон.

Первым в воду свалился сам Егор, не удержавший равновесие после очередного прыжка. И ничего его никуда не засосало, просто встал мокрый и грязный, как чучело, поправил рюкзак, подобрал щупательную палку и запрыгал дальше. Через час прыгать сил ни у кого уже больше не было. Ребята просто брели по мари по колено в болотной воде, испачканные в грязи с ног до головы. Солнце палило нестерпимо, комары и мошка не давали дышать, но впереди уже виднелась полоса леса, обозначающая конец болота.

И вот грязь под ногами сменилась мокрой травой, потом трава стала сухой, под ногами прекратилась противная чавкотня, ребята вышли в берёзовое мелколесье, за которым на пригорке тянулся высокий сосновый лес с ковром из белого сухого ягеля. Свалились без сил на тенистую полянку, лежали, тяжело дыша.

— Пить, — хрипло выдохнула Софи. — Полцарства за глоток воды.

— Сейчас, — Егор достал из рюкзака пустую пластиковую полторашку (запасённую в ней воду выпили ещё на первой трети перехода через марь). — Слышу, ручей шумит.

Заставил себя встать, добрёл до широкого ключа, сыпавшегося по каменным уступам в сторону Байкала, набрал воды, сам выпил половину бутылки, снова набрал полную, отнёс товарищам по приключению.

Когда все напились, Кирилл сказал: «Родители вас не видят. Вылитые поросята». И вроде бы ничего особо смешного в его словах не было, но все закатились долгим беспричинным смехом: до слёз, до спазм в животе, до укатывания по земле. Ну, сами знаете как это бывает, когда и смеяться уже не хочешь, а остановиться не можешь. Взрослые говорят, что это истерика, ну и пусть истерика, если она весёлая и хорошая. Всем бы такую истерику, чтобы не ходили постоянно с серьёзными озабоченными лицами. Егор уже было перестал смеяться, но вновь посмотрел на изляпанное грязью лицо Кирюхи и опять зашёлся в невозможном хохоте.

Когда наконец удалось успокоиться, Шило забрала у Егора пустую бутылку, сказала: «Мы скоро. Мальчикам вход запрещён». Ника, Вера и Катя ушли к ручью, а Егор собрал вокруг себя хвою с маленькими веточками, сложил из сосновых сучьев подобие дровяного шалаша и запалил небольшой костёр.

Девчонки вернулись умытые и причёсанные, передали Антону бутылку с водой, сели сушиться к огню. Ребята тоже умылись, сняли сапоги, положили их ближе к костру. Катя встала, поставила каждую пару подошвами к огню, сказала, что обувь так быстрее сохнет. Солнце тем временем уже почти касалось вершин дальних западных гор.

— Есть хочется, — высказала вслух общую мысль Вера Калинчук.

— Посмотрим, чем богаты, — открыл свой рюкзак Гигант, к которому как-то сама собой перешла должность завхоза, и рюкзак у него был подозрительно большой, даже в сравнении с егоровским. — Вот здесь мне папа ещё в городе передал сало, вот полпакета сухарей, тут три пачки «роллтона», одна банка тушёнки осталась, и ещё я пачку макарон из избы на Сохатиной прихватил. И коробок спичек взял, там ещё один остался. А колбасу мы вчера всю доели. Антон выглядел виновато, а ребята смотрели на разложенное на мху богатство с тем восторгом, которого не понять человеку, не держащему с утра во рту даже хлебной крошки, но прошедшему три или сколько там километров по противному, изматывающему болоту. У Кирилла громко заурчало в животе, но

этого, кажется, никто не заметил. Или сделали вид, что не заметили.

— Жаль, котелка нет, «роллтон» заварить, — пожалел Егор.

Антон опять нырнул в свой рюкзак и виновато вытащил из него небольшой закопчённый котелок с ручкой из алюминиевой проволоки.

— Тоже из избы прихватил?

Гигант только понуро кивнул головой.

— Ну и хорошо что прихватил, — похвалил Егор. — Так же можно, Катя?

— Можно, — кивнула Белка. — Только записку надо было оставить: кто взял, зачем, когда вернёт.

— Некогда было, мы же быстро собирались, чтобы сбежать от этих Копыта с Синим, — виновато пожал плечами Антон.

— Ладно, я всё равно потом котелок в избу верну, — согласилась Катя. —

Когда дедушку найду и мы с ним домой вернёмся. Если найду.

— Найдёшь, — твёрдо пообещал ей Кирилл. — Все вместе найдём. И родителей найдём. И вообще, всё будет хорошо.

Катя только вздохнула, а Егор распорядился:

— Кирюха, дуй к ручью с котелком за водой, Антон наберёт больших хвойных веток для шалаша, девчонки, накрывайте на стол, а я за дровами.

Никакой причины просыпаться не было, но Егор открыл глаза, рассмотрел сквозь сосновые ветки звёздное небо, повернулся на бок, вновь попытался заснуть, но сна не было ни в одном глазу. Рядом тихонько сопел в своём спальнике Кирюшка, с другой стороны спала Вера. Егор потихоньку расстегнул молнию спального мешка, выбрался наружу, натянул кроссовки. Костёр ещё дышал лёгким жаром остывающих углей. Пришлось подбросить на них мелких щепок, нащупанных на земле рядом, раздуть огонь. На него Егор аккуратно положил три больших сосновых ветки из кучи дров, собранных вчера для костра. Сразу стало светлее и теплее.

Отблески огня легонько освещали ребят, спящих ногами к костру. Ночь была тёплая, у Ники руки лежали поверх спальника, Антон спал на животе, Кирюха сопел на боку, Вера подложила обе ладони под щеку, а Катя свернулась калачиком под своей суконной курткой-накидкой, одна сторона которой служила ей постелью, а другая одеялом. Вокруг было безветренно, спокойно, только далеко над марью гулко ухала какая-то ночная птица. Конечно, птица — не зомби же здесь по тайге гуляют, тут и кладбищ на сто километров вокруг нет, наверное. Нет, точно птица.

Шалаш у них вчера не получился: Белка сказала, что шалаш нужно строить по-другому, но как, объяснить не смогла, потому что зевала и глаза у неё слипались. У костра было тепло и уютно, и все они как-то сразу почувствовали, как вымотались за этот долгий таёжный день, быстро улеглись в спальники и почти сразу уснули. А теперь вот сон не идёт, хоть тресни.

Егор отошёл от костра, опять посмотрел на небо. Оно было здесь прозрачное и яркое. Звёзд на небе были миллионы, а может и миллиарды — и все они как бы моргали, по-доброму подмигивая вниз, дескать, не горюй, всё у тебя будет хорошо. И у Кирюшки будет хорошо, и у остальных ребят, и у мамы с папой. Просто так получилось, ничего страшного, это такое приключение, о котором можно будет потом одноклассникам рассказывать, чтобы они завидовали. Оля Морозова точно позавидует по-хорошему, а Матвей Хлебников, как обычно, не поверит и будет ехидничать — ну и пусть, раз он такой, а сам дальше своей дачи никогда не уезжал.

Нам бы только выбраться из этой тайги, а там всё сразу нормально будет. И Копыто с Синим останутся не очень страшным, но сильно неприятным сном, и родители увезут их обратно в привычную городскую жизнь, и даже можно будет обрадоваться историчке Арине Алексеевне, которая учит их больше какому-то патриотизму, а не жизни фараонов Рамзеса и Эхнатона. Так, стоп: если она не учит их истории древнего мира, тогда почему Егор помнит имена египетских фараонов? Ну и ладно, всё равно она странная, но даже и ей Егор был бы сейчас рад.

Главное найти дорогу на север, к далёкому и желанному курорту Хатусы, где люди, электричество, мобильная связь. И докуда ещё неизвестно сколько километров тайги и всяких разных марей, как сегодняшняя.

На небе Млечный путь светился широкой таёжной тропой. Левее и ниже Егор отыскал созвездие Большой Медведицы, отсчитал пять отрезков стенки звёздного ковша вверх, прямая упёрлась точно в Полярную звезду, всегда указывающую на север. «Туда и идём, всё правильно», — отметил про себя Егор, после чего ещё подбросил в костёр дров, разулся и нырнул в уже остывший спальник.

Сон пришёл легко и сразу, потому что ночная философия всегда усыпляет. Хоть вон у Канта спросите или у Арины Алексеевны.

А в это время. (Валера и Павел Петрович)

Пять сухих брёвен лежали на поляне, уже отёсанные по стволу от лишних сучьев, ровные и ладные, почти готовые превратиться в годный плот, способный при удачной погоде преодолеть пару километров до берега от Большого Елоховского острова.

— Пóкаты нужны будут, Валера, — Павел Петрович утёр взмокшую лысину грязной капитанской фуражкой. — Отсюда до моря метров триста, не меньше.

— Пóкаты не проблема, Паша, срубим, — рулевой задумчиво скрёб седую бороду. — Тут самое ровное место на острове, докатим на них плот к воде легко. Но пока не плот у нас, одно название. Верёвки бы метров пятнадцать нам ещё — а так и смысла нет корячиться впустую.

— Да, без верёвки никак, — согласился Павел Петрович. — Нашей только на один край хватило.

Он наклонился потянуть причальный конец «Ветерка», которым были накрепко связаны брёвна на одном конце деревянного спасательного средства. Верёвка держала сухие стволы намертво, до звона. Зато на противоположном крае они лежали чуть раздвинутые, как пальцы на руке. И связать их, чтобы получился настоящий крепкий плот, было нечем — весь возможный такелаж с разбитой недавним штормом яхты они уже использовали для строительства единственно возможного средства спасения с необитаемой Елоховской гряды.

— Дай сигарету, — попросил Валера друга.

Павел Петрович достал пачку, заглянул в неё, скомкал, пошёл выбрасывать в кострище на берегу, рядом с лежащей на боку в воде изломанной яхтой «Ветерок». Вернулся с новой пачкой, протянул сигарету рулевому:

— Последняя пачка, давай экономно, одну на двоих.

Валера докурил сигарету до половины, передал её капитану, сказал:

— Ладно, пойду пóкаты срублю, а ты уху поставь греться, что ли.

Три гладких бревна на всю ширину плота Валера изладил быстро. Теперь можно было положить на них тяжёлую водоплавательную конструкцию и доставить её до воды, поочерёдно переставляя эти самые пóкаты под

передвигаемый плот. На берегу Павел Петрович сидел на бревне под натянутым тентом, сооружённым из парусов яхты. Завидев проходящего из глубины залесённого острова товарища, разлил из котелка по мискам горячую уху из хариуса, который брал блесну здесь редко и неохотно, но на пропитание рыбы пока хватало.

— Как же там ребятишки наши одни, Паша? — отставив пустую миску, вновь озвучил бессмысленный вопрос Валера.

— Душу не трави мне, — отрезал капитан и, помолчав, тоже спросил своё бессмысленное. — А может, всё же вплавь попробуем, если с плотом такая проблема?

— Не дури. Температура воды сейчас градусов восемь, а нам не по двадцать лет. Сердце не справится, уж поверь мне.

Не поверить было трудно: Валерий Яковлевич Бергер был кардиохирургом в известной московской клинике, доктором медицинских наук.

Познакомились они с североозёрским бизнесменом Павлом Петровичем Скоком лет двадцать назад, когда Валера впервые приехал на Байкал, а Паша только начинал строить свою яхту. И с тех пор каждое лето отправлялись вместе на целый месяц в своё большое байкальское путешествие. Всякое приключалось в этих дальних переходах по главному морю Сибири, но такая печальная оказия случилась впервые, и как из неё теперь выбираться, пока совершенно непонятно. А выбираться край как нужно, потому что где-то на берегу в глухой тайге остались в одиночестве городские дети, за которых они несли полную и безоговорочную ответственность. Но даже если суметь каким-то чудом выбраться с острова, куда там дальше выходить в спасательную экспедицию, совершенно непонятно. Ладно, добраться бы до берега, а там будем на месте ориентироваться.

— Слышишь? — отвлёкся от трудных дум капитан. — Мотор, Валера! Ей богу мотор!

И они оба встали, чтобы дальше было видно море, откуда к ним шла моторка, еле различимая в бликах воды от заходящего солнца.

Семён Копыто заглушил мотор, остановив лодку метрах в семи от берега, небрежно спросил:

— Что, Паша, долго куковать здесь собираетесь?

— Откуковались уже. Ты же нас заберёшь сейчас отсюда?

— Заберу, как не забрать, — Копыто положил на колени карабин. — Вот как бочку мне омулем набьёте, так сразу и заберу. Сетки две дам, соль рыбу солить. Отработать надо, Паша, своё спасение. Ты меня знаешь, на дармовщинку со мной номер не проходит.

— Я у тебя в рабах, Семён, никогда не был и не буду. Омулёвка сейчас запрещена. Так что езжай отсюда подобра-поздорову. Но знай, я тебя потом найду, обязательно найду.

Копыто внимательно посмотрел на Павла Петровича, на Валеру, пожал плечами, взялся за стартёр.

— Найдёшь, Паша, найдёшь. Если с острова этого сумеешь выбраться. Но что-то я сомневаюсь.

— Подожди! — Валера остановил собравшегося уже было заводить лодочный мотор Семёна. — Сети ставные у тебя?

— А какие ещё? — удивился браконьер. — По сорок метров каждая.

— Так мы ж их не на береговых камнях ставить будем. Тут хариус и тот редко

попадается. А омуль косяком на глубине ходит.

— Соображаешь, — похвалил рулевого Копыто. — Так и я с понятием: сетки ставить подальше от берега будете вплавь, а проверять — верёвкой вытаскивать, ничего сложного, справитесь.

— Согласны, — Валера старался не смотреть на покрасневшего от негодования, но молчавшего капитана. — Давай, что там у тебя.

И пошёл к моторке.

— Молодец, сговорчивый, — ухмыльнулся Семён. — Брал бы пример с матроса своего, Паша, и было бы тебе счастье.

Копыто забросил в синюю пластиковую бочку две рыболовных сети, две бухты верёвки к ним, солидный мешок соли, спросил:

— Курево-то есть, робинзоны?

Павел Петрович зло смотрел в сторону, а Валера ответил:

— Дашь пару пачек, хорошо будет.

Семён бросил в бочку две пачки сигарет, буханку хлеба, плотно закрыл бочку крышкой и сбросил её за борт.

— Счастливо оставаться, Паша! Давай, отработывай свою свободу, — Копыто завёл мотор и направился прочь, лодка добавила прибойной волны в помощь толкавшему бочку на остров Валерию Яковлевичу.

Пока капитан зло курил, щедро рассыпая искры сигареты по быстро темнеющему окружающему пространству, рулевой открыл крышку бочки, достал оттуда бухту верёвки и стал её мерять, растягивая от подбородка до расстояния вытянутой руки:

— Девять, десять, одиннадцать, двенадцать. Двенадцать метров верёвки, Паша!

И во второй ещё столько же!

— Так вот ты как решил, — наконец по-доброму улыбнулся капитан. —

Толково, Валера, ничего не скажешь... Ладно, пошли плот довязывать, пока совсем не стемнело.

Глава 4. Нартовая тропа

«А что, если все мы произошли от индейцев? Во-первых, на картине художника Васнецова «Богатыри» у Алёши Поповича в руках лук со стрелой, во-вторых, герои русских сказок часто носят двойное имя: Иван Дурак, Финист Ясный Сокол, а то и четвертное — Баба Яга Костяная Нога. Ну и чем их имена отличаются от индейских Чингачгук Большой змей или там Вождь Белое Перо? А ничем. Так что мы точно индейцы. Ну или, по крайней мере, я», — так рассуждал сам с собой Кирилл Токарев, напряжённо высматривающий в зарослях тальника у безымянного ручья перепорхнувшего недалеко рябчика. Если ты в тайге живёшь без взрослых уже скоро неделю, то отличить рябчика от сороки вообще плёвое дело. Или разжечь костёр колодец, или костёр звёздочку, или костёр шалаш, или костёр нодью.

Нодью, правда, делали без Кирилла — он тогда с Шилов и Софи собирал грибы на ужин, а когда вернулись, Егор и Катя уже положили на длинную полосу горящих углей одно бревно, а на него таким же образом водрузили другое, а чтобы оно не скатывалось с нижнего, воткнули по краям острозаточенные ветки. А Гигант тем временем соорудил наклонную плотную стенку из разлапистых сосновых веток и назвал это почему-то экраном. Потом уже ночью стало понятно: все они устроились между ровно горящей по всей длине брёвен нодьей и этим самым экраном. И тепло от костра никуда не уходило, а оставалось под

сосновой стенкой. Спать было не просто тепло и уютно, а вообще жарко, и Кирилл даже выбирался из спальника охладиться свежим ночным воздухом. А утром нодья ещё до конца не прогорела и от её углей шёл жар всё утро, пока они завтракали и собирались снова в дальний путь, пока Катя не залила кострище водой из недалёкого ручья, которые, как известно, здесь зовутся ключами.

Не факт, что каждый индеец знает про нодью и про экран, но то что мы с ними одной крови — даже вообще спорить смешно...

Наконец, малолетний русский индеец увидел затаившегося рябчика, вскинул лук, пустил стрелу, но, конечно, промахнулся. Дальше выслеживать добычу стало скучно, и Кирилл Острый Глаз пошёл обратно к ребятам, остановившимся на обеденный отдых в очень даже примечательном месте.

А примечательно оно было тем, что после пятидневного непрерывного блуждания по прибайкальской тайге, беглецы впервые обнаружили следы жизнедеятельности человека. На большой мшистой поляне, расположенной у подножия широкой полосы курумника, были там и тут разбросаны заплесневевшие напиленные чурки, валялись длинные поломанные деревянные сани, вокруг закопчённого очага широким кольцом лежали тяжёлые камни, а в отдалении стояли три треноги из оструганных шестов, связанных сверху кожаными шнурами. Антон Кляйн забрался внутрь одной такой треноги, но там ему с трудом удалось выпрямиться в полный рост. Вышел, пожал плечами: — Странное какое-то жилище.

— Это не жилище, — ответила Катя. — Здесь эвенки сверху мясо подвешивают, а снизу дымный костёр разводят, чтобы оно потом дольше хранилось. Вот, смотри, старое кострище внизу.

— Коптят, значит, — удовлетворился ответом Гигант. — Понятно.

Ну, а то что это эвенкийская стоянка, понятно сразу было всем, даже Кириллу.

— Вот здесь у них палатка стояла, большая, общая — показала Белка на большой каменный круг. — Так они снизу по краям стенки из шкур прижимают, чтобы тепло не уходило.

— А просто шалаш или нодью сделать нельзя? — спросила Ника. — Мы же вот так ночуем, и ничего.

— Так это же зимняя стоянка, — объяснила ей, как маленькой, Катя Лыткарина.

— Мы ведь весь день сюда по чистому лесу шли, по ягелю. Вон он и дальше туда тянется. Оленям здесь легко копытить корм из-под снега, потому и стоянка. А когда всё вокруг съедят, тогда стадо перегоняется на другое место, такой переход называется аргиш. Прошлой зимой здесь дед Афоня аргишил, не позже.

— Что за дед Афоня? — спросила Вера Калинчук.

— Эвенк, друг моего дедушки. У нас тут только его стадо осталось. Про родовой промысел Нефёдовых кино приезжали снимать из самого Улан-Удэ. И у нас недалеко от школы стенд стоит «Ими гордится Нижнереченск». Там фотографии путейца Микольчука, бригадира рыбаков Стенькина и оленевода Афанасия Нефёдова, он там даже в костюме с какой-то медалью.

Выслушав рассказ Кати про деда Нефёдова, ребята разбрелись по старой эвенкийской стоянке в поисках чего-нибудь полезного в их таёжном существовании. Шило нашла старую маленькую сковородку с отломанной ручкой, Егор обзавёлся двухметровым обрезком кожаной веревки, а Кирилл обнаружил в старой золе очага осколки стеклянной бутылки и неподалёку совсем маленький кружок синей изоленты. Очень онигодились для изготовления правильного наконечника стрелы.

Лук младший Токарев выстрогал позавчера, когда они полдня укрывались от дождя под густой разлапистой елью, потому что всё равно делать было нечего. Егор согласился отрезать на тетиву целый метр от лески, лежавшей у него в запасе вместе с мушками, если вдруг оборвётся рыболовная снасть балда, уже привязанная к черёмуховому удилицу и достойно снабжающая таёжных отшельников полновесными хариусами из ручьёв, попадавших на долгом пути в населёнку.

Изготовленные Кириллом стрелы с заточенными деревянными концами летели недалеко и неточно, но тяжёлый стеклянный острый наконечник обязательно должен был повысить шансы штатного охотника экспедиции на реальную добычу. Первый выстрел по рябчику оказался неудачным, но Кирилл, найдя в зарослях впустую выпущенную драгоценную стрелу, не унывал, потому что мастерство само в руки не свалится, его нужно долго тренировать. Так говорил папа, обучая его на даче забивать в доску гвозди. Теперь гвозди забиваются легко и просто, несмотря на два отбитых в процессе обучения пальца. И с охотой с луком будет так же, стоит только чаще стрелять по цели. Кирилл прицепил на эвенкийскую коптильню задубевший кусок оленьей шкуры, отсчитал десять шагов, натянул тетиву, прицелился и... промазал. И так девять раз подряд, а на десятом стрела пробила стеклянным наконечником мишень и повисла огруженным концом к земле.

— Вау-вау-вау! — издал победный клич русского индейца Кирилл Меткий Глаз, в ответ на который слышал голос старшего брата:

— Иди уже за стол, Несчастный Байкальский Мазила, хариус остывает.

Ну допустим, и среди индейцев наверняка жили какие-нибудь Виннету Дырявые Руки или Ункас Голодное Брюхо, потому что не каждый может быть непобедимым вождём или знаменитым следопытом. Но ничего: «Терпение, только терпение!» — как говорил Карлсон Пропеллерная Спина, а уж он-то умел добиваться своих целей самыми разнообразными хитрыми способами. Потому Кирилл не стал отвечать на ехидство старшего брата, вернулся к костру и взял свою наклонённую к огню ветку с нанизанным на неё поджаренным уже хариусом, стал, обжигаясь, снимать с него красиво подгоревшую чешую, чтобы добраться до обжигающего ароматного чуть розового мяса рыбы. «А бывает у рыбы мясо?» — промелькнул в голове странный вопрос, но Поедающий Хариуса не стал искать на него ответ, потому что вопросов всегда много, а еды не так чтобы очень.

— А почему называется «рыба на рожнах»? — Ника уже съела свою порцию и потому могла задавать Кате странные вопросы из головы.

— Так вот же рожень, — удивилась Белка, подняв с земли слегка обгоревший прут с налипшими на нём остатками жареной рыбы. — Обстрогал его, чтобы он плоский был и хариус на нём не крутился, — и вот тебе рожень.

— Вроде деревянного шампура получается, — согласилась Вера-Софи.

— А рожень-то почему? — не унималась Ника. — Откуда такое название?

— Я не знаю, — растерянно ответила Катя и вдруг хитро прищурилась. — Я маленькая, это вы должны всё знать, потому что большие, городские и умные. И все почему-то посмотрели на Антона-Гиганта, а Антон смотрел, как Кирилл доедает свою рыбу. Потом возмутился:

— Чего вы на меня уставились? Я тоже не знаю. Могу я хоть что-нибудь не знать?

— Можешь, можешь, — положил ему на плечо руку Егор и вздохнул. — Нам бы знать, где мы сейчас находимся и сколько ещё идти до этого чёртова курорта.

А этого не знал никто: ни Катя, ни даже Антон. Никто.

— Ладно, потопали, — Егор поднялся, надел рюкзак, остальные последовали его примеру.

И только Кирилл Токарев быстро сбегал до ручья, вернулся с полной пластиковой бутылкой воды и залил дымящиеся угли костра.

Старая нартовая тропа вначале ходко бежала по чистому сосновому бору, потом упёрлась в глубокий распадок таёжного ключа, но потянула не вправо, к его истоку (или, как здесь говорят, к вершине), где он должен был затеряться в болотистой или каменистой равнине высокогорья, а странным образом свернула налево к Байкалу. Заросшая тальником расщелина ручья всё углублялась и расширялась, и было непонятно, зачем эвенкам тянуть аргиш вниз, где переходить ключ будет ещё труднее, чем в том месте, куда на него вышли ребята. Но накопленная к концу дня усталость заставляла путников идти по ровной дороге, а не пробиваться в нужном направлении через глубокий, заросший, каменистый ключ.

Кирилл заглушал сосущее чувство голода, срывая по пути с высоких кустиков с красноватыми листьями сочные длинные ягоды нежно-синего оттенка. К концу очередного долгого ходового дня у всех них губы были фиолетового в черноту цвета от голубики. И пальцы такие же, и даже щёки. Зато так можно было обмануть голодный живот, с каждым днём все больше скучающий по маминым сосискам с картошкой. Да даже по овсяной каше, которую Кирилл с детства терпеть не мог.

И внезапно так захотелось увидеть маму с папой, почувствовать на голове ласковую мамину руку, услышать папино улыбчиво-строгое «опять эти ваши телячьи нежности», что Кирилл задрал голову в надежде увидеть среди верхушек сосен след какого-нибудь волшебного самолёта, который унесёт их с Егором в привычную городскую квартиру, где не нужно каждый день искать дрова для костра и подосиновики для еды, спать на твёрдой холодной земле, кормить комаров и мошку в таёжных марях... Но никакого волшебного самолёта в синем небе не наблюдалось.

А про телефон, чтобы позвонить родителям, Кирилл даже не вспомнил. Да и все они давно уже забыли про электронные гаджеты, жизнь без которых в городе представлялась совершенно, исключительно невозможной. Оказывается, есть и другая жизнь и в ней тоже можно жить. Хоть вон на Катю посмотри.

С другой стороны, вот Юре сейчас не нужно спать на земле и питаться одними грибами с рыбой. Там на базе у Копыто и Синего всегда тепло, сухо и телевизор даже. И горячая еда, и может даже сосиски с картошкой. Хотел бы он, Кирилл Токарев, прямо сейчас поменять свою нынешнюю тяжёлую лесную свободу на рабское, но сытое существование? Нет, не хотел. Может потом, когда совсем уже есть нечего будет: Катя говорит, что тайга всегда человека летом прокормит, но она прожила-то на этом свете на два года меньше Кирилла, откуда ей знать? Хотя Катя очень, конечно, хорошая, весёлая. И красивая — самому себе-то признаться можно же?

А на базу — нет, ни за что. Если только маме позвонить оттуда как-нибудь. И тогда они все спасутся, выберутся из этой надоевшей уже тайги и вернуться к настоящей жизни. Хотя, кто его знает, где настоящая жизнь: в городе на всём готовом или здесь, на всём не готовом? Так сразу и не скажешь теперь...

Тропа тем временем круто пошла вниз, лес поредел и внезапно ребята очутились на берегу Байкала, который они не видели с тех пор, когда решились на побег из избы на берегу речки Сохатиной. Как же давно это было, как давно... По морю гуляли ровные невысокие волны, светило ласковое солнце, и все вдруг вспомнили про то, какое счастье погрузиться в чистую прозрачную воду, которая не пахнет надоевшим дымом костра, остужает искусанную комарами кожу, освобождает волосы от налипших хвоинок. Не сговариваясь, поскидывали с себя рюкзаки, потом одежду и побежали в Байкал. Вода здесь оказалась неожиданно холодной, не как в далёкой теперь бухте Приютной, но всё равно ребята плавали, плескались, хохотали. Потом девочки выгнали Кирилла, Егора и Антона на берег разжигать костёр подальше в лесу, а сами остались на походную стирку одежды. Потому что этим мальчишкам всё равно, а у настоящей женщины всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и причёска, и ногти.

Чай пили, как всегда, заваренный из брусничного листа с ещё незрелыми, беловато-розовыми ягодами брусники. Обычно добавляли шиповник, от которого горячий напиток становился чуть сладким и ароматным, но на близком берегу этого колючего кустарника не нашлось — ну и ничего, и так хорошо было сидеть чистым и посвежевшим под лёгким ветерком с запахом таёжного моря, подкрепляться оставшейся после обеда жареной рыбой и разговаривать о давнем, городском.

Ника вспомнила, как у них в школе ставили спектакль про Простоквашино, где она играла кота Матроскина, а Вера — Римму, маму дяди Фёдора. И обе так смешно показывали сценки из этой постановки, что Катя смеялась до слёз, а Кирилл катался по песку, нелепо дрыгая ногами. Антон тоже хохотал, одновременно роясь в своём рюкзаке, затем достал из самой нижней глубины телефон, — и все смеяться перестали. Гигант оглядел напряжённо замерших товарищей по затянувшемуся таёжному приключению, набрал полную грудь воздуха и с усилием нажал на кнопку включения мобильного, не отрываясь глядя на экран. Через минуту первым не выдержал Кирилл:

— Ну что?

— Ничего, — Антон уже убирал телефон обратно в рюкзак. — Как не работал, так и не работает.

— Тогда пошли дальше, — Егор был расстроен, как и все, но так уж получилось, что на него тут равнялись, потому приходилось не раскисать и не давать киснуть остальным. — Солнце уже низко, но пару часов пройти ещё сможем. Знакомая нартовая тропа нашлась на другой стороне ручья, растёкшегося по песку при впадении в Байкал. Узкая просека вновь потянула в лес, забирая всё выше и выше от озера и опять погружаясь в забайкальскую тайгу.

Через пару километров тропа подвела ребят к заболоченной мелкой речушке, плавно текущей между высоких зелёных кочек. Удивительным образом здесь через неё были проложены высокие рукотворные мостки из трёх старых толстых досок, немного осклизлых от времени и поднимавшегося от ручья лёгкого водяного пара.

Вступивший первым на дощатый переход Егор наклонился к этому непонятному пару, опустил руку в воду и резко отдернул её от неожиданности — вода была тёплой! Не как в прогретой солнцем мелкой бухте Приютной, а по-настоящему тёплой, как в кране на кухне, когда мама посуду моет.

«Потрогайте!» — пригласил остальных Егор. Остальные потрогали и тоже

очень удивились. Только Белка сказала: «Значит, тут источник рядом». И все сразу поняли, что за источник, поскольку ехали-то они на Байкал, потому что родители рассказывали про здешние целебные горячие воды, а в Приютной никто из ребят до тамошнего источника так и не дошёл, в силу долгого дождя и прочих непонятных обстоятельств. А здесь вот он, пожалуйста, прямо под ногами!

Но на болотистом сыром берегу останавливаться на ночлег было негде, а нартовая тропа после деревянных мостков вела дальше и выше от тёплого ручья. Пришлось ей довериться и пробираться через плотный кедровый стланник по следу давнего аргиша эвенков. И тропа не подвела: наверху оказалась широкая поляна со странным, нерезким, но чужим для тайги запахом. Запах исходил от двух больших глубоких луж, через которые протекал ручей, перегороженный в нескольких местах деревянными запрудами, образовавшие некое подобие ванн с прозрачной дымящейся водой и мелким галечниковым дном. Рядом с ваннами был сооружён дощатый навес, под которым стоял крепкий деревянный стол с двумя скамейками. В перевязанном шнурком полиэтиленовом пакете, висевшем под навесом, оказались полкоробка спичек, небольшая стеклянная банка почему-то с сахаром, а не с солью и две длинных белых свечи.

И девчонки побежали собирать голубику, Антон с Кириллом таскать дрова к старому кострищу, которое оказалось рядом с навесом, а Егор привычно нарезать хвойный лапник, чтобы мягче было спать у костра. А потом все забрались в источник, где в одной ванной водой была тёплой, а в другой реально горячей, и Егор, конечно, смог в ней просидеть намного дольше Кирилла, а девчонки вообще только опустили в него ноги, завизжали и вернулись в свою терпимо-тёпленькую лужу. А затем все они сидели у ночного костра, ужинали надоевшими жареными грибами, пили сладкий компот из голубики. И свечка горела ровным уютным огоньком, и тело казалось невесомым после волшебного горячего источника, и в сон клонило так, что Антон даже всхрапнул, держа в руках кружку с компотом. И все засмеялись, и залезли в спальники, и последним, подкинув побольше дров в огонь, улёгся Егор, спросил младшего брата:

— Ну как тебе длинный банный день, Кирюха?

— Отличный день, совсем как тогда нас с тобой папа в баню взял на даче у дяди Андрея Егорова. Ты там в парной ещё локоть себе обжёг.

— Скучаешь по родителям, индеец? — помолчав, задал ненужный вопрос старший.

— Можно подумать, ты не скучаешь, — ответил Кирилл.

— Скучаю, — вздохнул Егор. — Они, наверное, с ума сходят, если выбрались обратно в Североозёрск, а нас там нет... Ладно, спи.

Вытащил руку из спальника, обнял младшего брата, и оба одновременно засопели, провалившись в глубокий сон чистых душой и телом организмов.

Как будто что-то звонко щёлкнуло в голове, и Кирилл открыл глаза. Вокруг было тихо и прохладно, костёр почти прогорел, над углями головёшек вспыхивали редкие огоньки последнего пламени, но что-то было не так, что-то такое творилось где-то рядом, но непонятно где — неясное, но не страшное, смутное, но спокойное, постороннее, но своё. В общем, всё как во сне и бывает. Кирилл приподнялся на локте, огляделся. Даже ночью было видно, как над купальнями колыхается белёсый пар, подсвеченный ярким лунным светом. И тут же вспомнил, что прошлая ночь была совершенно безлунной, Антон ещё

высчитывал, через сколько дней появится новый тонкий месяц, и спутник Земли вновь постепенно перейдёт в фазу полнолуния.

Младший Токарев задрал голову к небу: там над верхушками окружающих поляну кедров висели огни, расположенные треугольником, неяркие лучи которых сходились на источнике. Завораживающие огоньки закружились, слились в один большой фонарь, постепенно сменивший исходящий из него свет на слегка сиреневый, и из испарений источника сформировалась большая клякса неровных очертаний, переместилась под навес со скамейками, подождала там немного и вдруг приняла форму человека — как живого, с руками, ногами, головой, только без лица. И страшно Кириллу не было совсем, вот нисколько, разве что совсем чуть-чуть, самую капельку.

А фигура огляделась вокруг, присела на скамейку в расслабленной, совсем человеческой позе, повернула голову к младшему Токареву и словно посмотрела на него, только непонятно чем, но будто насквозь, и вдруг улыбнулась. Кирилл не видел на овале сиреневой головы никакой улыбки, но точно знал, что она улыбается. И даже не спрашивайте, откуда возникло это знание, потому что потом случилось вообще непонятно что.

Фигура протянула руку в сторону мальчика, раскрыла ладонь, и Кирилл увидел, как он дерётся с малорослым очкариком Борькой Прилипалой из 3-го «А», как кричит на маму в обидной запальчивости год назад, как кидает камнями в зловредную болонку Ленки Пастуховой. Сиреневый «человек» отрицательно покачал головой, сжал ладонь, потом свёл руки вместе, как бы поглаживая футбольный мяч, за которым открылась картина браконьерской базы, где Юра Бабушкин вместе с другими подневольными ребятами и взрослыми тянут на берег тяжёлую сеть с большими красивыми рыбинами, где Семён Копыто приковывает на цепь к дереву незнакомого подростка, а Синий Валёк стреляет из таёжного укрытия оленя, а затем перерезает ему, ещё живому, горло, из которого льётся горячая кровь, растекаясь по земле тёмной лаковой лужей с вкраплениями сосновых хвоинок.

Потом фигура развела руки шире, выставила вперёд две ладони, и перед Кириллом возник целый калейдоскоп видений, где с самолётов падают бомбы на города, спасатели вытаскивают из завалов убитых детей, в чистые реки льются вонючие грязные потоки из заводских сливных труб, страшно худые люди в набедренных повязках, сидя на земле, протягивают руки, моля о еде и воде, стройными рядами чеканят шаг на параде военные, а потом стреляют, стреляют, стреляют в кого-то...

От быстрой смены картинок и липкого ужаса от увиденного у Кирилла закружилась голова, и тогда сиреневоголовый схлопнул раскрытые ладони и сделал успокаивающий жест. Тошнота прошла.

Фигура медленно и настойчиво покачала пальцем перед носом Кирилла, как делал папа, когда не хотел говорить «не смей!». Потом опять улыбнулась непонятно чем, подняла с земли большую чурку, положила её в костёр, подмигнула (не спрашивайте, как) и вольной походкой пошла обратно к источнику. Кирилл мог поклясться, что она при этом насвистывала песню «Звезда по имени Солнце» доисторической группы «Кино». Уже над водой фигура обернулась, подняла в прощальном приветствии руку, съёжилась в ярко зелёную точку и стремительной стрелой улетела в ставшее абсолютно чёрным ночное звёздное небо.

Кирилл потеплее уткнулся в спальник, зевнул, удивившись странному сну, в котором сиреневоголовый был не страшным, а наоборот, весёлым подобием

человека, и повернулся на другой бок.

Утром Антон объяснил, что в таких таёжных горячих источниках присутствуют разные редкие химические элементы, которые могут вызывать странные и яркие сновидения. Ну, он так думает. А остальные просто позавидовали долгому и нескучному сну Кирилла, даже Катя. Вот только никто не вспомнил, кто из них ночью подкладывал в костёр большой чурбан, лежащий с вечера в десяти метрах от огня, рядом с навесом. Но кто-то ведь подбросил? Вон же лежит обгорелая чурка, дымится ещё. Ладно, кто-то подбросил, а потом забыл. Ничего, бывает.

Нартовая тропа с утра повела строго на восток, в противоположную от Байкала сторону. Когда через пару часов присели отдохнуть и напиться у чистого ручья, Катя сказала, что эвенки могли увести стадо дальше через Баргузинский хребет. А там вообще никаких жилых посёлков нет до далёкой и никому неизвестной реки Витим. Так ей дедушка говорил, а она только сейчас вспомнила. По всему выходило, что нужно сворачивать с тропы на север и возвращаться ближе к Байкалу. Что ж, нужно так нужно. Как будто у них был выбор.

Часть четвёртая. Путь домой

Глава 1. Переправа

Огромная двойная радуга стояла прямо над головой Егора, когда он вышел осмотреться из временного укрытия под корнями огромной вывороченной когда-то лиственницы. Под наклонным корневищем легко уместился весь их маленький отряд, сверху убежище плотно закрывали окружающие деревья, но всё равно внезапно налетевший ветер, а пожалуй что и ураган, вымочил коротким грозовым ливнем ребят до нитки.

Ничего, день только начинается, от прошлой стоянки и часа не отошли, скоро солнце и ветер высушат одежду на теле. Нужно только подниматься и идти, идти и подниматься в эту тягучую долгую гору. Хотя после каждого, даже короткого привала вставать под рюкзак становилось всё тяжелее. Хотелось бездумно лежать на спине, отбрасывая любой разумный довод, что ничего ты здесь не вылежишь, никто тебя не найдёт, если не встанешь и не пойдёшь дальше, как бы не сопротивлялись этому ноги, спина и весь остальной растущий организм.

Бездорожье и путаные звериные тропки, по которым они шли три дня, после того как ушли с нартовой тропы, вымотали до такой степени, что вчера утром Вера и Ника поставили на голосование вопрос о дневном отдыхе. И старавшийся быть строгим Егор внутри себя очень надеялся, что останется в меньшинстве, настаивая на продолжении движения на север. И действительно, поддержал его только Кирюшка: потому что брат, а не потому что так уж хотел героически идти навстречу новым приключениям, провались они пропадом. В общем, по решению большинства, отлежались вчера, отдохнули, наловили и нажарили хариуса впрок, можно было с утра двигаться дальше.

И пошли, а тут сразу ветер, гроза, треск ломающихся деревьев — то ещё приключение, кто их только придумал. И вот теперь опять идти по мокрому лесу, с которого вода будет сыпаться за шиворот, пока тайга не просохнет после грозы. Но нужно, просто нужно. Иначе зачем бы это всё?

— Ну что там, Егор? — спросила из укрытия Вера.

Слышать голос Софи было приятно. Неприятно было смотреть на свежесломленную сухую лиственницу в двадцати метрах, острые сучья которой

проткнули землю в противоположной от укрытия стороне. И не хотелось думать, что ветер мог бы положить дерево в обратном направлении.

— Катаклизм тут, — бодро ответил Егор. — Выползайте на свет божий, змеи подколенные. На ходу высохнем. Вперёд, на север!

Ребята нехотя выбрались на поляну, осматривая близлежащие последствия недавней штормовой грозы. Ещё недавно чистый лес завалило сорванными сучьями и ветками, с каждого куста сыпались за шиворот холодные капли, зато вверх стояла красивая радуга. Не какое-то дурацкое непонятное свечение, а настоящее земное природное явление, знакомое с детства каждому охотнику, который желает знать, где сидит фазан.

Осмотрелись, закинули на спину мокрые рюкзаки и пошли вперёд по петляющей узкой звериной тропе, условно ведущей в нужном направлении. И ничего, высохли, и тайга опять казалась нестрашной, уже привычной, хоть и надоевшей хуже горькой редьки. Так и пришли к очередному понижению, куда ныряла еле заметная тропка, теряющаяся в густых зарослях краснотала. Ничего, зверь не дурак, он сам ищет дорогу полегче и попроще: если ходят здесь всякие лесные животные, то и мы пройдем.

Егор, не останавливаясь, врубился в плотный кустарник с красными ветками, стараясь не сломать черёмуховое удище с кормилицей-балдой. Сзади, пытаясь, старался не отставать от брата Кирюха, за ним, шумно ломая ветки, продирался весь отряд искателей приключений на свою голову. Казалось, конца и края не будет этому вредному, цепляющемуся за каждую пуговицу, красноталу, и, главное, негде тут было найти место для комфортного отдыха, чтобы снять рюкзак, лечь и закинуть в небо гудящие от усталости ноги.

— Ты как там? — Егор остановился, оглянулся на младшего брата.

Тот тяжело дышал, утирая с лица крупные капли пота.

— Передохнуть бы, — не стал геройствовать Кирилл.

Из-за его спины выглядывали лица других ребят, имеющие общее выражение предельной усталости.

— Сам видишь, — кивнул головой на окружающее пространство Егор. —

Придётся идти. Сейчас минутку постоим, подышим — и дальше. Пробьёмся через кустарник — сразу привал на обед.

И они постояли, не снимая рюкзаков, смирили усталую одышку и с угрюмой решительностью двинулись дальше в этот бесконечный колючий и липучий тальник.

Но тайга оказалась милостива: не прошло и пяти минут, как заросли кустарника кончились, чуть заметная звериная тропка вывела их наконец в сухой и редкий кедрач, за которым ощущалась пустота открытого пространства. Ребята вповалку попадали на ягельную поляну и лежали бы так бесконечно долго, но пить хотелось даже больше, чем отдыхать.

Егор выдохнул, натянул на ноги сброшенные ранее резиновые сапоги, достал из рюкзака две пустых изрядно помятых пластиковых полторашки и пошёл искать воду вперёд, потому что ни ручья, ни и даже лужи в этом чёртовом оставшемся позади кустарнике им не попадалось.

Пришлось выбраться на небольшое возвышение, с которого впереди открылась река, настоящая большая река, какой они на Байкале ещё не видели ни разу.

Егор спустился на галечниковую отмель, в первую очередь жадно напился, затем набрал воду в бутылки, выпрямился, вновь оглядел реку: большая, раза в три шире Сохатиной. Но любоваться красотами природы было некогда — там и

Кирка пить хочет, и все остальные. Напьются, сами сюда прибегут, как миленькие: вон и голая лесина на берегу лежит, на которой удобно сидеть, и сухих дров по берегу на сто костров хватит. Или на двести.

Действительно, уговаривать никого не пришлось, и через пять минут все радостно разбивали обеденный лагерь на удобном речном берегу. Девчонки разбрелись собирать ягоды на компот, ребята развели большой костёр и подвесили над ним старый закопчённый котелок с ручкой из алюминиевой проволоки, который служил им верой и правдой всю долгую дорогу от зимовья на Сохатиной.

Плотно пообедав запасом жареного на рожнах хариуса, запив это дело кислым горячим брусничным компотом, стали думать, а как, собственно, жить дальше? Богатая река, из которой Катя за три минуты выдернула две больших рыбыны, — это, конечно, хорошо, но кардинальная линия движения лежит на север, а на пути серьёзная водная преграда, бурлящая мощным глубоким потоком, который, похоже, вброд перейти не удастся. По крайней мере, в этом месте.

— Не знаешь, что это за река, Белка? — безнадёжно спросил Егор.

— Не знаю, — пожала плечами Катя. — Я только про большую реку Баргузин знаю на этом берегу Байкала, но она в другую сторону и до неё неделю на моторке нужно идти, как деда говорил. А про эту ничего не говорил. Или я не помню.

— Есть мысли, как перебраться на другую сторону? — спросил коллектив Егор, потому что после обеда у него самого мысли двигались как-то совсем уже лениво.

Стоило закрыть глаза, как перед ними начинали мелькать бесконечные красные ветки проклятого кустарника. Но лежать на горячем песке в тени разлапистого кедра под легким ветерком, сдувающим комаров с лица, было очень приятно. А река? Ну что, река. Река как река, как река, как река...

Проснулся Егор первым. Сел, посмотрел на спящих путешественников. Кирюха спал на боку, обняв свой рюкзак. Вера красиво лежала на спине, раскинув руки в стороны. Ника наоборот, свернувшись калачиком, подтянув колени к груди.

Антон спал сидя, прислонившись спиной в дереву и свесив голову набок. Катя уснула у костра, вероятно, лежа подбрасывая сучья в ещё теплившийся сейчас огонь.

Солнце стояло довольно высоко, и Егор пошёл на берег позабрасывать балду. Стоило только поплавку упасть в воду и натянуть дугу лески с мушками, как на них тут же бросался хариус. Трижды вытянув снасть сразу с двумя тяжёлыми рыбами, Егор оставил скучную рыбалку: никакого удовольствия, как в магазин «Океан» сходить. Здешний магазин в десяти шагах от лагеря, что, конечно, удобно — думать о пропитании тут не придётся. А сколько ещё стоит лагерем на берегу, непонятно. Как-то нужно перебраться через реку. Но как? Егор намотал леску с балдой на удилище, принёс к костру тяжёлую добычу, но так ничего насчёт переправы и не придумал.

Как было просто в почти забытой городской жизни: не знаешь чего-нибудь — смело лезь в интернет, там тебе предложат на выбор миллион способов выхода из любой непонятной ситуации, ещё и проиллюстрируют роликом из ютуба. Но где тот ютуб, где интернет и где город? Вот и думай теперь сам, не надейся на коллективный разум человеческой цивилизации. А чего тут думать? Понятно, что придётся сегодня ночевать на этом берегу, а значит нужно притащить ещё дров для ночного костра.

И Егор пошёл вверх по течению реки, где лежала большая куча сухого наносного плавника, который горит жарко, но быстро, потому нужно было найти брёвна потолще, чтобы дольше горели. Выбирая близкие к идеальным дрова, Егор обошёл кучу нанесённых в половодье водой и высушенных солнцем брёвен, сучьев и веток. Среди всего этого природного нагромождения виднелся чужеродный кусок блестящего белого полотна.

Старший Токарев разгрёб мелкие ветки и под ними обнаружил торчащий из песка плотный полиэтилен. После пяти минут работы перед ним лежал кусок продукта химической промышленности размером примерно два на четыре метра — грязный, дырявый, с неровными рваными краями, изжёванный рекой и ветром, но настоящий полиэтилен!

В городе такой можно найти где-нибудь у мусорных баков, выброшенный за ненадобностью после каких-нибудь отделочных работ в ремонтируемой квартире. Никчёмный кусок отработанного материала, на который Егор и не взглянул бы. А здесь это настоящее богатство: крыша над головой, поверхность для теплоотражающего ночного экрана, общее укрытия от дождя во время дневного перехода — вот что такое в тайге городской мусорный полиэтилен! А вы если не знаете, так и не говорите.

И Егор приволок вместо дров в лагерь этот прекрасный кусок полиэтилена, и выслушал много хороших слов в свой адрес, и от Веры-Софи тоже, и они сделали отличный навес, и нажарили свежепойманной рыбы, и опять стали думать про то, как форсировать реку, но так ничего до ночи и не придумали.

Утром Антон с Катей отправились вверх по реке, надеясь, что там она ближе к истоку станет поуже и подступней для переправы. Егор с Кириллом наоборот пошли вниз, памятуя о ручье, который при впадении в Байкал растекался по песку и становился настолько мелким, что перейти его можно было в домашних тапочках. Вера с Никой остались в лагере, устраивая походный быт и прочий обед к возвращению разведчиков.

Вниз река текла тем же самым широким мощным потоком на протяжении двух-трех километров. Идти было удобно, набитая звериная тропа то терялась на прибрежных камнях, то уводила в лес, не удаляясь от обрывистой береговой кромки. Неугомонный Кирюха пару раз нырял в заросли кустарника, положив стрелу на тетиву лука, но рябчики охотника на выстрел не подпускали. Зато когда братья в очередной раз стали подниматься по тропе с открытого берега в хвойную тайгу, прямо с земли буквально в пяти метрах, тяжело хлопая мощными крыльями, поднялся огромный чёрный глухарь, напугав их прямо до невозможности.

— Ты почему не стрелял? — чуть оправившись от испуга, спросил Егор.

— Я вообще про всё на свете забыл, — честно ответил младший. — И испугался.

— Я тоже, — признался Егор. — Сердце до сих пор из груди выпрыгивает.

— И у меня, — подтвердил Кирилл. — Ладно, дальше пойду впереди и лук буду держать наготове.

— Ну, иди, — согласился Егор.

Но долго идти им не пришлось: через пару сотен метров река делала крутой правый поворот, упёршись в высокую скалу, отвесно уходящую в воду. Братья попытались обойти скальный выступ дальше по тайге, но высокая горная гряда тянулась далеко от реки, сваливаясь в лес огромными камнями крупного курумника. Наверное, можно было где-то найти переход, чтобы продолжить движение вниз к Байкалу, но сколько времени на это ушло бы, неизвестно. И

Егор принял решение возвращаться обратно в лагерь.

Там у горящего костра ждали их уже готовые хариусы на рожнях, грибы, обжаренные на найденной Никой на эвенкийской стоянке сковородке, горячий брусничный чай. Всё как обычно. Катя с Антоном тоже дожидались, вернувшись из своей разведки задолго до возвращения братьев Токаревых.

— Что у вас, тоже непроход? — спросил Егор, дуя на горячую рыбу.

— Мы далеко не ходили, — Гигант уже был сыт, весел и разговорчив. — Есть вариант, тут недалеко, за поворотом. Нужно смотреть.

Ника подтверждающе кивнула:

— Мы все уже сбегали, посмотрели. Там страшно. Вы ешьте, ешьте, не торопитесь.

Пока обедали, выяснилось, что с этого берега прямо в воду упала большая лиственница, которая покрывает реку на две трети её ширины. Если по дереву пройти, то там уже недалеко останется до противоположного берега. Но пока никто по лиственнице ходить не пробовал, ждали, может у Егора с Кирюшкой попроще вариант нарисуеться. А если не нарисовался, тогда что ж, конечно нужно смотреть переправу ещё раз.

Смотреть так смотреть. После обеда все пошли к перспективной точке.

Перспектива показалась Егору довольно сомнительной: ствол с огромными хаотично расположенными ветками рухнул с высокого подмытого обрыва и лежал почти перпендикулярно течению реки, упёршись в дно ближе к противоположному берегу, до которого всё равно оставалось приличное расстояние.

Заметив сомнение Егора, Антон объяснил своё понимание момента.

— Смотри, лиственница почему здесь упала? Потому что вся струя бьёт в этот берег, подмывает его в половодье и обваливает лес. Корень у неё вот здесь, а вершина лежит уже за главной струёй, там, кажется, вообще стоячая вода без течения. Если дойти до конца, то можно спрыгнуть и вплавь выбраться. А может, и плыть даже не придётся.

— Тебе хорошо, ты умный, — привычно пошутил Егор. — Пойдёшь проверять свою теорию?

Гигант смущённо пожал плечами и отрицательно покачал головой, скромно спрятавшись на спинами ребят.

— Давай, я пойду, — вызвался Кирюха. — Вообще, ерунда, по дереву пройтись.

— Сиди уже на берегу, пойдёт он, — отказал Егор. — Ладно, попробую.

По торчащим из вывороченной земли корням взобрался на ствол лиственницы, посмотрел вниз. Искатели приключений глядели на него, задрав головы. Егор, балансируя на круглой поверхности с оставшимися кое-где остатками коры, дошёл до первого огромного нижнего сука мёртвого дерева, взялся за него, почувствовал себя увереннее, но ровно до тех пор, пока не опустил голову вниз. Река грозно бурлила под ногами, разбиваясь о мощные ветви старой лиственницы, оглоданные течением. Сам ствол дрожал от напряжения сдерживаемого водного потока.

До следующей опоры для рук нужно было сделать два шага над ревущей рекой по мокрому от брызг дереву. Егор попытался смело и гордо оглянуться на ребят, но получилось, кажется, судорожно и нелепо. Успел разглядеть только испуганное лицо Веры, комкавшей руками у горла ворот свитера и крикнувшей: «Осторожнее, Егор! Пожалуйста». Егор кивнул, сделал эти два страшных шага и больше не оборачивался.

Дальше опорные ветки стали вставать на пути одна за другой, уже больше мешая продвигаться вперёд, чем помогая удерживать равновесие. Наконец, сапоги Егора стала заливать вода, перехлёстывающая ствол. Он прикинул расстояние до желанного финального берега переправы — показалось, что метров десять, не больше. Но никакой тихой и спокойной воды внизу не наблюдалось: течение здесь было, конечно, не такое бурное, как на той стороне, но всё равно сгибающее ветви лиственницы, ставшие у вершины много тоньше, чем в начале ствола.

Одна такая двухметровая ветка почти отломилась и болталась на тонком древесном лоскуте. Егор с трудом оторвал её от лиственницы, обломил мешающие тонкие отростки и получившимся шестом замерил глубину под собой. Результат порадовал: где-то по пояс будет воды, если здесь спрыгнуть. Даже плыть не придётся. Что ж, нужно поторопиться обратно с хорошими новостями.

И тут Егор заметил вверху за обрывом близкого берега крышу, настоящую синюю крышу какого-то строения. Такая же крыша из синего металлического профиля покрывала баню на даче у Смирновых, папиных коллег по работе. Значит, здесь живут люди, они дошли до людей! Кончились таёжные мучения и скитания!

Нужно было вернуться, чтобы поделиться радостью с ребятами, но Егор представил, что придётся пробираться по наклонному скользкому стволу назад над грозно шумящей рекой и неожиданно для себя принял мужественное (или трусливое?) решение. Крикнул: «Давайте за мной! Вещи соберите!» И, зажмурившись, прыгнул в реку.

Обжигающий холодом поток попытался сбить с ног, но дно было ровное, мелкогалечниковое, и Егор довольно уверенно и быстро выбежал на берег. Оглянувшись, показал оставшимся большой палец, приглашающе махнул рукой. Ребята радостно закивали головами, сорвались в лагерь собирать рюкзаки.

Кирка и егоровский рюкзак не забудет, в брате Егор не сомневался.

Больше всего хотелось немедленно найти удобный подъём на обрывистый берег, чтобы скорее обнаружить живущих в этом таёжном уголке людей, но удалось себя сдержать.

Во-первых, нужно было скинуть полные воды сапоги, отжать и повесить сушиться на тёплом ветру мокрую одежду. Во-вторых, подобрать какой-нибудь длинный шест, чтобы протянуть его всякому, как бы это назвать, ну, всякому, в общем, переправщику, добравшемуся до конца дерева и спрыгнувшего, как Егор, в воду. А в-третьих, после того как все они вновь соберутся вместе, нужно будет спокойно, глядя куда-нибудь мимо Веры, сказать: «Знаете, а мы уже пришли. Там наверху дом стоит». Потому что это будет триумфально скромно, и потому что все они вместе заслужили такой праздник, вместе и праздновать будем.

Тем временем, на том берегу все уже вернулись с вещами к переправе. Первым на опасный ствол поднялся, понятно, неугомонный Кирюха. У Егора вдруг мелко задрожали руки и он спрятал их подмышки, наблюдая как младший брат медленно, но уверенно пробирается между хитросплетений веток лиственницы. А ведь у него за спиной ещё был заметно мешающий продвижению по стволу рюкзак. Наконец, Кирка выбрался примерно к тому месту, до которого ранее дошёл Егор, спросил:

— Прыгать, что ли?

— Нет, ждать когда река замёрзнет.

— Вода холодная?

— А сам-то как думаешь? Подожди, на страховку встану.

Егор зашёл по колено в воду, протянул в сторону брата шест:

— Прыгай и сразу хватайся за него.

И Кирилл сразу прыгнул, Егор даже настроиться не успел. Вода накрыла брата с головой, но он сразу выпрямился, уцепился за шест и легко выбрался на берег. Скинул одежду, сказал: «Я спички принёс. Мог бы дров догадаться натаскать». Достал из рюкзака спичечный коробок, завёрнутый в три целлофановых пакета, начал разводить огонь, распорядившись: «Я сам тут. Иди остальных вылавливай». Самостоятельный какой, надо же. Ладно, дело ведь говорит. Следующую пришлось вылавливать Нику. Она тоже уверенно преодолела листовенничную переправу и даже не воспользовалась шестом для выхода на берег. Скомандовала скакавшему на одной ноге в трусах Кирюхе, пытавшемуся вытряхнуть воду из уха:

— Давай там, за кустами, ещё один костёр запали.

— Зачем? — не понял Кирилл.

— Затем, что девочкам тоже нужно раздеться и согреться. Де-воч-кам.

Присела у костра, протянув к нему замёрзшие руки.

— Иди, Кирюшка, займись там быстренько, — подтвердил распоряжение Шило старший брат, следивший за переправой Антона, у которого кроме своего рюкзака, на груди висел рюкзак Егора.

Гигант крикнул «эге-ге-гей!» и обрушился в воду с такой кучей брызг, как будто мощный фонтан ударил со дна реки, а большая волна от его приводнения вмиг достигла берега, где стоял Егор. Однако Антон вместе с двумя рюкзаками сразу ухватился за протянутый шест и через минуту уже стаскивал у костра мокрую одежду.

Следом быстро и ловко пробралась между сучьев переправы оправдывающая своё прозвище лёгкая Белка. Смело шагнула в воду, держа над головой свою скатку с курткой из солдатского сукна. Даже не замочила её, выбираясь на прибрежный галечник.

Теперь на том берегу оставалась только Вера. Судя по всему, ей там одной было страшновато, и она взобралась на ствол дерева ещё до того, как Кате помог выбраться на сушу Егор, у которого уже зуб на зуб не попадал, но уж лучше быстрее закончить эту дурацкую переправу, чтобы потом отогреться у костра и насладиться моментом изложения того факта, что их долгое таёжное приключение закончилось ввиду наличия на этом берегу жилого дома, а может и не одного.

Софи шла по стволу медленно, аккуратно, можно даже сказать, красиво шла. И когда до финальной точки переправы оставалось метра три, так же красиво подскользнулась на мокром стволе, красиво попыталась ухватиться за нижнюю свисающую в воду ветвь листовенницы и красиво ушла под воду с головой. Егор отбросил в сторону спасательный шест и бросился вплавь к месту падения Веры. Она вынырнула, крикнула «ой, мамочка!», и быстрое течение потащило её за поворот реки. Сообразив, что он никак не успевает догнать Веру со своего тихого мелководья, Егор беспомощно обернулся к берегу. Там Кирка вместе с Антоном уже неслись в одних трусах по гальке за поворот, скрылись в прибрежном кустарнике, откуда донёсся возмущённый визг Ники.

Всё это Егор как-то отстранённо отмечал головой, а ноги уже сами вынесли его обратно на берег. И нужно было бежать спасать Софи вслед за ребятами, но вместо этого Егора вырвало прямо на песок, и он без сил опустился на землю. В

мозгу лениво шевелилась единственная мысль «вот так это всё и бывает». И тут горло сдавила странная судорога, перешедшая в безудержное рыдание: это было гадко, это было стыдно, но Егор ничего не мог с собой поделать. Он был уверен, что река унесла Веру навсегда, а все потому что он повёл всех за собой на эту дурацкую переправу и только ему придётся держать за это ответ перед Анной Витальевной, Вериней мамой.

Спазм быстро прошёл, Егор вытер слёзы с лица и наконец побрёл вслед за товарищами по несчастью, уверенный в страшном исходе всей этой дурацкой эпопеи буквально на пороге её завершения.

А за кустами неожиданно смеялись. Егор побежал и, вырвавшись на открытое пространство, увидел дымящийся костёр, а за ним идущих ему навстречу Веру, Нику, Катю и Кирюшку. Позади метрах в пятидесяти Антон нёс мокрый рюкзак Софи. Егор присел у костра, подбросил в него дров и сделал независимое лицо. Встал навстречу смеющимся ребятам, строго спросил Веру:

— Ты почему за ветки не держалась, когда по дереву шла?

— Прости, Егор, — просто ответила Софи. — Мне показалось, что я что-то странное увидела на этом берегу, отвлеклась... А ты за мной прямо в реку бросился, поплыл. Спасибо тебе.

И Вера вдруг поцеловала его в щёку мокрыми холодными губами. И Егору подумалось, что даже хорошо, когда такое приключается, хотя это была неправильная мысль, стыдная. Но мыслям же не прикажешь.

— Ладно, рассказывайте, потерпевшие.

И Софи рассказала, что она даже не успела испугаться, когда упала с дерева, а вынырнув, сразу стала пытаться избавиться от рюкзака, чтобы не тянул на дно, но Егора всё равно увидела, как он быстро плыл в её сторону и какие у него были испуганные глаза. А потом река вынесла её на середину, и она наконец сбросила тяжёлый рюкзак, который на удивление не утонул, а поплыл впереди неё. И тут за поворотом течение вдруг ослабло, Вера немножко проплыла в сторону береговой отмели и уже пешком вышла на сушу. А тут и Кирилл с Антоном прибежали, а за ними Ника с Катей. И Антон сразу побежал дальше вылавливать рюкзак, а они все пошли назад к этому девочкиному костру. А Антон быстро сплавал и поймал рюкзак, и теперь они опять все вместе, и все живы, и нужно только обсохнуть и отогреться, и все опять будет хорошо. «И даже ещё лучше», — авторитетно подтвердила Белка, и все опять рассмеялись. Егор вспомнил про увиденную им крышу дома и уже открыл рот, чтобы рассказать об удивительном открытии, но Ника сказала:

— Мальчики, вы как дикие какие-то.

— Мы и есть дикие, — подтвердил Кирилл. — Совсем тут одичали в тайге без интернета и гаджетов.

— Вы не просто дикие, а ещё и тупые. Нам обсушиться нужно, отогреться, раздеться, в общем. Шагом марш к своему костру!

Это-то понятно: мальчикам и в трусах можно по берегу ходить, а девочкам почему-то нельзя. Ладно, имеют право. И мужская часть спасательной экспедиции отправилась за разграничительную линию кустарника к своему отдельному костру. Да и то сказать, обсушиться и обогреться им тоже не помешало бы.

Через час, когда солнце уже коснулось верхушек деревьев на склоне горы вверх по течению реки, девочки вернулись к мужскому костру уже снаряженные своими рюкзаками в дальнюю путь-дорогу. Антон тоже встал, готовый к

дальнейшему путешествию, а Кирилл собрался набрать в пластиковую бутылку воды, чтобы залить костёр.

— Подождите, не спешите, — притормозил всех Егор.

— Ты чего? — не поняла Ника. — Темнеть скоро начнёт, пора идти.

— Есть важное сообщение, — Егор старался говорить небрежно. — Идти нам осталось — только на этот крутой берег подняться. И всё, и мы уже пришли.

— Как это? — не понял Кирилл.

— Да вот так. Там крышу дома видно, если с начала переправы взглядеться.

Значит, люди здесь живут. Как-то так, в общем.

— А чего ты молчал?! — обрадованно завопил Кирюха.

— Так вот на что я отвлеклась, — счастливо улыбнулась Вера.

— Ну у тебя и выдержка, — расплылся Антон. — Долго держал театральную паузу.

— Ура! — просто крикнула Ника и запрыгала от счастья вокруг догоревшего костра. — Пойдёмте же скорее к людям!

И лишь Катя сказала непонятное или, скорее, вздохнула:

— Собаки... Ну, пойдёмте, я тропку наверх заприметила на пути от нашего костра к вашему.

И все быстренько пошли вслед за Катей в предвкушении скорейшего завершения своих таёжных скитаний, встречи с местными жителями, которые, конечно, вывезут их в Североозёрск или Нижнереченск, а до того обязательно накормят жареной картошкой или даже, может быть, какой-нибудь яичницей. И чем чёрт не шутит, может у них телефон есть, который работает, и по нему можно позвонить родителям. Так что, вперёд, наверх и побыстрее!

Тропинка, найденная Катей, оказалась вполне набитой, удобной. А главное, Антон обнаружил на ней старые следы от какой-то обуви с ребристой подошвой. Не оленьи следы, не лосиные, не медвежьи, а человеческие. Человечьи! Понимаете вы, что это значит? Эх, ничего вы не понимаете...

И вот уже показалась знакомая Егору добротная синяя металлическая крыша, и ребята наконец вышли к крытой этой крышей нарядной большой деревянной беседке со скамейками внутри. Рядом располагался добротный очаг, над которым висела поперечная палка, прикреплённая к двум вертикальным стойкам. С неё свисали длинные металлические крючья, на которые удобно вешать котелки над огнём. Никаких домов больше поблизости не наблюдалось. Зато на другом, северном конце поляны стоял врытый в землю высокий деревянный столб, с прибитыми к нему дощечками.

— А где дома, где люди? — растерянно спросила окружающее пространство Ника Скворцова.

Все почему-то посмотрели на Егора, но вместо него ответила Катя Лыткарина:

— Жили бы здесь люди, собаки давно бы к нам на берег прибежали.

А Егор пошёл к непонятному столбу, наверху которого был прибит большой красивый плакат, который вслух прочитал Антон: «Поздравляем, вы дошли до самой южной точки Северной Байкальской тропы. Удачной обратной дороги!» Ниже на прибитых самодельных табличках были вырезаны названия городов с расстояниями до них: «Москва — 4350 км», «Хабаровск — 2000 км», «Челябинск — 3100 км», «Amsterdam — 6300 км». И ещё штук десять таких географических указателей, изготовленных, судя по всему, туристами, сумевшими добраться в эту глушь из своих дальних городов. Ну как, глушь? Для них, наверное, глушь...

И в самом низу был прибит скромный указатель на почерневшей от времени

корявой дощечке «Хатусы — 48 км». Заточенный острый конец таблички указывал на север, прямо на широкую Северную Байкальскую тропу.

А в это время. (Юра Шапошников)

Шли уже почти в полной темноте, только фонарь Синего выхватывал впереди ветки деревьев да еле заметную тропу под ногами. Понятно, что со своим фонариком идти было бы сподручнее, но не работал ни один электроприбор в руках Юры, что давно стало темой для насмешек Копыта над «безрукостью городских придурков».

А у Валька с Семёном и фонарики горели, и генератор включался, и телефоны были на связи. Почему так получалось, совершенно непонятно, но «городской придурок» уже устал думать на эту тему: он вообще устал от постоянной тяжёлой работы на базе, от молчаливой отстранённости других бедолаг, работавших в рабской покорности на браконьеров. Только его сверстник, тунгус Лёшка Трифонов иногда помогал советом, как ловчее колуном чурки рубить, как невод тащить, куда в дробилку кедровые шишки засыпать, но толку от его советов было совсем чуть — примерно если бы он, Юра Шапошников, объяснял бы эвенкийскому подростку принцип монетизации ютуба, чтобы тот стал успешным видеоблогером... Какой ютуб, где он, да и был ли вообще когда-то в другой, отдельной, почти уже ненастоящей городской жизни?

Свет фонаря впереди замер. Синий стоял неподвижно перед небольшой поляной в понижении перед высокой скалистой грядой, казалось, прислушивался, задрал лицо вверх, к бледным ещё вечерним звёздам. Потом прошептал непонятное: «Ветер от нас. Обойдём. Только тихо сейчас у меня!» И направился в обход поляны.

Остановились прямо под скалой, среди поросших лишайником больших валунов. Валёк осмотрелся, выбирая место поудобнее, устроился на утопанной траве за плоским камнем, прислонил к нему карабин.

— Смотри, значит, — ткнул пальцем на поляну, лежавшую внизу за камнем как на ладони. — Это солонец, сюда любой зверь солёную землю лизать приходит, ему соли в организме всегда не хватает. Сейчас ветер с солонца на нас тянет, сохатый человека не причует, но он всегда здесь настороже, потому что хищник, волк тот же, тоже про это место знает и может ждать лося, как и мы сейчас. Так что главная твоя задача этой ночью — молчать, не шуметь, не чихать и не кашлять. Понял?

— Чего тут не понять? — буркнул Юра и тут же получил увесистый подзатыльник.

— Шёпотом, бестолковка! — зло прошипел эвенк. — Я же сказал: только шёпотом! Наберут в тайгу городских.

Снял с себя старый пуховик, вынув из карманов несколько патронов, бросил его Юре, прошептал:

— А лучше всего ложись сейчас спать. Ночь долгая. Я разбужу, если понадобится.

Это был не самый плохой вариант. Уж лучше спать, если разрешают, чем паяться в эту нелепую ночную тайгу: все равно Валёк и без него зверя услышит и увидит, а потом уж Юрина работа начнётся. Может, и удастся справиться получше, чем с какой другой.

Вчера, когда он возился с колуном, пытаясь вытащить его, намертво застрявшего в суковатой кедровой чурке, Копыто сидел на крыльце кухни, молча наблюдал за усилиями подростка. Потом подошёл, отодвинул от колоды,

двумя ловкими движениями расколол крепкий чурбан, сказал: «Иди, позови Трифона, безрукий. Толку от тебя здесь, как от мента пряников. Ладно, завтра поедешь с нами на охоту, будешь мясо из леса в лодку таскать, хоть какая-то польза будет».

Вот и поехали втроем на моторке. Шли по Байкалу долго к дальнему солонцу, одному Синему известному. Уже ближе к вечеру приплыли к устью большой реки, которая сейчас еле слышно шумит слева. Копыто остался ночевать на берегу, а они с Вальком пошли вверх по реке к заветному охотничьему месту. Вот, пришли наконец. Теперь Синий застрелит лося, будет его разделывать, а Юра станет таскать мясо к лодке в поняге — это такая деревянная заплечная рамка, к которой привязывается завернутый в брезент груз или, как тут говорят, бутор. Весу в нём бывает побольше, чем в самых больших туристских рюкзаках, но в тайге туристических магазинов нет, тут вот такие поняги, которыми аборигены пользовались всю жизнь, даже ещё при каком-нибудь Брежнев, наверное.

Сколько в том лосе мяса, интересно? Раз пять придётся, наверное сходить, или, может, даже десять. А главное, дорогу бы обратно найти: ночью никаких ориентиров не видно было, но вроде бы от моря недалеко ушли, с километр-полтора. И речка всё время шумела слева. Ничего, как-нибудь справлюсь. А вот были бы здесь все они вместе — Клоун, Токарь, Гигант, Софи, Шило, Белка — наверняка бы за один раз задачу выполнили. Потому что вместе всегда всё легче получается. Но нет рядом ребят и неизвестно, где они сейчас. Трудно им одним в тайге, наверное. Опять же, сами себе хозяева, никто ими не командует, бессмысленную работу делать не заставляет. Нет, правильно они сделали, что сбежали тогда, а я, дурак, остался. У них теперь свобода, а у меня впереди поняга с бутором, потом ещё одна, потом ещё. И под ветками наклоняться с грузом трудно, и ноги в песке вязнут, и солнце слепит с открытой поверхности Байкала, а там целый теплоход плывёт, а на нём люди, и музыка с него доносится громкая, весёлая...

Рот зажала жёсткая шершавая ладонь. Лицо Синего с прижатым к губам пальцем нависало над проснувшимся лицом Юры. Валёк отпустил ладонь, поманил пальцем и погрозил им: «Тихо! Медленно!»

Юра осторожно выглянул из-за холодного от утренней росы камня. В неплотном тумане, в первом свете наступающего дня пинал копытами землю огромный лось без рогов, но с отвисшей внизу шеи бородой, что ли. Рядом лизал чёрную вскопченную землю смешной угловатый лосёнок. Звери постепенно смещались в сторону охотничьей засады, и Юра напрягся, ожидая спиной громкого выстрела.

Но сзади донёсся хриплый голос Синего: «Сеголеток. Ишь, смешной какой». И, странное дело, говорил Валёк хоть и негромко, но и не шёпотом. Поймал вопросительный взгляд Юры, пояснил: «Сеголеток — значит, сего года рождения. В апреле, похоже, родился».

Звери давно уже замерли, слышав странные непонятные звуки. А эвенк вдруг громко обратился к ним: «Ну, чего встали, как вкопанные! Пошли, пошли!» И хлопнул в ладоши. Лоси как подорванные рванули в противоположную сторону и вломились в кустарник на другом конце поляны, что тебе грузовик в огромную лужу на Красном проспекте. Или даже пошумнее.

— Так без мяса остались же теперь, — удивился Юра. — Чего не стрелял-то? Валёк коротко глянул на него со странным выражением лица, как бы жалеющим подростка, потом ответил:

— Вот тебя одного без мамки в чужом городе если оставить, хорошо тебе будет? Так и здесь. Зачем матку стрелять, если без неё детёныш обязательно пропадёт? Нельзя. Такой в тайге закон.

— А Семёну что мы скажем?

— Да то и скажем.

Синий достал из кармана телефон, зачем-то потряс им в воздухе.

— Не работает почему-то. Странно. Ладно, пошли к лодке.

И они своё начали возвращение с неудачной ночной охоты. Но Юре такая охота понравилась. Да и с пустой понягой идти легче, чем с бутором.

Глава 2. Миша и зайчик

Антон вчера правильно всё расписал: человек ходит со скоростью пять километров в час, значит до курорта Хатусы ходьбы десять часов, а может даже и меньше по такой ровной замечательной тропе, выхоженной здесь сотнями, если не тысячами туристов. Нужно просто идти и идти, не останавливаясь, даже если сил уже нет, как сейчас.

Сил, похоже, не осталось ни у кого, не только у Кирилла, который воткнулся носом в рюкзак остановившегося старшего брата, как Пятачок втыкался в спину Винни-Пуха в любимом детском мультфильме.

— Передохнём, — обернулся к шедшим следом ребятам Егор. — Два часа уже идём, ноги гудят. И вода тут рядом.

И все облегчённо стали снимать рюкзаки, чтобы устало завалиться на ровную сухую поляну, за которой виднелся мосток из двух досок через узкий ручей.

Ника принесла бутылку воды, которой, конечно, не хватило напиться, и за второй сходил Егор.

Лежать на сухом ковре из осыпавшихся сосновой хвои было приятно, только комары с мошкой не давали наслаждаться отдыхом. Но тут уж известное дело: стоит только присесть или того хуже, прилечь на землю, как подлый таёжный гнус будто бы удваивается в своём количестве. А с другой стороны, не лечь будет точно хуже, потому что ноги вдруг становятся всё слабее и кажется, что идти вперёд вообще нет ни сил, ни желания, ни возможности.

Но каждый раз всё это почему-то находилось в организме, Кирилл даже удивлялся самому себе: как так получается — ты точно знаешь, что встать не сможешь, пусть тебя на земле комары зажирают, а потом потихоньку встаёшь, надеваешь рюкзак и идёшь, как миленький, ровно до той минуты, когда кажется, что больше и шагу вперёд ступить невозможно. И всегда в этот самый момент Егор умудряется назначить привал, а там уж всё повторяется заново.

И сейчас они, напившись, отдыхали долго, наверное, раза в три дольше, чем длился их обычный привал в начале пути от Сохатиной. Все молчали, потому что за долгую дорогу, кажется, переговорили всё что можно и даже больше того. Только Катя спросила:

— А что это за такие блестящие кружочки, которые нам по дороге всё время попадаются? На деревьях развешаны.

— Это компакт-диски, — ответил Егор. — Ну, были раньше для компьютеров такие штуки, на которых музыку слушали, фильмы смотрели, ещё что-то там с ними делали. Давно, лет десять назад, а может даже и раньше.

— Понятно, — кивнула Белка, хотя было ясно, что ничего ей вовсе непонятно. С другой стороны, маленькой Кате были в тайге известны такие азбучные истины, которые в голову не приходили городским ребятам, воспитанным не столько родителями, сколько современными гаджетами. Положим, про

съедобные белые грибы и подосиновики Кирилл знал, а как жарить рыбу над костром на рожнах, понятия не имел, пока их Белка не научила.

— Катя, а рябчика можно на рожнах приготовить? — спросил штатный охотник экспедиции.

— Не знаю, наверное можно. Был бы рябчик.

— Будет, — Кирилл заставил себя встать, поднять с земли лук со стрелами — зря, что ли, он его смастерил и таскал с собой всю дорогу, даже на бурной переправе не потерял. — Что-то мяса захотелось, пойду принесу вам обед. Кирилл плотоядно облизнулся, постучал себя во впавшему животу. Ребята улынулись, а Егор сказал ожидаемое:

— Ты только недалеко и от тропы не отходи.

А Вера вернулась к разговору о компакт-дисках:

— Так зачем они здесь в лесу висят-то? — указала пальцем на блестящий на солнце диск, болтающийся не недалёкой молодой сосёнке.

— Я не знаю, — вздохнул Егор. — Ну и пусть себе висят.

— Это маркировка, — неожиданно вставил незнакомое слово Антон. — Так туристы тропу маркируют.

Тут Кирилл Точная Стрела остановился, чтобы послушать умного человека и спросил, опережая всех:

— Что значит, «маркируют»?

— Чтобы понятно было куда идти, особенно ночью, когда люди с фонариками тропу ищут. Эти же штуки свет издалека отражают, как зеркала. Не заблудишься.

— Откуда знаешь? — привычно спросил Егор.

— Читал, — привычно пожал плечами Гигант и стал усиленно дышать на очки.

Кирилл принял нужную информацию к сведению и нырнул в заросли приручьевого кустарника. Потому что рябчик сам себя не подстрелит, его этому не учили.

У ручья добычи не обнаружилось, да и лазить по кустам с большим луком — то ещё удовольствие. Потому охотник вернулся на широкую Северную тропу и пошёл по ней дальше, поглядеть, нет ли рябчика или вдруг какого-нибудь огромного глухаря за поворотом. За поворотом тропа начинала спуск к Байкалу и на всём прибрежном пространстве никакой потенциальной добычи не наблюдалось. Ветер гнал над морем серые облака, в редких разрывов которых выхватывалось ярко-синее небо, и тогда по Байкалу скользили блескучие пятна отражённого солнечного света.

Кирилл вздохнул, привычно пожалев о неслучившемся триумфе возвращения охотника с желанной добычей, и повернул обратно, потому что пора идти дальше, а его рюкзак никто на себе не понесёт, дураков нет.

Ушёл от ребят Кирилл недалеко, возвращаться было легко и просто: тропа широкая, хоженная, не то что блуждания по звериным следам через заросли краснотала или по чавкающим болотным марям. Так, глядишь, завтра к обеду и добежим быстренько до людей. Или вдруг туристов каких-нибудь встретим по пути, ещё лучше. А то что тайга вокруг шумит и потрескивает, так это обычное дело — она никогда не молчит, даже при звёздах: всегда то птица ночная крикнет, то олень или лось где-нибудь стороной пройдёт.

Кирилл придумал, что сейчас скажет: «Сидите здесь, лодыри, а кто-то охотится, пропитание вам добывает». А Егор, конечно, спросит: «Ну и где твоё пропитание, горе-охотник?» Тогда можно ответить: «В лесу, где ещё? Нельзя

его трогать, это на Новый год». И тогда можно будет весело и быстро вновь начать усталое движение к давно намеченной цели.

И Кирилл свернул из-за большого черёмухового куста на отдыхательную поляну, сделал несколько шагов, но вместо заготовленной речи спросил: «Эй, вы чего?» И вдруг очень испугался.

Все смотрели на него, но как бы и сквозь него. И картина была так себе: Егор замер над своим рюкзаком, Ника зажимала ладонью рот, Вера зажмурила глаза, Антон вытянул вперёд руку и отмахивался ею от Кирилла, как от привидения. Катя напряжённо смотрела за спину вернувшегося незадачливого охотника. Кирилл по инерции сделал ещё пару шагов в сторону ребят и медленно оглянулся.

За его спиной на тропе стоял медведь. Не как в цирке на задних лапах и в каких-нибудь дурацких красных штанах, а на всех своих четырёх. Стоял и медленно водил носом влево и вправо. Был он никакой не бурый, а непривычно чёрный и огромный, вот просто огромный. И было до него от Кирилла метров семь, ну или, пусть, десять. По крайней мере, можно было разглядеть на огромной голове маленькие коричневые глаза, смотревшие на необычную компанию разношёрстных мелких млекопитающих безразлично, просто как на картину окружающего мира.

И Кирилл зачем-то закричал очевидное «медведь!» и в два прыжка оказался за спиной Егора. Немая сцена вдруг ожила, и даже звук включился на этом кадре из фильма ужасов.

Ника схватила за руку Веру и дёрнула было бежать обратно по тропе от страшного зверя, но они так и остались на месте. Егор зачем-то бросил в сторону медведя свой рюкзак. Антон продолжал махать руками и вдруг закричал неожиданным басом: «Не трожь! Не трожь!» А Катя сказала: «Замрите!» и сделала несколько шагов в сторону хозяина тайги, оказавшись впереди Егора. И тут Кирилл вспомнил про свой лук и дрожащими руками направил на медведя стрелу с наконечником из осколка бутылочного стекла. А Катя строго спросила чёрного зверя:

— Ты зачем здесь?

Медведь ничего не ответил, только направил нос в её сторону.

— Мы тебе не враги, Миша, мы не охотники, — Белка сменила строгий тон на успокаивающий. — Мы просто идём мимо, мы тебя не тронем.

Где-то в отдельном уголке сознания Кирилл успел удивиться: «А что, у кого-то могла возникнуть мысль трогать медведя?» Но она убежала быстрее, чем прибежала. А отважная Катя продолжала говорить со зверем:

— Это твоя тайга, ты тут хозяин. Мы просто прохожие, Миша. Ты же видишь, мы даже костёр на твоей тропе на разводили, чтобы тебя не беспокоить. Иди своей дорогой, а мы пойдём своей. Ну что ты, как маленький.

Медведь, казалось, прикидывал весомость Катиных аргументов, но не до конца их признавал. Потом, наконец, начал разворачиваться боком к ребятам, продолжая следить неподвижным взглядом за непонятным двуногим зверьём. И в этот момент выглянуло солнце, луч которого упал на блестящий маркировочный диск. Отражённый от него яркий зайчик прыгнул на медвежью морду. Хозяин тайги зажмурился, удивлённо взрыкнул и в два огромных прыжка скрылся в зарослях кустарника, тянувшихся вдоль ручья.

Кирилл ощутил боль в руке, сжимающей лук посиневшими пальцами, сумел эти пальцы разжать и почти свалился на землю, потому что ноги вдруг ослабли и стали как будто пластилиновые. И уже сидя сказал: «Зайчик прогнал медведя».

Первой засмеялась Катя, потом захохотал Антон, тонко захлебнулись смехом Ника с Верой и наконец зашёлся в хохоте Егор. Они лежали на земле, дрыгая ногами и смеясь до спазм в животе, а когда уже потихоньку начали успокаиваться, Кирилл сказал старшему брату: «Ты смеёшься, как будто поросёнок хрюкает». И безудержный хохот вновь свалил ребят на землю. А потом все отсмеялись, только Катя продолжала слегка взвизгивать, стирая с лица слёзы. А слёзы всё лились и лились, а Катя всё смеялась и смеялась, пока Ника не сказала: «Что стоите, как дураки какие-то? Воды принесите живо!» Егор с пустой бутылкой сорвался к ручью, Вера и Ника присели к Кате, обняли её и гладили по голове, а та сквозь громкие всхлипы, не останавливаясь, повторяла: «Я испугалась! Я так испугалась!» Пыталась пить воду, проливая её на землю, и никак не могла успокоиться. Потом затихла, смущённо улыбнулась и сказала уже почти спокойно:

— Я больше не буду.

— Да ну, — мотнул головой Егор. — Когда захочешь, тогда и плачь себе на здоровье, нам не жалко. После того как ты медведя прогнала, тебе теперь вообще всё можно — хоть пешком идти, хоть верхом вон на Гиганте ехать.

— А чего сразу на мне? — смущённо удивился Антон.

— Ну, давай на мне, — вызвался Кирилл. — Поедешь? А рюкзак я на грудь перевешу.

— Да ну вас, — улыбнулась Белка. — Я сама пойду. Только не сейчас, пусть медведь подальше уйдёт. И лучше бы костёр запалить, чтобы дымом его далеко прогнать.

— Ты же сама медведю сказала, что мы костры не разводим, чтобы его не пугать, — удивился Кирилл.

— Я врала, — просто сказала Катя. — Собирала, что в голову пришло. Даже не помню, что и говорила.

И они развели костёр, и сварили морс из брусники, и посекундно вспомнили, что каждый делал и чувствовал во время встречи с медведем. По всему выходило, что все вели себя прилично и достойно, а то что Катя оказалась самой смелой, так это потому что она в тайге выросла, и если вдруг окажется где-нибудь у них в гостях, то каждый спасёт Катю от каких-нибудь страшных для неё городских напастей — злющих болонок, например, или даже от бешеных электросамокатчиков, вот.

Потом решили, что зверь точно ушёл далеко от их костра и шума. Значит можно продолжить долгий выход в человеческую, не звериную цивилизацию.

Это только так кажется, что идти по прибрежному песку проще, чем по тайге. Но нет: ноги вязнут и ощущаешь, что на каждую привешана пятикилограммовая гиря, не меньше. Тропы тут как таковой нет и приходится то обходить огромные камни, то прыгать с одного на другой. Это было бы весело на второй день в бухте Приютной, а теперь ноги сами ищут путь полегче, чтобы сэкономить время.

«А время экономится, потому что силы заканчиваются, — понимал про себя Кирилл. — Начнёшь прыгать, как клоун, по камням или зачем-то ускоришься по песку — ну и всё, считай, через десять минут отпрыгаешься, запросишь привал, с которого вообще никому вставать не хочется, и все лежат до самого распоследнего момента. А время уходит и уходит, как ты его не тормози».

Время, наоборот, можно ускорить, чтобы оно сжалось до мгновения, когда за очередным поворотом покажется сказочный (потому что нереальный, как сказка)

курорт Хатусы, но для этого нужно идти не быстро, а правильно. Тогда время ускоряется, хоть скорость передвижения замедляется.

Папа что-то такое говорил однажды Егору про относительность, которую придумал учёный по фамилии Эпштейн, что ли. Но и брата эта теория не заинтересовала, а уж подслушивавшего краем уха Кирилла тем более. Но как раз, вроде бы, про что-то такое, когда время сжимается и разжимается, ну прямо как сейчас у них в этом долгом таёжном путешествии. Нужно будет потом не забыть у папы всё получше узнать про эту самую эпштейновскую относительность.

А ещё папа прошлым летом решил ходить на работу пешком, вспомнил Кирилл. Ну, чтобы похудеть. Мама тогда сказала, что у него живот растёт как на каких-то дрожжах, пусть поставит машину в гараж и каждый день ходит пешком полчаса туда и полчаса назад. А ещё она скачала папе в телефон шагомер, чтобы можно было видеть, сколько человек прошагал за целый день, и они с Егором целый вечер бегали по квартире с этим шагомером, который действительно показывал количество пробеганных шагов.

Мама вначале проверяла каждый день папин телефон, а потом перестала, потому что решила, что лучше проверять размер папиного живота на напольных весах раз в неделю, и когда папа уменьшил вес на три килограмма, разрешила ему опять ездить на машине. Но папа ответил, что он уже втянулся и ему нравится ходить, как он сказал, пешкодралом. И так и ходил без машины до самого снега, а потом уже не ходил, и этим летом тоже не ходил.

«Зато мы здесь находились по тайге и за папу, и за маму, — думал Кирилл, потому что лучше думать о чем-нибудь хорошем, когда устал, и ноги совсем уже еле тащатся по этому дурацкому песку с камнями. — Был бы тот самый шагомер, мы потом предъявили его какой-нибудь комиссии, которая фиксирует результаты для Книги рекордов Гиннесса: вот вам пятьсот миллионов шагов, полюбуйте! И найдите кого-нибудь ещё, кто больше прошагал: да не по городскому асфальту, а по тайге с медведями. Не нашли? Значит выписывайте нам с Егором рекорд, а к рекорду ещё чего-нибудь хорошего — медаль какую-нибудь, или даже ноутбук в подарок...

А если подумать, то зачем тут нужен ноутбук, или медаль, или шагомер этот самый в телефоне? Или даже деньги? Ведь никакой пользы от них в тайге нет. А от рыболовной балды есть, от того куска полиэтилена, что Егор у переправы нашёл, тоже. От спичек польза есть, от соли, которой уже одна маленькая щепотка осталась, от ножа, что у Антона, от Кати много пользы — она вообще как одна большая польза, мы без неё, наверное, и трёх километров бы по тайге не прошли, а уже сколько отшагали...»

Кирилл начал высчитывать, сколько дней они идут от избы на реке Сохатиной, но получалось плохо, поскольку дни были похожи один на другой, их последовательность путалась, потому что работающему мозгу приходилось сбиваться на поиски лучшего варианта прохода между камней. Вроде бы получалось, что дней двенадцать они уже в пути. Надо будет у Егора спросить, может он точно знает...

Тем временем Северная Байкальская тропа вновь обнаружилась уходящей с песчаного берега моря обратно вверх в тайгу. Ну, так и должно быть, потому что впереди в Байкал круто обрывалась очередная высокая скала, прерывающая возможность прохода по береговой кромке. Значит, придётся снова забирать круто вверх по найденной тропе, опять маркированной блестящими дисками, как вот на этой сосне, под которой остановился Егор, уже стягивающий с себя

рюкзак.

— Отдохнём здесь, на середине подъёма, — сказал старший брат подошедшим ребятам. — Площадка ровная, вид на Байкал красивый... Гигант, вода у тебя? Дай попить.

Антон снял рюкзак, достал из него полную пластиковую бутылку воды, протянул Егору и вдруг замер, вглядываясь в сторону скалы, преградившей им путь.

— Там не лодка на берегу? — лихорадочно протёр очки.

— Моторка, — подтвердил Егор.

И тут же сверху послышались шаги и раздался удивлённо-радостный голос:

— Ого! Привет, бродяги! Вот так встреча!

На тропе стоял Юра Бабушкин и счастливо улыбался.

Глава 3. Опасная встреча

Опять нужно было что-то решать, хотя больше всего Егор устал от этих решений, которые сваливались на его голову каждый день: где переправляться через реку, когда вставать на привал, кому идти ловить рыбу, а кому таскать дрова для костра. И рядом ни родителей, ни телефона, в котором есть решения на все случаи жизни. А жизни той накопилось всего-то двенадцать лет, но ты всё время должен принимать обязательные решения, и их от тебя ждут все, даже вот Юрка, который на два года старше. И ничего тут не поделаешь, если так само собой как-то сложилось. И ошибиться нельзя, не тот случай.

А дело обстояло так. Где-то впереди на тропе впереди них идёт в обход скалы Синий Валёк с карабином, а внизу в моторке сидит Семён Копыто. Вот и думай тут, вот и решай, куда теперь идти. Потому что Юрка сказал, что у браконьеров на всю их детскую бродяжью кампанию серьёзный зуб вырос, после того как они сбежали на Сохатиной. Копыто очень даже волнуется, что беглецы к людям выйдут и тогда не миновать разборок с полицией, а того хуже с местными рыбаками и охотниками, которые совсем не любят, когда людей насильно лишают свободы, особенно маленьких. По-любому доберутся до браконьерской базы когда-нибудь, хотя сейчас, вроде бы, ни у кого на Байкале, кроме Копыта и Синего ни моторки, ни катера не работают. По крайней мере, за всё это время ни одной чужой лодки на море не показалось. Ни самолётов, ни вертолёт в небе тоже нет.

Потому и осмелел Семён, отправившись искать лося так далеко на север, прихватив с собой Юру, чтобы было кому таскать добытое мясо из тайги в лодку. Ну и Валька, конечно, потому что эвенк на то и эвенк, чтобы ловчее зверя выследить и добыть с одной пули. Вот и добрались они вчера до той самой большой речки, через которую недавно ребята переправлялись — Курымкан она называется, оказывается. Там Синий по берегу, где они переправу искали, привёл их на солонец, где всю ночь прождали сохатого, но остались без добычи.

Зато утром Валёк нашёл оленьи следы, определил, что тут недавно прошло стадо Афанасия Нефёдова. И потом они с Семёном сильно поругались: Копыто сказал, что нужно догнать стадо, выследить отгонных оленей и застрелить парочку, а Синий сказал, что так делать нельзя, потому что старик Нефёдов всё равно их потом найдёт и крепко спросит за своих животных. А Семён посулил Вальку бутылку водки после охоты, и тот тогда вроде как согласился.

И вот они с утра приехали сюда, Синий со Слоном пошли на разведку, Валёк по следам выяснил, что стадо ушло дальше, сказал что пойдёт по тропе вслед за

ним, а Юре велел идти к Семёну и сказать, чтобы тот перегонял моторку за скалу, там через пару километров тропа опять к Байкалу спустится. Потому что телефон у Синего отчего-то второй день не работал. Юра пошёл и тут же — здравствуйте-пожалуйста — встретил всю их честную компанию.

Первым с нелепым вопросом, как будто ничего важнее узнавать не надо, выступил, конечно, Кирюха:

— А что ещё за «отгонные олени»?

— Не знаю, — пожал плечами подросток. — Мне как-то всё равно было.

— Стадо большое, пастухов мало, часть оленей постоянно отбивается, уходит в откол, их потом искать нужно, — объяснила Белка. — Отгонные олени называются.

— Да и бог с ними, — нетерпеливо дёрнул плечом Юра. — Вы-то как здесь оказались? Неужели всю дорогу такая хорошая тропа вдоль берега идёт? Мы-то вчера по реке недалеко от Байкала до солонца поднимались, а сегодня по этой тропе вверх вышли и сразу с неё свернули, чтобы следы искать. А сейчас назад шёл — прямо удовольствие сплошное. У нас там вокруг базы таких троп и близко нет. А где мы сейчас находимся, вы знаете?

И все наперебой начали рассказывать Юре, как они ночевали в пещере, потом брели по глухой тайге и марям, переправлялись по стволу дерева через реку. А про сегодняшнего медведя вообще всё расписали, как будто спектакль сыграли. И что до курорта Хатусы здесь осталось всего лишь день, может два идти по Северной Байкальской туристической тропе, и всё бы было совсем хорошо, если бы не эта браконьерская моторка на пути.

— Ты как дальше, с нами? — с некоторым внутренним напряжением спросил Егор. — Или к друзьям своим вернёшься?

— Ну чего ты, в самом деле, — обиделся Юра. — С вами, конечно. Вот, подкрепляйтесь.

Достал из кармана куртки три больших бутерброда с салом, протянул ребятам. Такого праздника никто не ожидал. Хлеб! Сало! Лучше всякого новогоднего подарка! Хотя, скажи такое кто-нибудь ещё полгода назад, каждый из них покрутил бы пальцем у виска. Ну может быть, кроме Кати.

И сейчас жевал вкуснейший бутерброд Егор и решал главный вопрос русской литературы и мировой философии: что делать и куда человеку податься?

Пойдёшь прямо — рискуешь на Синего наткнуться, пойдёшь обратно — Копыто на открытом берегу в бинокль заметит, останешься на месте — или тот, или другой могут в любой момент на тропу выйти. Хоть разорвись.

— Давно вы с Вальком расстались? — спросил Егор у отгонного Слона.

— Да минут за пять до того как я на вас наткнулся. Но он вряд ли по тропе пойдёт дальше, опять с неё свернёт олени следы искать выше от Байкала. А Семён сказал, что если мы с Синим через два часа не вернёмся, он лодку за скалу перегонит, там нас ждать будет.

— Тогда пошли вперёд по тропе, может удастся проскочить между Копытом и Вальком. Потом они ещё тебя ждать станут, так? А мы уже далеко уйдём, не догонят. Наверное.

Все встали, бодрые от случившихся событий, повеселевшие, готовые к новым великим свершениям, и потянулись цепочкой в гору по тропе. Первым шёл Юра. Вскоре крутой подъём закончился, тропа стала горизонтальной и повела ребят в тайгу, в обход береговой скалы.

Шли быстро, стараясь не шуметь и не отвлекаться на сбор белых грибов, которых в чистой беломшанной сухой тайге было столько, сколько они не видели за все своё долгое пешеходное приключение. Главное от текущей опасности уйти побыстрее, а уж там они и грибов найдут, и ягод насобирают, и рыбы где-нибудь наловят, дело привычное.

«Странно, что все уже забыли про недавнюю встречу с медведем, — подумал Егор. — А ведь совсем недалеко ушли, может он вон в тех кустах нас ждёт или вон под тем вывернутым корневищем лиственницы, или где-нибудь на дерево забрался и нас сверху высматривает».

— Ты чего встал, как памятник Достоевскому? — поинтересовался идущий следом за старшим братом Кирилл.

Весной их 3-й «А» водила на обзорную экскурсию по знаковым культурным местам города классная руководительница Яна Леонидовна, потому младший Токарев теперь всё знал и про Достоевского, и про Врубеля, и про Дон-Кихота Ламанчского.

— Да так, — Егор перестал рассматривать вершины деревьев, опустил голову вниз, двинулся дальше. — Ты тоже про медведя уже думать забыл?

— Ага, — согласился Кирилл и авторитетно напомнил: — В тайге не зверя нужно бояться, а человека. Помнишь, Катя нам так говорила? Ну, не она сама — так её дедушка учил.

— Вот мы советам Катиного дедушки и следуем теперь, — Егор остановился, обернулся к идущим следом, поднял руку. — Тихо!

Все остановились, прислушиваясь. Непонятно где дрожало высокое, чуть слышное странное гудение, совершенно не вписывающееся в привычную гармонию таёжных звуков.

— Примерно как трансформаторная будка гудит, — почти шёпотом сказал Антон. — Только совсем по-другому.

Странно всё это было, стремительно как-то после долгих монотонных дней блуждания по непролазным дебрям: и выход на финальную тропу, и встреча с медведем, и я неожиданное явление Юры Бабушкина, и этот странный звук, взявшийся непонятно откуда. Но так-то он не мешал, поскольку был чуть слышен и тянулся ровным, почти незаметным звуковым фоном их попытки прошмыгнуть между опасными браконьерами, давними знакомцами Синим и Копыто.

— Вы так вечно стоять обираетесь? — задала закономерный вопрос деятельная Шило. — Мы вообще-то собирались быстренько от плохих людей уйти, а не звуки природы слушать.

— Это не природа, Ника, это что-то другое, — ответила Софи.

А Кирилл сказал:

— Да какая разница. Пойдёмте скорее, чем стоять тут, как телеграфные столбы, ждать, пока нас Синий обнаружит.

— Верно Токарь говорит, — согласился Юра. — Веди нас, Клоун, я дальше дороги вообще не знаю.

— Сам ты клоун, — отрезал Егор, которого так никто не называл с тех пор как они начали своё долгое автономное путешествие от Сохатиной. — Ладно, пошли.

Вроде бы ничего обидного в привычном школьном прозвище Егор не находил, но вдруг почувствовал, что никакой он не Клоун. Ещё неизвестно, провёл бы какой-нибудь реальный взрослый клоун их маленький отряд по глухой байкальской тайге сто тысяч километров или сколько они там натапали своими

ногами в рваных уже почти у всех резиновых сапогах. Вот и всё, а то Клоун, Клоун.

С другой стороны, Юрки же с ними не было, откуда ему знать про их приключения, и как они из них выпутывались всю эту долгую дорогу. Он остался в своём стародавнем времени, когда был старшим в избе на Сохатиной и придумал там называть друг друга по прозвищам, а не скучным городским именам. Тогда это казалось нормальным предложением, романтическим даже. Так что Слон не виноват, напрасно он на него.

Егор остановился, подождал Юру, протянул руку:

— Извини, это я что-то зря так. Ну, Клоун, что с меня взять, — зашагал рядом.

— Ты о чём? — не сразу понял Юра, потом сообразил. — Да ну, ерунда какая. Я теперь разучился обижаться. В смысле, жизнь отучила.

— Там, у них на базе?

— А где ещё?

— Расскажешь?

— Потом как-нибудь.

Тропа тем временем наконец обогнула прибрежную скалу и опять повела вниз, на песок, утыканный разнообразными большими и маленькими камнями, — как будто кто-то установил здесь странные огромные шахматы с неизвестными фигурами.

Судя по всему, через несколько сотен метров с берега придётся вновь подниматься вверх, поскольку очередная скала впереди круто вдавалась в Байкал, образуя здесь небольшую шахматную бухту для неизвестных великанов-гроссмейстеров.

Моторки Семёна Копыто поблизости не наблюдалось. Синего Валька на берегу тоже видно не было.

— Ну, что будем делать? — спросил брата Кирюха, усевшийся вместе со всеми на укромную площадку под нижними лиственницами, растущими непонятным образом практически из камней скалы, которую они только что обогнули, и так же рассматривающий пустое пространство бухты.

— Давайте передохнём минут десять, потом резко рванём по берегу до следующей скалы, а там наверняка тропа опять в тайгу уведёт, — предложил Егор.

— Давайте, — согласилась Вера. — А то сил что-то совсем уже не осталось.

Это да, сил у нас у всех на самом доньшке, понимал Егор. Даже у меня, что там про девчонок говорить, но они молодцы, очень хорошо держатся. Особенно Вера. Она сейчас ещё красивее стала, чем когда они только познакомились в поезде... Как же это давно было, как давно. И поезд, и катер, и бухта Приютная, и мама с папой, и яхта «Ветерок», и первая встреча с Семёном и Вальком...

— Как думаешь, вернулся Синий обратно к лодке? — спросил Егор у задумчиво жующего хвоянку Юры.

— Не знаю, он в тайге как дома, может на час уйти, а может на три дня. В любом случае к Байкалу вернётся — или туда, или сюда, если уж договорились. Не нужно бы долго засиживаться.

— Устали все, а тут придётся быстро по берегу пробежаться. А там песок, в нём ноги вязнут.

— Да знаю я, — не стал спорить Юра. — Набродился по берегам.

— А где ты бродил? — заинтересовался Антон.

— Да не то чтобы бродил, — вздохнул бывший отщепенец. — Сеть неделю

тянул. Большая такая, невод называется. Копыто с Синим на моторке её в море заводят полукругом, а мы потом этот невод руками вытягиваем.

— И много в там рыбы?

— По-разному: когда много, когда мало. Там же ещё не всякая рыба нужна — хариуса, окуня, налима обратно выбрасываем, только омуля берём. Сразу в большой короб (ну, ящик такой) укладываем его, солью засыпаем — и дальше, на следующую тоню, так у них один заброс невода называется. К вечеру ни руки, ни ноги не двигаются, а нужно ещё на базу пешком вернуться километра два или три. Вон, руки до сих пор все солью разъеденные.

Слон протянул вперёд огрубевшие потресканные ладони, изрезанные верёвкой рыбацкой снасти.

Катя сказала:

— Нельзя сейчас омуля ловить, запретное на него время после июня.

А Ника спросила:

— Сколько вас там этот невод таскало?

— Шестеро. Двое пацанов примерно нашего возраста и ещё четверо бродят беспаспортных. Половина эвенков, половина русских, кого-то этой весной Копыто на базу заманил обманом, кто-то уже третий год с неё выбраться не может. А куда выберешься? По тайге там хода нет, тунгусы бы знали, давно ушли. А к моторкам и баркасу доступ только у Семёна, он к ним лишь Синего допускает, да и то не всегда.

— Что ещё за тунгусы? — обязательно должен был спросить въедливый Антон.

— Эвенки, они сами так себя называют.

— Ну так подняли бы восстание, захватили лодки и уехали на волю! —

раскипятился младший Токарев. — Их же всего двое, а вас целых шестеро.

— Да не шестеро, на базе ещё один кашевар с подсобником оставались. Там тоже каждый день работы будь здоров: дров набери, огород полей, картошку подбей, бельё постирай, посуду перемой, воды натаškai, баню затопи.

— Ну вот, целых восьмеро против двоих.

— Ты такой умный, прямо как я поначалу, — усмехнулся Юра. — Тоже сразу хотел революцию сделать, целую речь толкнул. Только через час после этого разговора пришёл к нам в спальный барак Копыто, сдёрнул меня с нар, отвёл в отдельный сарай. Показал человека на цепи, которому еду раз в день из собачьей миски дают. Сказал, что ещё месяц так жить будет на голом матрасе на земле за дурные разговоры, а потом этот же месяц отрабатывать станет втрое за процесс воспитания, во время которого не работал... Нет, там каждый сам за себя, никто на цепь не стремится, все не только Семёна боятся, но и друг друга. Мрачно там, тоскливо, хоть и с телевизором.

— Вот, телевизор же! — вспомнил Егор. — Чего там, какие новости в мире?

— В мире этот тупой громила Стивен Сигал борется с международным терроризмом, певец Лепс поёт про рюмку водки на столе, а сборная СССР по хоккею громит канадцев в какой-то дремучей древности, — Слон хмуро оглядел непонимающие лица ребят и пояснил. — Не идёт там телевизор, тарелка поломалась недавно. Вот Копыто и гоняет на кухне по старинному видеоманитофону всякую хрень, ему приятную. Хочешь — присоединяйся, смотри. Мне одного дня хватило, больше и не пытался заставлять себя.

— А телефон, дали тебе телефон позвонить? — вспомнила Софи. — Они же нам обещали.

— Копыто много чего кому обещает, — пожал плечами Юра. — И мне пообещал. Только когда я свою еду отработаю и бензин, на котором они меня с

Сохатиной вывезли, да и сам звонок по спутниковой связи, он тоже денег стоит. Сделал расчёт, показал листок — там я на этот звонок через два месяца только заработаю. Ну и добавил, что все вместе мы бы за три дня упорного труда такое бы право получили, а если кто сбежал и счастья своего не понимает, то кому-то нужно за всех теперь отдуваться. «Один за всех, — захохотал, — и все за одного».

— Выходит, ты за нас там страдал, что ли? — расчувствовалась Ника Скворцова. — Бедный.

— Да ну, — отмахнулся беглый раб Слон. — Я там каждую ночь вам завидовал, жалел, что на посулы Семёна купился. Сам виноват, если выбрал какой-то дурацкий комфорт вместо свободы. Ну вот теперь случай есть исправиться. Вы же не против?

Юра смотрел на ребят виновато и напряжённо.

— Мы не против, — хлопнул его по плечу Егор. — А сейчас пора выходить на марш-бросок.

Они спустились ещё метров на двадцать, после чего тропа естественным образом пропала в прибрежном песке. Встречный ветер гнал по морю высокую злую рябь волн.

— Ну, рванули! — поправил лямки рюкзака Егор. — Не отставать!

Через сто метров уже никто не бежал, все хватали ртом недостающий воздух и старались просто быстро идти по проклятому мокрому засасывающему ноги песку. Ещё звук этот как будто дрожащей от напряжения струны над Байкалом усилился, на нервы действовал.

И когда впереди уже стала заметна тропа, круто забирающая в гору под спасительные ветви огромных лиственниц, за спиной загудел движок моторки.

Егор оглянулся. Лодка резала встречные волны, поднимая высокие фонтаны брызг. Семён Копыто улыбался во весь рот, предвкушая скорое свидание с беглецами, которые, не сговариваясь, опять побежали к желанной тропе, по которой можно уйти с открытого берега и скрыться в спасительной тайге. Нервный посторонний металлический звук поднялся до самой высокой тонкой ноты и ощутимо звенел над Байкалом. Моторка неумолимо приближалась.

— Эй, бродяги, хорош бегать! — весёлый голос Семёна перекрывал рёв мотора.

— Юрец, тормозни-ка их, всё равно далеко не уйдут.

Слон обернулся на бегу, показал браконьеру средний палец на руке. Копыто только захохотал, добавил газу, и моторка сравнялась с бегущими ребятами. До открытой тропы в гору оставалось не больше ста метров, но Егору уже было понятно, что добежать туда они не успеют, тем более, что все окончательно выдохлись и просто брели, тупо вытаскивая ноги из тяжёлого песка. Обидно, ведь совсем немного не дошли до людей, а теперь отвезут их браконьеры обратно — далеко за бухту Приютную, где давным-давно остались папа с мамой. И вся их долгая история побега к свободе пойдёт насмарку...

А непонятный тревожный звук поднялся до нестерпимой высоты и вдруг оборвался, как лопнувшая струна. Небо на мгновение озарила мягкая зелёная вспышка — и стало неожиданно тихо, только волны шумели, накатываясь на берег. «Только небо, только ветер, только радость впереди», — зачем-то вспомнилась Егору хоровая песня, которую они разучивали в школе на уроке музыки.

Так, стоп! А моторка? Почему её не слышно? Егор обернулся и увидел, что Копыто лихорадочно дёргает верёвку стартера лодочного мотора «тохацу», а

самую моторку волны относят назад. Значит, есть всё же шанс!

Они из самых распоследних сил побежали к тропе и обернулись лишь когда поднялись до границы леса, состоявшего здесь из корявых лиственниц, скрученных байкальскими ветрами в почти фантастические фигуры.

Лодку с Семёном отнесло ветром уже до той скалы, за которой беглецы её увидели после встречи с медведем. Копыто, напрягаясь спиной, быстро грёб вёслами в сторону от берега, чтобы заглохшую моторку не прижало ветром к скале. Ему это удалось в последний момент, и лодка скрылась за каменным мысом.

— Что это было? — спросил, лёжа на спине и глядя в высокое синее небо, Юра Бабушкин, когда они последним напряжением сил выбрались наверх и рухнули на поляне под высокой разлапистой лиственницей.

— Случай, — Егор допил остатки воды из пластиковой бутылки последним из всех беглецов, подумал, что по ходу нужно бы наполнить из какого-нибудь ручья пустую тару заново, потому что мало ли что, и повторил. — Счастливый случай. Очень вовремя мотор у Копыта заглох, вот прямо очень.

— Да я не про это, — Юра повернулся набок лицом к Егору. — Что за вспышка над Байкалом была, что за звук? Часто тут у вас такое происходит?

— Нечасто, — ответила за Егора Софи. — То есть, вообще никогда.

— Это ты такую ерунду за собой притащил, — улыбнулся сквозь очки Антон.

— Или дружки твои с базы.

— Нет, ничего подобного я там не видел и не слышал, — серьёзно и, пожалуй, даже чуть встревоженно ответил Юра. — Думал, вы мне как-то проясните.

— Да что тут прояснять, — встрял Кирилл, имевший в запасе всегда самое простое объяснение. — Само как-нибудь потом прояснится. Давай, Егор, лучше дальше пойдём. Дело уже к вечеру, а у нас тут браконьеры где-то шастают ещё. Да и медведь, наверное.

Прав, Кирюха, конечно, — нужно идти, как бы не противился этому весь насквозь уставший организм: и от беготни, и от массы всяких разных впечатлений. Егор молча встал и накинул за спину надоевший хуже всякого медведя рюкзак.

Ничего, через пять минут ноги шли уже сами, безо всякого понукания из головы. Северная Байкальская тропа вела уставших путников весело и уверенно к конечной цели. Солнце всюду цеплялось за вершины деревьев окружающей тайги и пора было искать место для ночной стоянки — последней, хотелось бы верить, в этом долгом и трудном приключении, или, точнее, крайней, хоть маме и не нравится, когда папа так говорит вместо правильного слова «последний». Егор больше смотрел по сторонам, выискивая удобную поляну, и потому не сразу заметил то что заметить был обязан задолго до случившегося страшного. Справа чуть в стороне от тропы спиной к ним на стволе поваленного дерева сидел Синий и на коленях у него лежал карабин, и узкие глаза с повернувшийся назад головы в упор глядели на Егора. Перед браконьером горел совсем маленький костерок, над которым висела жестяная банка, наверное, с чаем. Егор замер, и шедшие за ним замерли, и Валёк тоже не шевелился. Так, казалось, прошла вечность. Потом эвенк равнодушно отвернулся к костру. Спина его ничего не выражала.

В полном смятении Егор выждал ещё с полминуты, а потом медленно двинулся вперёд. Ребята один за другим прошли мимо отвернувшегося от них Синего, поднялись на пригорок, за которым тропа ныряла вниз, к мосткам через

очередной ручей. Пропустив всех вперёд, Егор обернулся к Вальку. Тот опять повернул к нему тёмное в отблесках костра лицо, встал, равнодушно залил кипятком огонь, закинул за спину карабин, вышел на тропу. Ещё раз глянул на подростка и неожиданно подмигнул. Потом повернулся спиной, поднял вверх руку, покачал ладонью из стороны в сторону и уверенной походкой таёжника пошёл по тропе в противоположную от ребят сторону — туда, куда ветер унёс моторную лодку Семёна Копыто.

Глава 4. Люди

Они так и не поняли, почему Валёк их пропустил: от карабина никуда не сбежишь да и сбежать с тропы особо некуда. Но думать про мотивы странного поведения Синего было недосуг. Просто после неожиданной встречи пробежали ещё немного, потом шли сколько могли, пока совсем не стемнело, и наконец на первой мало-мальски скрытой подальше от тропы моховой поляне рухнули, как подкошенные, и уснули. Свёрнутый полиэтилен Егор подстелил на землю, на него они улеглись вместе со Слоном, сверху укрылись одним расстёгнутым спальником — и ничего, выпались, как миленькие.

Проснулись с первыми лучами солнца, опять не стали разводить костёр и завтракать, побрели по тропе подальше от всех этих браконьеров с медведями. Только вчерашние Юркины бутерброды с салом стояли перед глазами Кирилла, как живые. Да и у остальных, похоже, тоже.

Наконец Егор скомандовал: «Привал». Ребята сбросили рюкзаки, а когда разгорелся костёр, Белка вернулась от бегущего рядом шумного ручья с четырьмя большими чёрными хариусами. Теперь можно было жить и даже практически не тужить какое-то время.

Посидели ещё немного у догорающего костра, потому что ноги совсем уже отказывались вставать, а спина никак не хотела напяливать на себя рюкзак. Если бы можно было так полулежать, глядя в высокое чистое небо между вершин молодых сосен, то никто бы и не вставал никогда.

Но нельзя: не потому что тебе родители приказывают или классная руководительница Яна Леонидовна, а потому что ты сам себе взрослый и ответственный человек, и никто за тебя не встанет, не сделает первый шаг, и второй, и пятый. А на десятом уже и думать забудешь о том, как ходить в этих тяжелых порванных сапогах, как отмахиваться веткой от надоедливых комаров, как переступать через выпирающие на каждом шагу из тропы корни деревьев. Просто идёшь себе и идёшь в надежде, что когда-нибудь куда-нибудь придёшь. Да и на надежду, если честно, сил у Кирилла тоже почти не оставалось. Папа любил говорить: «У самурая нет цели, есть только путь», и смеялся почему-то всегда. А ничего смешного: все мы здесь такие самураи, которые идут, потому что не могут не идти. Есть только путь, только путь, только путь...

— Что это? — спросил сзади Антон, и Кирилл остановился. — Слышите?

Где-то высоко над деревьями, над Байкалом, над планетой разносилось ровное чуть слышное гудение. Не странное, непонятное, чужеродное, а какое-то очень знакомое.

Луч солнца отразился от колыхавшегося на ветру туристического маркера под названием «компакт-диск» и заставил Кирилла зажмуриться, как того страшного медведя. Только теперь ему было не страшно, а как-то совсем наоборот. И из закрытых глаз зачем-то брызнули непрошенные слёзы. А Вера вдруг тихо сказала:

— Это самолёт.

И тоже заплакала.

Потом они — откуда только силы взялись? — бежали вперёд по тропе, пока она не вынесла их на открытый берег моря. Над Байкалом висела высокая белая нитка самолётного следа, а навстречу ей тянулась ещё одна.

И все они прыгали от счастья, плакали, обнимались, как будто бы всё страшное уже закончилось, как будто они победили. Хотя до той победы, понятно, было ещё идти и идти.

И они шли. И снова шли. И опять шли. Спуски сменялись подъёмами, тёмнохвойная тайга — кедровым стланником, ягельный мох — рыжим хвойным ковром.

И, казалось, никогда не кончится эта тропа, долгая и трудная, как взрослая жизнь, в которую они только приходят, которая может встретить счастьем за близким поворотом, а может открыться новой опасной стороной.

«Нет, не так, мы не приходим в какую-то чужую большую жизнь, — медленными, как шаги, отрывками крутились мысли в голове Кирилла. — Мы уже её живём. Взрослыми не рождаются, взрослыми становятся. Эта дорога далась нам нелегко, но и дала немало. Мы все повзрослели: и я, и Егор, и даже Катя Лыткарина. Может, дальше мы станем только расти: вначале учиться, потом жениться, затем работать, стареть и умирать, но выросли по-настоящему мы именно здесь и сейчас. А дальше просто будет наполнение той взрослости, которая случилась с нами в этой далёкой таёжной глуши. Чем она потом заполнится, конечно, большой вопрос. Хорошо бы для начала она заполнилась большим бутербродом с колбасой и настоящим хлебом, а ещё лучше какими-нибудь пельменями. Потому что всякий растущий организм требует всякой вкусной еды, даже если в голове у него сплошная философия и прочее внутреннее жизнекопание».

Жизнекопательный философ опять ткнулся лбом в рюкзак старшего брата, который остановился посередине тропы и даже чуть попятился назад. Кирилл выглянул из-за спины Егора: по тропе на них молча нёсся зверь со скрученным в кольцо и лежащим на спине хвостом. Зверь чуть не сшиб стоящих у него на пути братьев и кинулся передними лапами на плечи Кати. Голова зверя судорожно скулила, язык жадно облизывал Катину лицо, а сама Белка смеялась сквозь слёзы и повторяла: «Волна, Волнушка моя! Как же ты меня здесь нашла?» Огромная серая дайка ничего не отвечала, только танцевала задними лапами, не спуская передних в Катиных плеч. В таком виде Волна была ростом с Белку, а то и повыше.

Первым опомнился Кирилл, подошёл к Кате, спросил:

— Можно её погладить?

— Можно, можно! — улыбалась та, размазывая по щекам слёзы. — Она добрая, она не кусается.

И все принялись обнимать Катину собаку, а лайка прыгала и лизала каждого добрым шершавым языком. Потом отпрыгнула назад, выгнула спину, пригнувшись к земле, и побежала обратно по тропе. Остановилась, оглянулась, недоумённо шелохнув остро торчащими ушами: дескать, вы чего стоите?

Побежали вместе со мной, там впереди ещё больше счастья и радости. Ну, чего вы, как неродные? Бежим, бежим!

— Там дедушка, — Катя уже закинула на спину свою поклажу. — Теперь, считай, уже выбрались.

Волна то отбегала от них, то опять возвращалась, чтобы снова лизнуть Катин нос, и наконец, вывела их на берег Байкала, где под высокой остроконечной скалой стояла, уткнувшись в носом в песок, моторная лодка, горел костёр, у которого сидели два человека, а чуть подальше, в тени деревьев что-то искали мордами в траве два оленя, мелко подёргивая короткими чёрными хвостами. Лайка рванула вниз со всех ног или, точнее, лап, а Катя замахала руками и закричала: «Деда Афоня! Дедушка! Мы здесь!» И побежала к костру. А за ней побежал Антон. И Ника. И Вера. И Юра. И Кирилл. А Егор не побежал. Он сел на землю, уткнул лицо в колени и заплакал.

— Егорик, ты чего? — на спину легла рука вернувшегося младшего брата. — Ну пожалуйста, ну не нужно. Мы же дошли, мы смогли.

Кирюха сидел рядом, обнимал брата, гладил его по голове:

— Не надо, Егор. Всё хорошо.

— Я знаю, — спина брата продолжала вздрагивать. — Я сейчас.

Потом Егор услышал тяжёлые шаги по этой проклятой и прекрасной Северной Байкальской тропе, поднял заплаканное лицо. Перед братьями стоял высокий крепкий старик в потёртой кожаной куртке с меховым воротником. Помолчал, прикуривая папиросу, отвернувшись от ветра, потом присел рядом.

— Понимаю, — сказал. — Ты плачь, не стесняйся, тебе стесняться нечего. Я с вами посижу, покурю. Потом пойдём чай пить с вареньем жимолостевым.

— Каким? — переспросил Кирилл.

— Вкусным, — улыбнулся старик. — Я Катин дедушка, Ефимом Георгиевичем меня, значит, кличут. А там на костре мой товарищ Афанасий Николаевич картошку сейчас, значит, жарит с тушёнкой.

— Картошку? С тушёнкой? — почему-то поразился Кирилл.

— Ага, — подтвердил Ефим Георгиевич. — И пирожки ещё там вас ждут. С капустой, идритки-лытки.

И тут Егор вдруг захохотал, и Кирилл подхватил, и дедушка Ефим разулыбался, спросил:

— Чего это вы?

— И-идритки-лытки! — не получалось остановиться Егору.

— Ой, не могу! — вторил брату Кирилл.

Ещё не отсмеявшись, встали наконец и пошли вместе с Ефимом Георгиевичем к костру. Потому что смехом сыт не будешь, когда где-то там вдруг ждёт жареная картошка с тушёнкой и пирожки с капустой. За ними хоть на край света, если кто понимает.

От костра навстречу им разогнулся старый эвенк, смахнул в сторону дым от лица и сказал:

— Как раз всё готово, милости прошу, — снял с жарких углей большую чугунную сковороду, поставил на песок рядом с расстеленной тут же обычной кухонной клеёнкой, на которой стояли четыре железные миски и три металлические кружки.

Запах от сковороды шёл настоящий волшебный, на походной скатерти горкой лежали жареные пирожки и просто нарезанный крупными ломтями хлеб. Поллитровая стеклянная банка с вареньем дополняла аппетитный натюрморт. Ефим Георгиевич сказал:

— Всё да не всё, — начал раскладывать по мискам волшебную картошку с тушёнкой, кивнул второму старику на лодку. — Сходи, Афанасий, там в рюкзаке посмотри.

Афанасий бодро зашагал своими старинными кроссовками фирмы «найк» к берегу, вернулся, прижимая к худому животу, обтянутому красной флисовой толстовкой, бутылку (коньяк — мельком узнал Егор) и два гранёных стакана. — Вы ешьте, ешьте, не отвлекайтесь, — посоветовал Катин дедушка. — Ложки четыре всего, ну да разберётесь как-нибудь.

Все давно уже разобрались подвое по мискам: Ника с Верой, Антон с Юрой, братья Токаревы, а ещё одну ложку с тарелкой делили на троих Катя, Ефим Георгиевич и дед Афоня, Афанасий Николаевич Нефёдов, как он представился ребятам. Вот они, два деда, сейчас стояли, улыбаясь, смотрели сверху на исхудавших, голодных искателей приключений, жадно поглощающих фантастически вкусную картошку с пирожками.

Дед Афоня со стаканом в руке, наполненным вполовину жидкостью красивого коричневого цвета, сказал:

— Что ж.

Дед Ефим ответил:

— Вот так, да.

И они сдвинули стаканы, опрокинули в себя коньяк и закусили разломанным пополам пирожком с капустой, которые Ефим Георгиевич вёз из Нижнереченска в гостинец заждавшейся его в избе на Биримкане внучке Кате Лыткариной. А оно вишь как вышло-то, идритки-лытки.

— А оленей мовно будет погвадить, деда Афоня? — спросил с набитым ртом Кирилл.

— Погладишь оленей, погладишь, куда они денутся, олени ездовые, спокойные, — разрешил эвенк. — Вы ешьте пока, ешьте. Потом мы вас спрашивать станем, а вы нам рассказывать.

И они с дедом Ефимом закусили коньяк ещё одним пирожком.

Ефим Георгиевич сидел рядом с Катей, гладил её по голове большой ладонью.

— Пирожки эти тётка твоя Валентина напекла с вечера, когда электричество в посёлке, наконец, дали. Двигатели всякие запустились, опять же. Под ночь ехать-то не с руки было, вот прямо с утра загрузил лодку да и поплыл. Я ж думал тогда через пару дней домой вернуться, а получилось, идритки-лытки, что застрял в посёлке на три недели. Сердце за тебя изболелось всё. Нет, ну так-то понимал, что не пропадёшь, справишься одна какое-то время, тайга для тебя с детства дом родной. Но всё ж таки маотно было, тревожно.

А уж когда из телевизора прояснилось, что не только тут у нас на Байкале этот электрический катаклизм приключился, а прямо аж по всему миру, то совсем лихо мне стало. С одной стороны, хорошо что мы в тайге никак, считай, цивилизацией не повязаны, а с другой, моторку не заведёшь, генератор у тебя тоже не работал, понятно. Вот и думай себе, вот и переживай.

А ты, оказывается, вон уже сколько от Биримкана отмахала по тайге, да не одна, а с целым, значит, отрядом пионерским. Я сам-то здешние места не сказать что шибко хорошо знаю — не то что Афоня, который всю эту тайгу от Байкала до Муи с Ципой аргишил. Вот и удивительно мне, как ты дорогу верную тут нашла, как ребят, считай, до Хатус привела.

— А сколько отсюда до курорта нам оставалось идти? — заинтересовался Егор.

— Дык сколько? — прикинул расстояние Ефим Георгиевич. — Ну, километров пятнадцать, может быть. Сегодня к вечеру пришли бы уже. Только никого в Хатусах теперь не осталось, все в Нижнереченск сумели выбраться ещё неделю назад. Но всяко завтра-послезавтра какой-никакой персонал туда вернётся, так что спокойно в сухих домиках да на чистых кроватях дождались бы людей...

Нет, удивительные вы молодцы какие получились. Совсем мне удивительные. — Это не я, деда, это вот он, Егор, нас сюда вёл, — Катя оторвалась от вымазывания хлебной горбушкой вкуснейших остатков на мисочном дне. — Я только помогала чем могла.

— Значит, ты, парень, самый главный здесь молодец, — оценил заслуги Егора дед Ефим. — Спасибо тебе, должник твой буду.

Егор только плечами пожал: должников среди взрослых у него ещё никогда не было. С почином, выходит.

А дед Афанасий уже разлил по кружкам настоящий чёрный чай, протёр ложки не сказать чтобы совсем уж чистым вафельным полотенцем, ткнул пальцем в банку:

— На хлеб варенье намазывайте, ребятки, — глянул на Ефима Георгиевича. — Какое оно у тебя, говоришь?

— Жимолостевое. У себя там на Биримкане ягоду брал, Валентина потом наварила дома. Вот, банку в избу вёз... Вы ешьте, ешьте, ребетня. А пока чай остывает, расскажи мне, Егор, про ваши приключения, если уж ты тут старшим был.

— Я не старший, Слон с Гигантом постарше будут. То есть, Юра с Антоном, — поправился Егор.

— Ну, не старший, значит, главный — так будем считать.

Егор и рассказал. В смысле, они все рассказывали, перебивая друг друга, запивая чаем жимолостевое варенье, а в кого оно уже не лезло, просто лежал на песке и нет-нет да и вставлял своё понимание описываемой картины мира.

— Ты двух тогда хариусов поймал в Приютной, а не трёх! — возмущённо поправлял Егора младший брат.

— Нет, нисколько не страшно на яхте было, даже в шторм, — не соглашалась с Верой Ника.

— Видели мы разбитый «Ветерок» там, на Елоховской, что ли, гряде, когда меня Копыто с Синим к себе первый раз на базу везли, — излагал свою часть приключения Юра Бабушкин.

— Да ну, там мелко было, мне даже плыть не пришлось, — вспоминал Антон историю спасения Вериного рюкзака на переправе.

— А потому что ты мне всегда рассказывал, что с медведем разговаривать нужно, если с ним нос к носу столкнулся, — напоминала деду Лыткарину внучка Катя.

— Очень мы все испугались, когда вчера опять этих браконьеров встретили. — Вера зачем-то положила ладонь на руку старшего из братьев Токаревых. — Кроме Егора, наверное.

Старики Ефим Лыткарин и Афанасий Нефёдов слушали хорошо, внимательно, не перебивали. Но Кирилл уже давно устал заново переживать историю их героического приключения и спросил:

— Я пойду оленей гладить, можно?

И Егор тут же вставил:

— «Ты пойдёшь оленей гладить?» — правнука спросил прапрадед», — откуда что только и взялось, вернее, вернулось. Ну, рифмы эти.

— Пошли, если хочешь, — Ефим Георгиевич встал во весь свой немаленький рост, обратился к старому товарищу. — Покажу им?

Дед Афоня кивнул, он только что налил себе в кружку чай из котелка, поскольку все уже чаю напились, и пустая банка из-под варенья стояла на клеенчатой скатерти, как будто не была полна до краёв ещё полчаса назад.

Оленей захотели погладить все, только Егор остался сидеть у костра, потому что... Не знал он почему, просто накатила вдруг страшная усталость и одновременно пришло ясное понимание, что вот теперь рядом взрослые опытные люди, которые будут принимать верные и правильные решения. Потому что они давно их принимают, всю свою жизнь, и уже не нужно самому решать что-то не только за себя, но и за брата Кирюшку, за симпатичную Веру-Софи, да и вообще. Всю жизнь бы так сидеть у костра, глядеть на огонь и ничего не решать. Вообще ничего. Но так ведь не бывает.

Старик Афанасий Нефёдов, напившись чаю, закурил, тоже молча смотрел на огонь, потом сказал:

— Это духи Неба рассердились на людей, привыкших считать себя богами, которым доступно всё знание мира — через телевизор, телефон, интернет, через машины и моторные лодки, через танки и смертоносные ракеты. Возгордились человеки, сказали себе, что они свободны от законов тайги и людских законов — не тех, что на бумаге записаны, а тех что природа в них сама заложила, чтобы жить в мире, покое и согласии с самим собой. Стали истреблять тайгу, потом себе подобных, потом решили весь мир сжечь вот в такую золу, — дед Афоня сгрёб узловатой ладонью серую золу с ещё мерцавшими в ней редкими огненными точками, высыпал на землю струйкой из тёмного кулака. — Духи напомнили нам, что так жить нельзя: нападать, убивать, воевать, лишать свободы. Дали урок. И кто-то этот урок выучит, а кто-то нет. Сеньку Копыто никакой урок не исправит, придётся нам самим его исправлять, давно нужно было, да как-то все своими делами занимались, думали потом как-нибудь, а тут, видишь, какая история вышла. А тебе, парень, это даже не урок был, просто духи показали какой ты есть на самом деле. И ребятам твоим тоже. Вы сейчас половину байкальской тайги прошли, много повидали, многое поняли. Вот что ты для себя понял, что для тебя теперь самое главное?

Егор недолго думал:

— То что свобода важнее гаджетов. Для всех важнее, не только для меня.

— Ты правильно понял урок. Ты хороший человек... А сейчас мы узнаем, что там у нас с вертолётom.

Вернувшиеся с зоологической экскурсии ребята вместе с Катиним дедушкой стояли вокруг и наблюдали, как Афанасий Николаевич достал из кармана телефон, набрал номер и просто кому-то позвонил. По телефону. Позвонил. По мобильнику. И телефон ответил.

— Что с бортом, Сергей?.. Ясно. Да, точка та же. Андрей вернулся?..

Отзвонился, нормально всё?.. Слушай, там ещё на Елоховской, оказывается, Павел Петрович с Валерой, которые с «Ветерка»... Ага, хорошо... Ладно, ждём. Дед Афоня закончил разговор, увидел огорошенные лица ребят, понял:

— Так связь со вчерашнего дня работает же. Мы так с Ефимом и договорились здесь встретиться.

И пока все судорожно вытряхивали свои рюкзаки с поисках давно забытых за ненужностью мобильных, разъяснил ситуацию деду Лыткарину:

— МЧС работает по всему Байкалу, из Улан-Удэ два борта со спасателями прилетели сегодня. С Гремячинского курорта туристов до того вывозили, там двое шибко болеют. Про аварию с «Ветерком» они в курсе, работают. Андрюха Фролов, капитан «Нерпы», отзвонился уже с Приютной, там порядок, всех забрал, везёт в Североозёрск. Борт к нам уже вылетел.

Кирилл удивился:

— А как спасатели узнали, что мы здесь?

— Как только Волна вернулась, и мы вас увидели ещё наверху, к Байкалу спускающихся, я сразу в Североозёрск позвонил, в МЧС. Скоро будут уже.

— Вас же в больницу надо, идритки-лытки, — добавил Ефим Георгиевич. — Исхудали-то как.

— А ты, дедушка? — спросила Катя, единственная не озабоченная поиском телефона.

— Так я что, я на лодке теперь обратно за тобой последую, в Нежнереченск. К вечеру буду, соскучиться не успеешь.

Егор наконец нашёл телефон, но он не включался. И ни у кого мобильники не работали. Что за ерунда? Почему отмена этого заклęcia духов на городские мобильники не подействовала?

Дед Афоня забрал телефон у начавшей всхлипывать Ники, покрутил в руках:

— Разрядился просто. Вам же их в тайге подзаряжать негде было — вот и не работают.

— А можно с вашего телефона маме позвонить? — спросил Кирилл.

— Конечно, говори номер, — Афанасий Николаевич набрал мамин номер на своём смартфоне (новая модель, как у папы, — отметил Егор), протянул Кириллу. Тот чуть дрожащими руками взял телефон, но тут же разочаровано вернул его обратно:

— Абонент недоступен.

— Бывает, — успокоил братьев Ефим Лыткарин. — Их сейчас, похоже, Андрей на «Нерпе» везёт из Приютной. А на море часто связи не бывает. Ничего, скоро все соберётесь, встретитесь. Недолго осталось... А теперь давайте живо в лес, живых веток наломайте с кустов, сюда несите.

— Зачем? — не понял Кирилл.

— Для дыма, — ответил всезнающий Антон Кляйн. — Чтобы сверху направление ветра вертолётчики видели.

И они принесли три больших охапки веток и хотели бросить их в костёр, но дед Афоня остановил: «Рано, сгорят до вертолёта. Пусть здесь полежат пока».

Тут Егор вспомнил важное:

— Дедушка Афоня, а Синий Валёк хороший человек или плохой?

— Беспутный он, пьющий, — ответил старый эвенк, подумал и добавил. —

Раньше хороший был. Лет десять назад кочевали мы к Баргузину, так он...

Историю про Валька дослушать никому не довелось, потому что Юрка вдруг заорал во всё горло: «Вертолёт!» И они вскочили, стали махать руками низко и уже близко подлетающему вертолёту. И бросили охапки сырых веток на костёр, от которого сразу повалил густой белый дым, сносимый ветром в сторону Байкала.

Это был хороший дым, правильный. Праздничный, практически.

Письмо Кирилла.

«Здравствуй, Катя.

Ты вчера позвонила, рассказала, как дела в школе, только мы совсем мало поговорили, а хотелось больше. Затем я решил тебе эсмэску отправить, но там тоже ничего много не напишешь, да и телефон у тебя тётин, зачем ей читать?

Потом вспомнил, что у меня есть твой адрес, и захотел написать настоящее письмо, чтобы прямо вот отправить в конверте, хоть так никто уже давно и не пишет, а Яна Леонидовна говорит, что у меня почерк неровный, нужно тренироваться писать так, чтобы строчки друг на друга не наезжали. Вот сижу пишу тебе, тренируюсь.

Хорошо, что деду Ефиму зубы новые всё-таки поставили, и он обратно на Биримкан вернулся. Помнишь, как он к нам в больницу приходил и брусники ведро принёс, а мы на бруснику уже смотреть не могли после этой тайги? Смешно было. А в соседней палате тогда лежали Павел Петрович с Валерой и звали нас приезжать следующим летом, чтобы они на «Ветерке» нас по всему морю бы покатали. И все согласились, кроме Юрки Бабушкина, который сказал, что он не только на Байкал, он вообще ни в один лес больше из города никогда не выйдет.

Только скучно там было лежать целых три дня, мы же не больные никакие были, а просто немножко голодные. И в поезде, когда назад ехали, совсем уже есть не хотелось, как бы мама с папой не старались нас кормить по пять раз в день, даже в вагон-ресторан водили, но там скучно и не очень вкусно было.

А что мне до сих пор нравится, так это ложиться спать на мягкое: хоть как в больнице на кровати, хоть в поезде на полке с матрасом, хоть дома на диване.

Красота, кто понимает.

Только про «глобальный энергетический катаклизм», как его в интернете называют, так ничего и непонятно. Ты же тоже у себя в Нижнереченске телевизор смотришь, наверное? Как думаешь, кто из учёных прав: те, кто считают, что это была техногенная катастрофа, вызванная общей перегрузкой энергосетей, или же те, кто ссылаются на аномальную геомагнитную бурю, вызванную солнечной активностью?

Про инопланетян как-то совсем мало говорят, смеются даже над этой теорией, а я-то этот катаклизм своими глазами видел, наверняка они всё это устроили, больше некому. У вас там на Байкал целая Академия наук отправляет большую международную комплексную экспедицию, чтобы на месте изучить, как и почему такое случилось. Расскажешь потом, что они там наисследуют, тебе на месте виднее будет.

А Егор считает, что это таёжные духи всё сделали: что-то там ему такое дед Афанасий тогда наплёл, когда мы оленей ходили смотреть. И даже в телевизор Егор про это рассказал, потому что к нам домой корреспондент с оператором приезжали расспрашивать, как мы всей семьёй в тайге выживали без электричества и сотовых телефонов.

Они смешные такие, ничего не знают. Спрашивают, чем питались в своих скитаниях? Егор отвечает: «Хариусов на рожнах готовили». А они такие: «Что за рожны? Никогда не слышали». Про медведя особенно просили рассказать, но никак в толк взять не могли, что в тайге не зверя, а человека нужно бояться. Но я про то, как ты с медведем разговаривала, всё им там подробно рассказал, только они, кажется, не очень поверили.

Два часа нам всякие вопросы задавали, а потом в телевизоре сюжет вышел ровно на восемь минут. Но папа сказал, что так всегда бывает, это не страшно, только зря Егор про духов каких-то рассказывал, и хорошо что этот кусок в телевизоре вырезали, потому что это нелепая история, смешная даже. А мама не согласилась и сказала: «Всё равно никто не знает настоящей причины, значит теория про таёжных духов ничем не хуже других. Давно уже людям пора прекращать вести войны, нападать на соседей, убивать себе подобных. Потому что уже хуже животных стали, честное слово. Вот духи и решили порядок навести».

А папа только смеётся и говорит, что на следующий год опять поедem на Байкал сплавляться по речке Тые на катамаранах вместе Тимофеем Олеговичем и его Никой, а может и с Верой, и с её мамой Анной Витальевной. А наша мама

говорит: «Только через мой труп». Но она всегда так говорит, а потом соглашается. Я бы хотел поехать, чтобы с тобой увидеться. А ты хочешь, чтобы мы приехали?

Только учёные мне как-то доверия не внушают, тут я с мамой заодно. Никто из них так и не объяснил, почему сейчас действует другой катаклизм? Всем уже давно понятно, что он тогда не исчез, а просто поменялся в другую сторону. Совсем не секрет, что электричество так и не работает у многих людей: ни телефоны не работают, ни электроплиты, ни автомобили — всё как у нас тогда, только не всех, а у некоторых.

И уже вышли научные статьи и всякие исследования, где много разных умных непонятных слов, но папа их нам читает в интернете и сам удивляется, потом объясняет по-простому: выходит, что летом электрическая энергия пропала только у хороших людей, а у плохих всё продолжало работать — и генераторы, и лодочные моторы. А теперь поменялось точно наоборот. И как-то сразу стало видно, у кого машины не заводятся, телефоны не работают, компьютеры не включаются. И эти люди стали скрывать такое своё положение, потому что сразу всем ясно, что они нехорошие. Папа говорит, что им теперь стыдно, а стыд облагораживает душу и помогает вернуться ей в человеческое состояние. И кто, кроме инопланетян, мог что-то подобное с нами устроить? Ну, вот такой эксперимент по определению хороших и нехороших людей? Разве что духи эти егоровские. Точнее, деда Афанасия Нефёдова.

Мама говорит, что в итоге доказано главное: в мире плохих людей совсем мало, а хороших очень много. Но папа все равно смеётся.

Ладно, буду прощаться. Напиши, что ты про всё это думаешь, если захочешь, конечно.

Чуть не забыл: звонила Мария Герхардовна, они с Антоном собираются к нам в гости на Новый год. А хорошо бы вообще всем собраться снова, только уже без всяких катаклизмов. Ты бы хотела?

А Егор чуть ли не каждый день звонит Вере Калинчук, и они о чём-то болтают по полчаса.

Всё, передавай большой привет Ефиму Георгиевичу, твоей тёте Валентине и её мужу. И деду Афоне Нефёдову, конечно. Егор, мама и папа тоже приветы передают.

Пока. Кирилл Токарев.

PS. Помнишь, тогда на Байкале вдруг мотор в лодке у Семёна Копыто заглох? Ну и вот».

2024 г.

